МУК «Истринская ЦБС»
Центральная библиотека
имени А.П. Чехова

Министерство культуры Московской области
Управление по культуре, спорту, туризму и работе с молодежью
Администрации городского округа Истра Московской области
Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля
Музейно-выставочный комплекс «Новый Иерусалим»
Союз краеведов России
Московское краеведческое общество
Центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»)

Посвящается 105-летию со дня присвоения имени А.П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне

ПЕРВЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ «КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИСТРИНСКОЙ ЗЕМЛИ»

**Сборник материалов
научно-практической конференции
13 декабря 2017 года**

Истра
2018

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Р-4Мо)
П 26

П 26 **Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли»: сборник материалов научно-практической конференции**. 13 декабря 2017 года. [Текст] /Центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т.В. Вартановой. – Истра; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2018. – 152 с.

Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли» посвящены вопросам истории краеведения Москвы и Подмосковья в контексте отечественного краеведческого движения, а также его современному состоянию. Особое внимание было уделено истринскому краеведению, прозвучала чеховская тема. В научно-практической конференции приняли участие краеведы, исследователи, сотрудники библиотек и музеев.

Составитель
О.И. Дудоладова
Общая редакция
Т.В. Вартанова
Редакторы
С.Ю. Олексюк
Е.А. Зорина

ISBN 978-5-6040841-5-1

© Центральная библиотека имени А.П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В. Бузлаева	Приветствие	7
Т.В. Вартанова	Вступление	8
Э.Д. Орлов	А.П. Чехов: скальпель и перо	16
В.Ф. Козлов	Краеведение Подмосковья в контексте отечественного краеведческого движения: история и современность	34
А.Г. Смирнова	Истра (Воскресенск) в истории краеведения Москвы и Подмосковья 1920-х – начала 1930-х гг. (по материалам НИОР РГБ и краеведческих журналов)	43
Е.А. Воронцова	Чеховские музеи в энциклопедии «Литературные музеи России»	61
О.И. Дудоладова	История Воскресенской библиотеки-читальни имени А.П. Чехова: новые страницы	68
М.С. Акимова	Чеховы и станция Крюково	72
Н.Ю. Менчинская	Е.Б. Бурых – историк, краевед, общественный деятель, директор Московского областного музея (МОМ) до 1935 г.	79
Н.В. Боголюбова	Фавор. Литературно-историческая Истра – первый в истории Истры альманах, его открытия и задачи (издаётся с 2015 г.)	90
С.Ю. Мамаев	Ивановская суконная фабрика	95
С.П. Носиков	Владелец усадьбы Глебово Борис Алексеевич Брусилов	107
О.С. Андрюхина	История библиотек города Дедовска	130

О.В. Анискина	Лермонтовская тропа в Воскресенск	135
В.В. Королевич	Библиотеки с именем как часть культурной среды района	140
Е.Н. Золотарева	Разработка и реализация экскурсионного маршрута «Павловская Слобода: путешествие сквозь века»	146
Список участников конференции		149

Бузлаева Елена Вячеславовна
Начальник Управления по культуре, спорту, туризму и работе с молодежью Администрации городского округа Истра Московской области

Добрый день, уважаемые коллеги и уважаемые гости!

Сегодня я рада приветствовать всех присутствующих на Первых краеведческих чтениях. Как всегда, творческий и профессиональный коллектив нашей библиотеки, нашей любимой Чеховки, закладывает замечательное и правильное дело, которое должно быть системным и получить в будущем своё развитие и продолжение.

В каждом городе живут такие люди, которые обладают качествами, позволяющими сохранить для нас, простых жителей, все эти мелочи, которые и делают историю. Может быть, мы смотрим на какой-то дом обычным взглядом, но если мы знаем о том, кто в этом доме жил, то этот дом наполняется для нас уже другим смыслом.

Очень приятно отметить, что здесь, в стенах нашей библиотеки, собираются люди, которые очень искренне любят свой край, свой город, свою деревню, свое село и собирают для нас эти исторические факты: и что-то великое, и что-то мелкое, что-то трагическое и что-то смешное. Всё вместе это доносится до нас как история, общим словом – краеведение.

Хочу сказать огромное спасибо и поприветствовать всех, кто здесь собрался. Думаю, что краеведческие чтения будут для нас очень интересными и очень познавательными, они будут интересны для наших жителей, для наших детей. Надеюсь, что мы потом обязательно увидим сборник, изданный по итогам конференции.

Хочу сделать подарок – новую книгу, подаренную мне наместником Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Она действительно про историю, она действительно про краеведение. В библиотеке есть стенд, посвященный Москве, Московской области, Истре. Такой книги у вас нет, поэтому я хочу ее подарить вам, она не должна лежать у меня на столе. Пусть ее читают наши жители!

Желаю всем творческой, очень плодотворной работы, научной работы на краеведческих чтениях.

Т.В. Вартанова
Директор Центральной библиотеки имени А.П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)

Истринская библиотека имени А.П. Чехова[1] является одной из старейших библиотек Подмосковья, библиотеке – 107 лет. Богатая история Истринского[2] края связана с грандиозными событиями и выдающимися именами. На Истринской земле воплощен великий замысел Патриарха Никона – создание Русской Палестины. Воскресенский собор, или Новый Иерусалим[3], является копией Храма Гроба Господня в Иерусалиме, а окрестности Нового Иерусалима чудесным образом повторяют Святую землю, представляя собой ландшафтную икону. Здешние места воспевали Державин, Лермонтов, Блок, Андрей Белый, находили вдохновение Чайковский и Мусоргский, здесь жил и творил Левитан.

Особое место принадлежит Антону Павловичу Чехову. Истринский край вписан в биографию великого писателя, здесь много достопримечательных мест, связанных с его жизнью и творчеством. Воскресенский период – период становления Чехова как писателя и гражданина. Здесь,

---

[1] Центральная библиотека имени А.П. Чехова – центральная библиотека МУК «Истринская ЦБС» (Муниципальное учреждение культуры «Истринская централизованная библиотечная система» городского округа Истра Московской области). ЦБС состоит из 11 библиотек. Библиотека – методический центр 32 библиотек городского округа Истра Московской области. С 2013 г. – член Российской библиотечной ассоциации.

[2] Истринский район расположен на северо-западе Московской области. На территории района проживает 115 тыс. человек, из них в Истре – 33 тысячи, Истра является административным центром района. В 2018 г. район преобразован в городской округ Истра. Истра расположена в 40 км от Москвы на берегу р. Истра. Городу 237 лет. В 1781 году село Воскресенское, известное с XVI века, было преобразовано в уездный город Воскресенск. В 1930 году город Воскресенск переименовали в Истру по названию реки.

[3] Ставропигиальный мужской монастырь Русской православной церкви в городе Истре Московской области. Монастырь основан в 1656 году Патриархом Никоном.

в Чикинской лечебнице[4], что в двух верстах от Воскресенска, Чехов проходил медицинскую практику, будучи студентом медицинского факультета Московского университета, а затем служил начинающим земским врачом, здесь состоялась и его писательская практика. В здании Чикинской больницы по инициативе Благотворительного общества[5] 1 января 1911 г. была открыта библиотека. На общем собрании Общества П.А. Архангельский[6] предложил почтить память А.П. Чехова учреждением в городе Воскресенске библиотеки-читальни его имени: «Память А.П. Чехова, близкого по своим интересам к земской, общественной и просветительной деятельности, найдет себе в этом учреждении достойное увековечение»[7]. Это предложение было встречено с большим энтузиазмом, был объявлен сбор средств, в нем участвовали известные люди, состоятельные горожане и самые простые жители. 19 января 1912 г. имя А.П. Чехова библиотеке было присвоено официально[8].

В судьбе библиотеки было много драматических страниц, самая страшная – это ноябрь 1941 г., когда библиотека практически полностью погибла в результате бомбежки фашистскими захватчиками. В Истре не осталось ни одного целого здания, включая Новый Иерусалим, Воскресенское приходское училище, где служил Иван Павлович Чехов, брат Антона Павловича, и здание, где располагалась библиотека. Взрыв уничтожил уникальные книги и роскошную мебель, поступившие из дворянских усадеб после революции, были утрачены документы, связанные с историей библиотеки. С марта 1942 г. библиотека начала возрождаться, комплектовалась даже в годы войны. К 1946 г. была сформирована библиотека, которая вернула свой предвоенный статус центральной библиотеки, но имя Чехова затерялось. Долгие годы библиотека не имела постоянного местопре-

---

[4] Чикинская (Воскресенская) земская лечебница была открыта по решению Московского губернского собрания 1 декабря 1878 года в одном из зданий бывшей дачи купца Чикина. В настоящее время здесь располагается Истринская центральная больница.

[5] Благотворительное общество при Воскресенской лечебнице создано в 1896 г. для помощи больным, одиноким, беспомощным. Членом общества был доктор Чехов.

[6] Архангельский Павел Арсентьевич, главный врач Чикинской больницы (1876–1907 г.), Председатель Благотворительного общества.

[7] Отчет о работе Воскресенского Благотворительного общества за 1910 год. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1911. – С. 19. (Копия документа из фонда Российской государственной библиотеки).

[8] Уведомление министра внутренних дел № 281 от 19 января 1912 г. Центральный государственный архив г. Москвы.

бывания, много раз переезжала, и только в 1980 году получила помещение на первом этаже жилого дома, где располагается по сегодняшний день. В 90-е годы, в этот непростой для всей страны период, директор библиотеки обращается с ходатайством о восстановлении библиотеки имени А.П. Чехова в Совет депутатов Истринского района.

К 90-летию библиотеки, в 2001 г.[9], имя Чехова вернулось, и эта дата стала поворотным моментом современной истории библиотеки, которая является историческим и культурным достоянием Истринской земли. С этого времени начинается активная деятельность по воссозданию уникальной истории самой библиотеки, изучению истории и культуры края. В 2001 г. библиотека присоединилась к профессиональному сообществу «Библиотеки имени А.П. Чехова», появилась возможность знакомиться с историей чеховских библиотек и их деятельностью. Общие усилия способствуют не только популяризации наследия А.П. Чехова, развитию краеведения, но и содействуют продвижению книги и чтения в целом. Центральная городская публичная библиотека имени А.П. Чехова г. Таганрога выпустила путеводитель «Библиотеки им. А.П. Чехова»[10], в котором представлена и Истринская библиотека. Возрождая традиции вечеров в усадьбе Бабкино[11], где гостил А.П. Чехов, бывали многие известные музыканты, литераторы, актеры, жил И.И. Левитан, да и сама М.В. Киселева, хозяйка усадьбы, занималась литературным творчеством и прекрасно музицировала, библиотека открыла литературно-музыкальную гостиную, которая стала центром притяжения творческой интеллигенции Истры. «Чеховские дни на Истре»[12] и Фестиваль «Наш Чехов», организованный библиотекой и посвященный 150-летию великого писателя, были наполнены многими интересными событиями, среди которых визит Льва Константиновича Дурова, народного артиста СССР, он оставил на память теплый и трогательный отзыв: «Глубоко восхищён вашей районной библиотекой имени

---

[9] Решение Совета депутатов Истринского района Московской области от 17 мая 2001 г. № 4/12 «О присвоении наименования Истринской центральной районной библиотеки имени А.П. Чехова».

[10] Библиотеки имени А.П. Чехова: путеводитель / сост. Методический отдел ЦГПБ имени А.П. Чехова МУК ЦБС. – Таганрог, 2010. – С. 16.

[11] Бабкино – деревня, расположенная в Бужаровском сельском поселении городского округа Истра. В усадьбе Бабкино в 1885–1887 годах в летние месяцы жил Чехов с семьёй.

[12] Фестиваль «Чеховские дни на Истре». Организаторы мероприятия – Центральный дом духовного наследия общества «Знание» России, Отдел культуры Администрации Истринского района, МУК Истринская ЦБС. 2008 г.

Чехова. Прекрасное помещение, светлое, красивое, там всё сделано для читателей. Это библиотека, из которой не захотел бы уходить и сам Антон Павлович. Давно не видел таких библиотек. Уверен, она одна из лучших в Подмосковье»[13].

Проект Истринской библиотеки «Наш Чехов» был представлен на юбилейной конференции в Доме-музее А.П. Чехова в Москве, библиотеку отметили Благодарственными письмами Министерства культуры Московской области и Московской областной государственной научной библиотеки имени Н.К. Крупской, авторов проекта наградили Памятной медалью Министерства культуры Российской Федерации «150 лет А.П. Чехова». Эти события положили начало нашей дружбе и сотрудничеству с Государственным литературным музеем.

Исторический факт учреждения библиотеки в память о великом писателе является основанием ее причастности к большому чеховскому миру. 18 марта 2013 г. Истринская библиотека имени А.П. Чехова вступила в Международное Сообщество чеховских музеев и библиотек[14]. Членство в Чеховском сообществе невероятно обогатило деятельность библиотеки: знакомство с ведущими чеховедами страны и мира, Чеховской комиссией Российской Академии наук, музеями и библиотеками Москвы, Мелихово, Таганрога, Ялты, Баденвейлера, Сахалина, с замечательными людьми, которые там работают. На встречу с истринскими читателями приезжала А.П. Кузичева, биограф и автор многих книг о семье Чеховых. Мы познакомились с С.Н. Кайдаш-Лакшиной, вдовой В.Я. Лакшина, выдающегося литературоведа, первого председателя Чеховской комиссии Российской Академии наук. Истринская библиотека имени Чехова стала участником Международной эстафеты Сообщества чеховских музеев и библиотек «Чехов без границ»[15] и Международной научной конференции «Остров Сахалин – открытый финал». Миссия эстафеты состояла в популяризации

---

[13] Собственноручная запись Л.К. Дурова в «Книге почетных гостей Истринской библиотеки имени А.П. Чехова». 2010 г.

[14] Международное Сообщество чеховских музеев и библиотек было организовано в марте 2007 года и объединило все чеховские музеи мира. В его составе – восемь музеев России, Украины, Германии и четыре российских библиотеки. Все они связаны с памятными местами жизни и пребывания писателя, хранят чеховские реликвии и занимаются популяризацией чеховского наследия.

[15] Международная эстафета Сообщества чеховских музеев и библиотек «Чехов без границ». Организаторы – Министерство культуры Сахалинской области и Сахалинская областная универсальная научная библиотека. 2015 г.

чеховского наследия силами профессионалов-практиков, участники представляли на острове накопленное интеллектуальное богатство библиотек и музеев о Чехове. Творческие встречи с сахалинцами прошли в учебных заведениях, библиотеках, музеях Александровска-Сахалинского, Тымовского, Долинска, Южно-Сахалинска, Корсакова, Невельска и Холмска. Такой далекий Сахалин оказался очень близким – по духу, по интересу и любви к Чехову. Эстафета подарила новые знакомства, новые знания, идеи, мысли, возможности сотрудничества и взаимодействия. «Просахалинившись», участники разъехались, увозя с собой частичку тепла сурового острова, чтобы поделиться им в своих городах и продолжить чеховскую эстафету. Теперь Истру с Сахалином соединяет прочная нить содружества, впрочем, как и с Таганрогом, Москвой, Мелихово, Ялтой, Сумами и Баденвейлером.

В 2016 г. вышел в свет альбом «Чеховское Подмосковье»[16], в котором представлено описание чеховских достопримечательных мест Московской области. Истринская библиотека представлена в альбоме как Чеховский культурно-просветительский центр. Презентация альбома состоялась в Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее.

История библиотеки переплетена со многими учреждениями города. Изначально библиотека была открыта в помещении лечебницы, располагалась в помещении Народного дома, где потом был открыт Драматический театр, после войны библиотеку первыми восстанавливали учителя из школы имени Чехова, в 60-е гг. переехала в Дом культуры. Поэтому неслучайно в библиотеке родился Краеведческий клуб «Истринские зори». Неразрывно связана история библиотеки с литературным движением нашего края, библиотека возродила Литературное объединение. В библиотеке собираются поэты, проходят вечера, встречи, издаются литературные альманахи.

А.П. Чехов обладал уникальным талантом притягивать людей. В его окружении было огромное число выдающихся личностей – Левитан, Чайковский, Толстой, Бунин, Горький, Станиславский и многие-многие другие. И сегодня его имя обладает необыкновенной притягательной силой. У истринцев существует потребность и желание реализовывать себя в культурно-просветительских проектах библиотеки и быть причастными к сохранению культурного наследия. Об этом свидетельствуют отклики на

[16] Чеховское Подмосковье [Альбом] [Текст] /Сост. Л.А. Королева; предисл. профессора И.Н. Панина. – М. : Гелиос АРВ, 2016. – 192 с., илл.

все наши начинания, которые с энтузиазмом подхватываются, мы получаем много пожеланий и предложений. Литераторы презентуют и дарят книги, художники выставляют картины в арт-галерее библиотеки, выступают артисты, певцы, музыканты. Библиотека является центром притяжения всех, кому дороги история и культура. В библиотеке работает клуб Бибэкс – Библиотечное бюро экскурсий, накопивший немалый ресурс виртуальных и пешеходных экскурсий.

Творческими партнерами библиотеки стали Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей), Музейно-выставочный комплекс Московской области «Новый Иерусалим», Туристический кластер «Русская Палестина», Российская государственная библиотека искусств, Библиотека-читальня имени И.С. Тургенева, Лермонтовское общество и многие другие авторитетные организации. С такими солидными партнёрами совместная работа приобретает дополнительные ресурсы и иное качество. Особое значение мы придаем установлению сотрудничества с Союзом краеведов России и Московским краеведческим обществом, уверены, что это послужит развитию истринского краеведения, расширению круга единомышленников, развитию межрегиональных культурных связей и сохранению исторического наследия.

Библиотека носит имя великого писателя Антона Павловича Чехова, расположена на улице, названной в честь прославленной 9 Гвардейской дивизии под командованием легендарного генерала армии, дважды Героя Советского Союза Афанасия Павлантьевича Белобородова. Библиотека является местом живой памяти. Библиотека видит свою миссию в изучении и сохранении культуры, развитии краеведения и просветительской деятельности в широком понимании. Именно поэтому библиотека подошла к важному решению учредить ежегодные Воскресенские чтения в форме научно-практической конференции для обсуждения вопросов истории культуры, краеведения, в том числе литературного краеведения, краеведческой деятельности библиотек, музеев, общественных организаций, в системе образования.

13 декабря 2017 г. состоялись Первые Воскресенские чтения – научно-практическая конференция «Краеведческие традиции Истринской земли», организованная при поддержке Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей), Музейно-выставочного комплекса «Новый Иерусалим», Союза краеведов

России и Московского краеведческого общества. Чтения были посвящены 105-летию присвоения имени Чехова Воскресенской земской публичной библиотеке-читальне.

Тон чтениям был задан лекцией «А.П. Чехов: скальпель и перо. Медицина в жизни и творчестве писателя» заместителя директора Государственного литературного музея по научной работе Эрнеста Дмитриевича Орлова[17], он рассказал о пребывании чеховской семьи в Воскресенске и Звенигороде, медицинской практике Чехова и его окружении.

Благодаря сотрудничеству с Гослитмузеем и личному участию Эрнеста Дмитриевича библиотека создала чеховскую мемориальную экспозицию, основу которой составили копии музейных предметов, экспонировавшиеся в Доме-музее А.П. Чехова на выставке «Три счастливых лета: Чеховы в Бабкине». 30 января 2018 г. впервые в Истре была открыта экспозиция «А.П. Чехов и Воскресенск» в Центральной библиотеке имени А.П. Чехова.

Выражаю самую сердечную благодарность руководству Государственного литературного музея и лично Эрнесту Дмитриевичу Орлову за деятельную поддержку начинаний библиотеки, за бесценную помощь в подборе и предоставлении документов из фондов музея, научные консультации, а также блистательные лекции, с которыми Эрнест Дмитриевич неоднократно выступал в нашей библиотеке. Надеюсь на продолжение и развитие сотрудничества с Государственным литературным музеем, Домом-музеем А.П. Чехова, что является для нас предметом особой гордости.

Программа Первых Воскресенских чтений была насыщена содержательными докладами, интересными выступлениями, дискуссиями и перспективами на будущее. Доклады, прозвучавшие на Первых Воскресенских чтениях, включены в данный сборник. Благодарю всех участников Чтений за плодотворную работу и надеюсь на укрепление сотрудничества, а также приглашаю к участию всех заинтересованных лиц в следующих Чтениях.

От лица всего коллектива библиотеки хочу выразить слова благодарности в адрес руководства городского округа Истра за финансовую поддержку деятельности библиотеки, поддержку инициатив библиотеки, понимание наших проблем и задач. Лично благодарю Андрея Геннадьевича Дунаева, руководителя администрации городского округа Истра, Ирину Борисовну Юлынцеву, заместителя руководителя администрации город-

[17] Орлов Эрнест Дмитриевич, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля, руководитель отдела «Дом-музей А.П. Чехова».

ского округа Истра, Елену Вячеславовну Бузлаеву, начальника Управления по культуре, спорту, туризму и работе с молодежью администрации городского округа Истра. Мы ценим ваш вклад в развитие культуры и ваше внимание к вопросам сохранения исторического наследия.

Наши стремления по созданию чеховской мемориальной экспозиции поддержала не только администрация городского округа Истра, но и Московская областная Дума. Огромное спасибо Галине Сергеевне Уткиной, депутату Московской областной Думы, за помощь и поддержку библиотеки.

Спасибо коллективу Чеховки, настоящим профессионалам, которые ведут исследовательскую и изыскательскую работу в архивах и библиотеках, которые с любовью и трепетом собирают и пополняют фонд краеведения и чеховианы, и для которых миссия библиотеки состоит в «желании служить общему благу»[18]. А наши уважаемые партнеры и друзья, руководители и читатели помогают нам делать одно большое общее дело – сохранять культурную память.

[18] Чехов А.П. Записная книжка I. 20 марта 1891 г. «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья».

Э.Д. Орлов

А.П. ЧЕХОВ: СКАЛЬПЕЛЬ И ПЕРО

Ещё с 1881 года как студент-практик, а затем после окончания медицинского факультета Московского университета Чехов работал в воскресенской Чикинской больнице, которой заведовал П.А. Архангельский, ученик одного из основоположников земской медицины Е.А. Осипова, известный врач-терапевт, пройти практику у которого мечтали многие.

В доме Архангельского устраивались вечера, молодые врачи обсуждали литературные новинки, спорили о политике, пели народные песни. «Эти вечеринки, – вспоминал младший брат Чехова Михаил, – были для меня школой, где я получил политическое и общественное воспитание и где крепко и навсегда сформировались мои убеждения как человека и гражданина»[1].

Получил ли М.П. Чехов именно в доме Архангельского «политическое и общественное воспитание», теперь доказать невозможно, в его воспоминаниях и оценках много неточностей и ошибок, но очевидно, что лето, проведённое в Воскресенске, оказалось плодотворным для Чехова-писателя. Эти встречи, но в особенности общение с больными, стали необходимым источником деталей и впечатлений, нашедших отражение в рассказах «Беглец» и «Хирургия». Почтмейстер города Воскресенска подсказал сюжет рассказа «Экзамен на чин», а участие в судебно-медицинском вскрытии, «на поле, под зеленью молодого дуба, на проселочной дороге» (П., 1, 116)[2], куда он ездил с уездным врачом и М.И. Шеффером, «дряхлым, еле дышащим и за ветхостью никуда не годным судебным следователем» (П., 1, 116–117) очевидно отразилось в рассказах «Мёртвое тело» и «Следователь».

---

[1] *Чехов М.П.* Антон Чехов на каникулах / А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 85.

[2] Здесь и далее цитаты из писем и сочинений А.П. Чехова даются по изданию: *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983 с обозначением в скобках «П» для писем, «С» для сочинений, а также номера тома и страницы.

В Воскресенске Чехов познакомился со многими из тех, с кем общался потом долгие годы, например, врачом П.И. Куркиным, звенигородским уездным врачом П.Г. Розановым, на свадьбе которого в январе 1886 года выступил шафером и «налисабонился важно, не щадя живота» (П., 1, 181).

В 1884 году звенигородский врач С.П. Успенский, собираясь взять отпуск, попросил Чехова подменить. В середине июля Чехов исполнял его обязанности по больнице, а также обязанности уездного врача, жил в квартире Успенского при больнице. Об этом он сообщал 14 июля Н.А. Лейкину: «В настоящее время я нахожусь в граде Звенигороде, где волею судеб исправляю должность земского врача, упросившего меня заменить его на 2 недельки. Полдня занят приемкой больных (30–40 человек в день), остальное же время отдыхаю или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже 3-й день нехороший, безостановочный дождь...» (П., 1, 118).

А в начале июня 1885 года Чехов уже заменял Архангельского. Напоминая об обещании, Архангельский писал: «...надеемся на Вас, как на каменную гору, и надежда наша тем более крепка и основательна, что Вы *дали слово* сменить меня с женою <...> Но... условие прежде всего. Вы не смеете отказываться от акушерства и жалованья. Всякий труд должен быть оплачиваем, с какой же стати Вы будете даром трудиться, чудак Вы этакий! Ждем скорейшего ответа и конечно утвердительного <...> В неделю раз Вы будете иметь возможность удирать куда Вам угодно на день или на два. Хотя это непозволительно, но что поделаешь с Вашей перелетной натурой» (П., 1, 513).

После окончания университета Чехов всерьёз думал о постоянной работе врачом, искал места в Московской детской больнице. Из Звенигорода сообщал брату Ал.П. Чехову в июле 1884 года: «Гляжу на себя и чувствую, что не жить нам, братцы, вместе! Придется удрать в дебри в земские эскулапы... Милое дело!» (П., 1, 119). Но по разным причинам постоянного места нигде Чехов не получил в отличие от многих своих однокурсников. Возможно, история русской литературы пошла каким-то иным путем, если бы Чехову-врачу нашлось место в клинике...

Часто Чехов вёл приём пациентов в Москве: на двери дома № 3 в Головином переулке на Сретенке, где семья снимала квартиру, в сентябре 1884 года появилась табличка «Доктор Чехов», что обязывало принимать больных, а в ежегодном «Календаре для врачей» был напечатан адрес Чехова.

«Медицина моя шагает помаленьку. Лечу и лечу. Каждый день приходится тратить на извозчика более рубля. Знакомых у меня очень много, а стало быть, немало и больных. Половину приходится лечить даром, другая же половина платит мне пяти- и трехрублевки. (В Москве врачам не платят менее 3-х рублей за визит. Здесь всякий труд дороже ценится, чем в Таганроге.) Капитала, конечно, еще не нажил и не скоро наживу, но живу сносно и ни в чем не нуждаюсь. Если буду жив и здоров, то положение семьи обеспечено» (П.,1,141), – сообщал дяде М.Е. Чехову новоиспечённый врач.

* * *

Выбор медицинского факультета был продиктован волей отца и матери – П.Е. и Е.Я. Чеховых. 1 марта 1879 года последняя писала оставшемуся в Таганроге Антону: «Скорей кончай в Таганроге ученье, да приезжай, пожалуйста. Скорей, терпенья недостаёт ждать. И непременно по медицинскому факультету иди, уважь меня, самое лучшее занятие <...> Ещё скажу, Антоша, если ты трудолюбив, то в Москве всегда дело найдёшь и заработаешь деньги. Здесь неудалые да ленивые не имеют дела или денег на нужды, мне так кажется, что ты, как приедешь, то мне лучше будет»[3].

Примечательно, что в старших классах гимназии, согласно воспоминаниям товарища Чехова по гимназии М.Ф. Волкенштейна, было организовано несколько кружков, и «Чехов был в кружке, прозванном “земские врачи”. Ближайшими его друзьями были: Савельев, Зембулатов, Кукушкин, Зиберов и Краса <Красса>. Все они, по окончании гимназии, поступили на медицинский факультет»[4]. В списке учеников Таганрогской гимназии, которым был выдан аттестат зрелости, также отмечено, что Антон Чехов желает поступить в Московский университет по медицинскому факультету.

Вместе с В.И. Зембулатовым и Д.Т. Савельевым в качестве пансионеров А.П. Чехов приехал 8 августа в полуподвальное помещение у церкви святого Николая на Грачёвке, служившее чеховской семье квартирой. Позже к ним присоединился Н.И. Коробов, родом из Вятки, также поступивший на медицинский факультет. Принять его на квартиру просил родителей Чехова отец Коробова. (С приездом Н.И. Коробова стало понятно, что в тесном и сыром подвальном помещении жить невозможно, и семья с тремя нахлебниками 20 сентября 1879 года переехала в другую квартиру

---

[3] Цит. по: Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. Таганрог, 2003. С. 263.

[4] Цит. по: Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. I. – М., 2000. С. 57–58.

на втором этаже дома Савицкого по той же Грачёвке: Зембулатов и Коробов – в одной комнате, Савельев – в другой, Николай, Антон и Михаил Чеховы – в третьей, мать и сестра Мария – в четвертой, пятая же служила приемной для всех)[5].

10 августа Антон Чехов, как, вероятно, и его товарищи, подал прошение на имя ректора Московского университета Н.С. Тихонравова о принятии его в число студентов. Деканом медицинского факультета в то время был выдающийся патологоанатом И.Ф. Клейн.

А.П. Чехову довелось слушать лекции многих замечательных учёных, представителей клинических школ и направлений. На первом курсе – А.П. Сабанеева – по неорганической химии, Н.А. Любимова – по физике, И.Н. Горожанкина – по ботанике, А.П. Богданова – по зоологии, М.А. Толстопятова – по минералогии, Д.Н. Зёрнова – по анатомии здорового человека, Н.А. Сергиевского – по богословию[6].

На втором курсе – проф. А.Д. Булыгинского – по органической химии, проф. Д.Н. Зёрнова – по анатомии здорового человека с упражнениями на трупах, А.И. Бабухина – по эмбриологии, гистологии и сравнительной анатомии, А.Б. Шереметьевского – по физиологии, А.Б. Фохта – по общей патологии, А.А. Тихомирова – по фармакогнозии и фармации[7].

На третьем – Д.И. Найдёнова – по накожным и венерическим болезням, В.И. Ельцинского – по частной патологии и терапии, В.С. Богословского – об учении о минеральных водах, А.Б. Фохта – по общей патологии, Н.А. Тольского – по детским болезням, А.М. Макеева – по акушерству, М.П. Черинова – по врачебной диагностике и общей терапии (с пропедевтической клиникой), Ф.И. Синицина – по теоретической хирургии, В.С. Богословского – по токсикологии, А.А. Соколовского – по фармакологии и рецептуре, А.Д. Булыгинского – по физиологической и патологической химии, Н.В. Воронцовского – об учении о переломах и вывихах, о машинах и повязках[8].

На четвёртом – А.Я. Кожевникова – о систематическом и клиническом изложении учения о нервных и душевных болезнях, Г.И. Брауна – по теоретической хирургии, Н.В. Склифосовского, Н.В. Воронцовского

---

[5] *Федоров И.В.* А.П. Чехов и его университетские товарищи в их взаимоотношениях и переписке // Антон Павлович Чехов: Сборник. Статьи, исследования, публикации. Ростов н/Д., 1954. С. 44.

[6] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 386. Ед. хр. 69. Л. 1–6.

[7] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 387. Ед. хр. 51. Л. 1–8.

[8] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 388. Ед. хр. 59. Л. 311.

(оперативная хирургия) и А.А. Боброва (учение о повязках и машинах) – по хирургической клинике, Г.А. Захарьина – по терапевтической клинике, В.Ф. Снегирёва – по акушерству и женским болезням (с клиникой), Н.А. Тольского – по детским болезням (с клиникой), И.И. Нейдинга – по судебной медицине и судебно-медицинским вскрытиям, токсикологии, гигиене и медицинской полиции[9].

На пятом – А.Я. Кожевникова – о систематическом и клиническом изложении учения о нервных и душевных болезнях; Д.И. Найденова – о систематическом и клиническом изложении учения о накожных болезнях; И.Ф. Клейна – о патологической анатомии: систематическое изложение, патологические вскрытия; Г.И. Брауна, Ф.И. Синицина – по теоретической хирургии; А.М. Макеева – по акушерству и женским болезням (с клиникой), И.И. Нейдинга – по судебной медицине и судебно-медицинским вскрытиям, гигиене и медицинской полиции, А.А. Остроумова – по госпитальной и терапевтической клинике, И.Н. Новацкого – по госпитальной хирургической клинике[10].

Спустя много лет после окончания университета Чехов неоднократно обращался ко многим из своих преподавателей за консультацией.

По воспоминаниям Н.И. Коробова, Чехов «особенно на первых двух курсах, был студентом работящим и аккуратным, исправно посещал лекции и хорошо сдавал экзамены»[11].

Из всех преподавателей особенно высоко Чехов ставил Григория Антоновича Захарьина – как тонкого диагноста, терапевта, блестящего лектора, ученого. В нескольких письмах разных лет Чехов уподобляет Захарьина Л.Н. Толстому: «Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей Захарьина...» (П., 4, 302). «Захарьина я уподобляю Толстому – по таланту» (П., 3, 264). Любопытно, что Толстой и Захарьин были хорошо знакомы, переписывались: Захарьин долгое время был лечащим врачом писателя[12].

О врачебном методе Захарьина упоминается во многих письмах А.П. Чехова. Редактору журнала «Осколки» Н.А. Лейкину он писал 8 февраля 1887 года: «От толщины и большого живота у меня имеется прекрасное медицинское средство, преподанное мне Захарьиным» (П., 2, 27). Речь шла о молочной диете, что понятно из последующих писем.

---

[9] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 388. Ед. хр. 78. Л. 1–4; Оп. 389. Ед. хр. 73. Л. 1–6.

[10] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 391. Ед. хр. 78. Л. 1–6.

[11] Цит. по: Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 1. М., 2000. С. 74.

[12] Эта переписка была опубликована Е.Б. Меве в «Медицинской газете» в 1979 году.

27 ноября 1889 года Чехов советовал издателю А.С. Суворину: «Насчет головной боли. Не пожелаете ли Вы посоветоваться в Москве с Захарьиным. Он возьмет с Вас сто рублей, но вам пользы minimum на тысячу. Советы его драгоценны. Если головы не вылечит, то побочно даст столько хороших советов и указаний, что Вы проживете лишних 20–30 лет» (П., 3, 295).

От лекций Захарьина у Чехова осталось яркое впечатление. Когда они были опубликованы в 1889 году, Чехов отметил: «Вышли лекции Захарьина. Я купил и прочел. Увы! Есть либретто, но нет оперы. Нет той музыки, какую я слышал, когда был студентом. Из сего я заключаю, что талантливые педагоги и ораторы не всегда могут быть сносными писателями» (П., 3, 295).

Как отмечает в своей книге «Доктор А.П. Чехов» Б.М. Шубин, «“музыка” захарьинских лекций восхищала многих врачей. Послушать Захарьина приезжали врачи из разных городов России. Однажды его лекцию посетил французский терапевт Анри Юшар, и Г.А. Захарьин в знак уважения и гостеприимства прочитал её на французском языке»[13].

Многим ученикам Захарьина запомнились его лекции. Создатель отечественной школы педиатрии Н.Ф. Филатов вспоминал: «...Какие дивные лекции мы слышали: всё было взвешено, мысль излагалась ясно, глубоко обдуманно: его своеобразная дикция и слог лаконично врезывались в память. Он говорил о данном случае, и вместе с тем мы черпали познания общие по этой болезни... Обладая необычайной памятью, он приводил нам уже бывшие перед нами подобные же случаи и группировал их так, что они стояли перед нашими глазами. Диагноз он ставил так логично, что никаких сомнений у нас не появлялось... Его лекции бывали переполнены студентами, жаждавшими услыхать новое слово науки»[14].

В мемуарах известного русского гистолога, ставшего профессором Московского университета в год его окончания Чеховым, И.Ф. Огнева, также немало места отводится личности Захарьина: «На лекции Захарьин приезжал в клинику в прекрасной пролетке на крепкой рысистой лошади и, не раздеваясь, сразу проходил в свой кабинет, за аудиторией.

Лекции Г.А. Захарьина были удивительно талантливы и при том вовсе не блистали красноречием или глубокой продуманностью. В них чувствовалась одаренность лектора, умевшего выдвинуть самое нужное и существенное, указать на значение часто, на вид самого малого признака;

[13] *Шубин Б.М.* Доктор А.П. Чехов. Изд. 3-е, доп. М., 1982. С. 24.

[14] Там же.

чувствовался прекрасный терапевт, учивший пользоваться небольшим запасом лекарств, но с полным пониманием того, что делаешь. В лекциях все было оригинально: и короткий, ясный стиль их, и опытность, и полное отсутствие книжной мудрости, и умение приступиться к больному просто, с огромным здравым смыслом.

Захарьин хорошо знал себе цену. Прибытие знаменитого профессора к больному было целым событием. Перед ним появлялся ассистент, устраивавший весь церемониал приема, где и как встречать научное светило, как разговаривать, куда сажать. Ассистент предварительно исследовал больного и о результатах докладывал своему патрону»[15].

Чехов знал взгляды своего учителя по вопросам клиники, гигиены и профилактики. «Чем зрелее практический врач, – говорил Захарьин в актовой речи 1873 года «Здоровье и воспитание в городе и за городом», – тем более он понимает могущество гигиены и относительную слабость лечения, терапии. Победоносно спорить с недугами масс может лишь гигиена. Понятно поэтому, что гигиенические сведения необходимее, обязательнее для каждого, чем знание болезней и их лечение»[16].

Врач должен так обследовать больного, чтобы ни сам он не терял драгоценного времени, ни больной не страдал от обременительных для него способов диагностики, считал Захарьин: «Сколько раз приходилось мне видеть, – признавался он, – неудовлетворительную деятельность врачей... набирает такой врач массу мелочных и ненужных данных и не знает, что с ними делать; истратит свое время и внимание на сбор этих данных и, не пройдя правильной клинической школы, не замечает простых, очевидных и вместе важных фактов... Такой врач полагает всю “научность” своего образа действий в приложении “тонких”, и, конечно, последних, новейших методов исследования, не понимая, что наука – высшее здравомыслие – не может противоречить простому здравому смыслу»[17].

Лечение не есть механический процесс, указывал Захарьин. Для того чтобы вернуть человеку здоровье, надо поставить его в такие условия, чтобы он мог преодолеть вредные влияния внешнего мира и бороться с собственными недостатками. И вот здесь наряду с гигиеническими предписаниями Захарьин говорил об умении врача так подействовать на

---

[15] *Огнев С.И.* Заслуженный профессор Иван Флорович Огнев (1855–1928): страницы из жизни Московского университета и московской интеллигенции конца XIX и начала XX века. М., 1948. С. 30.

[16] Цит. по: Большая медицинская энциклопедия: В 35 т. М., 1936. – Т. 17. – Стб. 482.

[17] *Захарьин Г.А.* Клинические лекции и избранные статьи. М., 1910.

волю и психику больного, чтобы он, во-первых, не боялся своей болезни и, во-вторых, тщательно выполнял советы врача. Таким образом, среди лечебных средств лекарственная терапия играла не главную роль.

Профессор Н.А. Митропольский, помогавший Захарьину в молодые годы, рассказывал И.Ф. Огнёву об «индивидуальном» подходе: «Раз как-то к Захарьину прибыл из Сибири очень богатый и грубый купец, пустившийся без стеснения рассказывать о своих похождениях, приведших его к болезни. Слушая его, Захарьин все более и более хмурился и начинал сердиться. Наконец не выдержал. – "Ах, ты скот, – завопил он на купца, – ты делаешь и делал разные пакости и о них как ни в чем не бывало рассказываешь! Тебя бить за это мало". Захарьин схватил свою палку, на которую постоянно опирался, и собрался всерьез бить купца. Тот забился в угол и умолял его пощадить. "Слушай, животное! – кричил, наступая на него Захарьин, – если ты так будешь жить, как жил, то тебя должен каждый бить, да и ты помрешь, если не оставишь своих скверных обычаев! Говорить с тобой противно! Вот, что ты должен делать! Слушай, негодный!". Затем следовал ряд указаний, прерываемых яростными восклицаниями. Купец, перепуганный донельзя, клялся, что исполнит все в точности и бежал со всех ног из кабинета. Вслед за купцом вошла какая-то великосветская дама. К ней Захарьин обратился на прекрасном французском языке, почтительно усадил ее в мягкое кресло, крайне любезно, внимательно расспрашивал, слушал и с величайшей предупредительностью проводил. Дама вышла совершенно очарованная. Истомленный профессор опустился в кресло. "Как вы думаете, – обратился он к Митропольскому, – если б я эту даму встретил, как давешнего купца, ведь она пошла бы везде и всюду поносить меня за мою неслыханную грубость, – теперь будет славить мою любезность. А этот скот – купец – тоже до гробовой доски не забудет своего визита ко мне и точно исполнит, что ему велел. Будь с ним вежлив, как с дамой, он ничего не стал бы делать и считал бы, кроме того, меня за дурака. Теперь меня не забудет!"»[18]

Роль школы Захарьина в формировании писательского метода Чехова несомненна[19]. Своим слушателям-студентам Захарьин советовал применять усвоенный ими научный метод не только во врачебной, но и во «всякой другой практике, то есть деятельности в реальных условиях, – в условиях действительности». «Чтобы предотвратить впадение в рутину, – учил

[18] *Огнев С.И.* Указ. соч. С. 30.

[19] См. подробнее: *Катаев В.Б.* О роли школы Г.А. Захарьина в творчестве Чехова // Филологические науки. 1968. № 6.

он, – врач должен указывать на все особенности встречающихся случаев – индивидуализировать»[20].

Метод индивидуализации каждого отдельного явления стал одним из основных творческих принципов Чехова. В одной из его первых больших повестей – «Скучная история» – этот метод называется прямо: «Мои товарищи, терапевты, когда учат лечить, советуют “индивидуализировать каждый отдельный случай”. Нужно послушаться этого совета, чтобы убедиться, что средства, рекомендуемые в учебниках за самые лучшие и вполне пригодные для шаблона, оказываются совершенно негодными в отдельных случаях. То же самое и в нравственных недугах» (С., 7, 298).

Десятилетие спустя в рассказе «О любви» Чехов вновь упоминает об этом методе: «До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что “тайна сия велика есть”, всё же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешенными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое лучшее, по-моему, – это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаясь обобщать. Надо, как говорят доктора, индивидуализировать каждый отдельный случай» (С., 10, 66–67).

В первой крупной чеховской пьесе, поставленной на сцене, Иванов, отвечая на нападки доктора Львова, говорит: «Как просто и несложно... Человек такая немудреная, простая машинка... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг об друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом и в то же время совсем не знать людей. Не будьте же самоуверенны и согласитесь с этим» (С., 11, 265).

Если внимательно присмотреться к произведениям Чехова, начиная с конца 1880-х годов, мы увидим, насколько широко он пользуется «методом Захарьина» как писатель, индивидуализируя каждый описываемый им случай, пусть даже речь идёт не о болезни в медицинском смысле, а в социальном.

Кстати будет отметить стремление Чехова не только к психологической, но и научной, медицинской точности изображаемого. Обсуждая с А.Н. Плещеевым в письмах «Крейцерову сонату» Л.Н. Толстого, Чехов не может не обратить внимания на недостатки: «Толстой трактует о том, чего он не знает и чего из упрямства не хочет понять. Так, его суждения о си-

[20] *Захарьин Г.А.* Клинические лекции. Вып. 1. М., 1889. С. 10.

филисе, воспитательных домах, об отвращении женщин к совокуплению и проч. не только могут быть оспариваемы, но и прямо изобличают человека невежественного, не потрудившегося в продолжение своей долгой жизни прочесть две-три книжки, написанные специалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, как перья от ветра; ввиду достоинства повести их просто не замечаешь, а если заметишь, то только подосадуешь, что повесть не избегла участи всех человеческих дел, которые все несовершенны и не свободны от пятен» (П., 4, 18).

Чехову-писателю был близок научный подход и другого учителя – А.А. Остроумова, с которым, по-видимому, в первый раз он встретился в доме Н.Л. Пушкарёва на сеансе гипнотизёра Роберта, который изменял ритм сердечных сокращений, делал безболевые надрезы. Определяя свой подход к больному и болезни, Остроумов писал: «Цель клинического исследования – изучить условия существования организма в среде, условия его приспособления к ней и расстройства; что среда, изменяя родовые свойства организма, дает ему новые свойства, соответствующие особенностям среды»[21].

С 1879 года по рекомендации Г.А. Захарьина Остроумов в качестве приват-доцента читал лекции при клинике госпитальной терапии Московского университета. «К концу первой лекции, – вспоминал один из его ближайших учеников профессор А.П. Ланговой, – студенты были совершенно очарованы молодым профессором; больной был разобран с такой полнотой, что сложный и запутанный случай стал для них вполне понятным. Язык лектора был простым, но в то же время ясным и образным»[22]. В 1880 году Остроумов был назначен профессором госпитальной терапевтической клиники. С этого времени начинается его энергичная деятельность по оборудованию и организации клиники, сделавшейся вскоре известной всей стране и получившей название Остроумовской (дважды – уже в качестве пациента – в 1897 и 1902 годах здесь лечился Чехов).

Начав клиническую деятельность, А.А. Остроумов, как и петербургский коллега С.П. Боткин, оборудовал на личные средства небольшие лаборатории для научной работы: физиологическую, фармакологическую, химическую, которых не было при клинике. Однако молодой профессор обращал внимание не только на оборудование клиники, на лучшее обслуживание больных, на организацию преподавания, но и на развитие научной дея-

[21] *Остроумов А.А.* Избранные труды. М., 1950. С. 36.

[22] *Ланговой А.П.* Воспоминания о научной, преподавательской и общественной деятельности проф. А. Остроумова // Русская клиника. М., 1926. – Т. 5. – № 24. С. 497–502.

тельности. Как и Захарьин, Остроумов последовательно проводил тщательное индивидуализированное изучение и лечение каждого больного, продолжал дальнейшее усовершенствование детального расспроса больных. Особенно ценная сторона клинического учения Остроумова связана с его взглядами на значение среды как фактора, который может, с одной стороны, вызывать заболевания, а с другой – способствовать выздоровлению и укреплению организма.

На втором курсе Чехов слушал лекции по общей патологии, которые читал А.Б. Фохт, широко использовавший в своей педагогической и научной деятельности патофизиологический эксперимент. Он стремился приблизить изучение общей патологии к клинической медицине, теорию – к практике. Диапазон научных интересов А.Б. Фохта был чрезвычайно широк: проблемы патологии сердечно-сосудистой системы, почек, органов дыхания, пищеварения. Он был одним из первых русских учёных, поднявших вопрос о необходимости широкого изучения желёз внутренней секреции. Со дня окончания Московского университета (1870) Фохт занимался медицинской практикой и был широко известен как кардиолог и педиатр.

Вероятно, занятия Фохта оставили сильное впечатление у Чехова. Не случайно, вспомнив о 25-летии научно-педагогической деятельности профессора, он попросил 5 марта 1896 года издателя журнала «Русская мысль» В.А. Гольцева об одолжении: «Милый друг, забыл я про телеграмму Фохту. Будь добр, пошли 9 марта к обеду: “Эрмитаж, Александру Богдановичу Фохту. Многоуважаемого профессора поздравляю. Врач выпуска 1884 г. Антон Чехов”»... «Можно так: “Многоуважаемого Александра Богдановича от всей души приветствую и желаю много лет здравствовать. Врач выпуска 1884 года Антон Чехов”» (6,125).

Фохт оказался помимо прочего прекрасным чтецом. Чехов писал А.М. Пешкову (М. Горькому) 2 января 1900 года: «На медицинском факультете есть профессор А.Б. Фохт, который превосходно читает Слепцова. Лучшего чтеца я не знаю» (П., 9, 8). Об этом вспоминал и однокурсник Чехова Г.И. Россолимо: «У меня он (Чехов) застал нашего общего учителя, Александра Богдановича Фохта. Благодаря последнему вечер прошел с большим оживлением. А.Б., талантливый чтец, художественно цитировал и беллетристов, и поэтов, делился своими воспоминаниями о знаменитых драматических артистах. Уступая нашим настойчивым просьбам, он прочел несколько рассказов Слепцова (“Спевка”, “В вагоне 3-го класса” и др.). Чтение было настолько живо и замечательно по художественной переда-

че, что А.П. Чехов хохотал до колик в животе. Продолжая хохотать, со слезами на глазах, он говорил, что в жизни ему не приходилось переживать подобного наслаждения, как в этот вечер»[23].

Среди учителей Чехова особо стоит отметить профессора С.С. Корсакова, ученика А.Я. Кожевникова и Г.А. Захарьина, – психиатра с мировым именем, который изучил и описал виды психоза, разработал классификацию психических болезней. Он дал клиническое описание нарушения памяти на актуальные события, сопровождающееся пространственной и временной дезориентацией, которое получило название «Корсаковского синдрома» (cerebropathia psychica tokaemica), заключающегося в своеобразном психическом расстройстве в сочетании с воспалением периферических нервов (множественным невритом). Корсаковым выделена и описана еще одна душевная болезнь, так называемая paranoia hyperphantasica.

Его «Курс психиатрии» (1893), ставший классическим учебником и неоднократно переиздававшийся, был в библиотеке Чехова. Примечательно, что писатель приобрёл его в год написания рассказа «Чёрный монах», самый необычный и самый, между тем, ожидаемый от него. Случай мании величия был изображён столь достоверно, что вызвал опасения у А.С. Суворина и его семейства, не собственные ли ощущения описал Чехов. 25 января 1894 года автор отвечал: «Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски естественное. Во всяком разе если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. «Черного монаха» я писал без всяких унылых мыслей, по холодном размышлении. Просто пришла охота изобразить манию величия» (П., 5, 265).

Вероятно, в это же время Чехов советовал Т.Л. Щепкиной-Куперник: «Изучайте медицину, дружок, – если хотите быть настоящей писательницей. Особенно психиатрию. Мне это много помогло и предохранило от ошибок»[24].

Подтверждение тому, что Чехов придавал большое значение роли нервной системы и психиатрии, мы находим в воспоминаниях земского врача П.А. Архангельского, близко знавшего Чехова в первый период его практической врачебной деятельности. «Душевное состояние больного

---

[23] *Россолимо Г.И.* О Чехове // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 665.

[24] *Щепкина-Куперник Т.Л.* О Чехове // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947. С. 212.

всегда привлекало особенное внимание Антона Павловича, – писал Архангельский. – Наряду с обычными медикаментами, он придавал огромное значение воздействию на психику больного со стороны врача и окружающей среды»[25].

Чехову-писателю (как, разумеется, и врачу) оказались полезны знания, полученные на лекциях гигиениста Ф.Ф. Эрисмана. Он следил за его публикациями, постоянно обращался к его работам. В рассказах, где речь идет о быте крестьян и фабричных рабочих, чувствуется «гигиеническое влияние» Эрисмана. Работая впоследствии над книгой «Остров Сахалин», Чехов неоднократно ссылался на труды Эрисмана. А один из экземпляров книги, вышедшей в издательстве журнала «Русская мысль», подписал: «Федору Федоровичу Эрисману от глубоко уважающего и благодарного автора, врача вып. 1884 г.» (П., 12, 169). Нужно полагать, что на метод эрисмановской медицинской статистики Чехов опирался при составлении карточек-анкет при посещении им острова Сахалина в 1890 году. Последний из 13 предложенных в них вопросов («Чем болен?»), безусловно, выдаёт медицинский интерес Чехова.

В год поступления Чехова в университет Эрисман был приглашен московским земством для организации санитарных исследований фабрик и заводов Московской губернии. Эта работа продолжалась почти 6 лет, а её материалы составили 17 томов.

Чехов-студент был свидетелем того, как получивший в 1882 году кафедру гигиены Эрисман организовал гигиеническую лабораторию при университете и привлёк многих молодых врачей к занятиям санитарными вопросами.

Редактору журнала «Северный вестник» А.М. Евреиновой в ноябре 1889 года Чехов советовал привлечь Эрисмана к написанию статей: «В Москве читает гигиену ученик Петенкоффера, проф. Федор Федорович Эрисман, много знающий, очень талантливый и литературный человек. Пригласите его работать в «Сев<ерном> вестн<ике>». Чтобы облегчить ему задачу (приглашения от редакций ставят обыкновенно в тупик, и приглашенный больше года тратит на выбор подходящего сюжета), Вы прямо закажите ему «Санитарное значение кладбищ» или «Водопроводы», или «Вентиляция», или что-нибудь вроде» (П., 3, 279–280).

---

[25] *Архангельский П.А.* Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове // Отчет благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г. М., 1911. С. 30–31.

Возобновление знакомства Эрисмана с его бывшим студентом произошло 4 июня 1895 года на собрании земских врачей в селе Покровском-Мещерском Московской губернии, где годом ранее открылась психиатрическая лечебница. П.А. Архангельский вспоминал: «Только что отошел от меня А<нтон> П<авлович>, подошел ко мне проф. Ф.Ф. Эрисман и попросил меня познакомить его с А.П. Я сейчас же подозвал А.П. и сказал: „Вот, Ф<едор> Ф<едорович>, А.П. Чехов, ваш бывший ученик, а в доказательство последнего могу представить подаренные мне А.П., с собственноручной надписью, ваши лекции по гигиене, которые он слушал"» (П., 12, 530).

Студентом Чехов изучал хирургию в факультетской клинике, директором которой был Н.В. Склифосовский, блестящий практик, военный хирург. Ему принадлежит заслуга внедрения в хирургическую практику в России принципов антисептики и асептики, многих новаторских методов в хирургии.

Сменив И.Ф. Клейна на посту декана медицинского факультета, именно Склифосовский подписал свидетельство об утверждении Чехова в звании уездного врача по окончании им университета в 1884 году.

Известно также, что Чехов посещал заседания II съезда русских врачей в 1887 году, на котором Склифосовский делал вступительный доклад (П., 2, 345).

Профессор И.Ф. Клейн, внедривший новую учебную программу, основанную на микроскопической технике и читавший патологическую анатомию на 5 курсе, сумел не только добиться значительных научных достижений, но и создать (совместно со своим учеником М.Н. Никифоровым) крупную научную школу, представителями которой являются выдающиеся отечественные учёные Н.Ф. Мельников-Разведенков, А.Б. Фохт, В.Д. Шервинский, В.И. Кедровский, А.И. Абрикосов.

«Каждый врач, который кончал медицинский факультет Московского университета в конце прошлого или в начале текущего столетия, – вспоминал А.И. Абрикосов, – хорошо помнит стройного худощавого старика в очках с постоянной доброй и умной улыбкой на лице; в вицмундире, без халата и без перчаток, он демонстрировал перед студентами патологически измененные органы. Это был Иван Федорович Клейн...»[26]

Однокурсник А.П. Чехова врач-психиатр Г.И. Россолимо вспоминал, как в 1890-е годы ходил к И.Ф. Клейну, вновь назначенному деканом медицинского факультета и просил рассмотреть книгу Чехова «Остров Сахалин»

[26] Цит. по: *Логинов В.А.* Судьба профессора Ивана Федоровича Клейна (к 175-летию со дня рождения) // Архив патологии. – № 1. – М., 2013. С. 58.

как диссертационное сочинение для получения звания приват-доцента: «...декан на мое предложение сделал большие глаза, взглянул на меня поверх очков, отвернулся и молча отошел»[27], – рассказывал Россолимо.

Чехов также слушал лекции выдающегося учёного-анатома Д.Н. Зернова. Со слов профессора И.Ф. Огнева, его сын вспоминал о преподавании Зернова: «Также плохи были лекции Д.Н. Зернова, читавшего в большой аудитории теперь уже не существующего Лодеровского анатомического театра. Этот анатомический театр пришёл в полную ветхость ещё в 80-х годах прошлого столетия, и тогда был построен новый двухэтажный анатомический театр в глубине университетского двора. Д.Н. Зернов обычно сильно опаздывал на утренние лекции, приходил каким-то вялым и словно заспанным. Вся лекция сводилась на демонстрацию анатомических объектов, причем лектор указывал различные гребешки и отверстия на костях, называя всё по латыни. Издали слушатели ничего не видели; царила скука. Много позднее, будучи уже профессором < т. е. с 1880 года. – *Прим. Э.О.*>, Д.Н. Зернов стал читать неизмеримо лучше, приобретя несомненно и настоящий опыт, и более углубленные знания»[28].

В 1899 году по просьбе ялтинского знакомого А.И. Синани Чехов ходатайствовал о переводе студента Вебера из Новороссийского университета в Императорский Московский университет, однако безрезультатно: «Зернова, ректора, я не застал, он в деревне на покое. Пришлось послать ему письмо <...> Сегодня в 2 часа я был в канцелярии попечителя, и там сказали мне, что, во-первых, ректором уже не Зернов, а Тихомиров, и, во-вторых, канцелярия сделает всё, что нужно, если не будет препятствий со стороны университета» (П., 8, 233–234).

К концу мая 1884 года Чехов успешно сдал все выпускные экзамены на степень лекаря: по зоологии – с отметкой 5, по ботанике – 5, по минералогии – 4, по физике – 4, по неорганической химии – 5, по органической химии – 5, а также зачеты: по физиологии здорового человека; физиологической химии; общей патологии; общей терапии; фармакологии; рецептуре; токсикологии и минеральным водам; теоретической хирургии; учению о болезнях мочевых и половых органов; офтальмиатрии с клиникой; частной патологии и терапии; учению о нервных и душевных болезнях; накожных болезнях и сифилису; теоретическому акушерству; женским болезням; детским болезням; судебной медицине; медицинской полиции;

[27] *Россолимо Г.И.* Воспоминания о Чехове // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 671.

[28] *Огнев С.И.* Указ. соч. С. 18.

гигиене; физиологической анатомии; гистологии; эмбриологии и сравнительной анатомии; патологической анатомии; фармакогнозии и фармации; терапевтической госпитальной клинике; оперативной хирургии и хирургической анатомии; учению о переломах, вывихах, повязках и машинах; практическому акушерству; хирургической госпитальной клинике; вскрытию трупа и составлению судебно-медицинского свидетельства[29].

Близкое знакомство с работами выдающихся ученых-медиков того времени способствовало формированию у Чехова общего, т. н. «медицинского», подхода к окружающему художника миру. 18 октября 1888 года Чехов писал А.С. Суворину: «Вы усвоили себе общее понятие, и потому газетное дело удалось Вам; те же люди, которые сумели осмыслить только частности, потерпели крах... В медицине то же самое. Кто не умеет мыслить по-медицински, а судит по частностям, тот отрицает медицину; Боткин же, Захарьин, Вирхов и Пирогов, несомненно, умные и даровитые люди, веруют в медицину, как в бога, потому что выросли до понятия “медицина”» (П., 3, 37).

Студентом четвертого курса Чехов задумал написать вместе с братом Александром «Историю полового авторитета с естественно-исторической точки зрения». И хотя эта работа не пошла далее идеи, в письме к брату Антон изложил основные её позиции (см.: П., 1, 63–66).

По окончании университета Чехов стал собирать и разрабатывать материалы (в них перечислено 112 источников) для научного исследования – «История врачебного дела в России». Наброски к этой работе Чехов использовал лишь дважды. Спустя несколько лет он писал Суворину, работавшему над исторической драмой «Дмитрий Самозванец и царевна Ксения», что изыскания привели его к убеждению, что Лжедмитрий был действительно самозванцем, т. к. у настоящего царевича Дмитрия была наследственная падучая болезнь (эпилепсия), «которая была бы у него и в старости, если бы он остался жив. Стало быть, самозванец был в самом деле самозванцем, так как падучей у него не было. Когда случится писать об этом, то скажите, что сию Америку открыл врач Чехов, – больше мне от Вас ничего не нужно» (П., 4, 42).

25 декабря 1892 года в суворинской газете «Новое время» (№ 6045) под псевдонимом «Z» была помещена заметка Чехова «От какой болезни умер Ирод?».

***

Современники А.П. Чехова и исследователи его ранних произведений часто обращали внимание на то, что писатель редко обращался к изобра-

[29] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 391. Ед. хр. 42. Лл. 1–7.

жению студенчества и медиков в своих рассказах и сценках. В этом, кстати, было существенное отличие Чехова от многих его собратьев по перу: многие из них хорошо умели описывать людей лишь тех сословий и рода деятельности, к которым принадлежали сами, в чьей среде воспитывались и пребывали. Эту особенность подметил В.Б. Катаев, писавший, что многие современные Чехову авторы «малой прессы» «оставались на тесной площадке личного опыта, питаясь иссякающим запасом сугубо личных жизненных наблюдений, рассказывали о знакомом, не обладая взглядом, способным охватить иные сферы действительности, не обладая “общим понятием”, единой концепцией»[30].

Впрочем, есть один примечательный прототипический случай, о котором стоит упомянуть, связанный с рассказом «Попрыгунья», до публикации в журнале «Север» озаглавленном Чеховым «Великий человек». Вдумчивому читателю понятно, что в центре внимания писателя вовсе не любовная история, а врачебный подвиг Осипа Дымова, ради спасения пациента пожертвовавшего собственным здоровьем и жизнью. Подобные ситуации, конечно, были характерными. Но импульсом к появлению замысла рассказа мог стать реальный факт, надо полагать, хорошо знакомый Чехову: «20 мая 1883 года военный врач, ординатор Московского военного госпиталя Илларион Иванович Дуброво, защитивший за несколько лет до этого докторскую диссертацию и получивший в 1879 году (как раз в то время, когда Антон Чехов кончал гимназию и собирался в Москву на медицинский факультет университета) звание доктора медицины, был вызван к заболевшей дифтеритом семнадцатилетней дочери шуйского предводителя дворянства Куроедова для проведения операции трахеотомии. Для полного успеха он решил удалить из горла дифтеритные пленки, для чего, не колеблясь, высосал их через трубочку. Девушка выздоровела, доктор же на следующий день заболел и через шесть дней, 27 мая, умер. Ему было всего сорок лет (родился он в 1843 году). Смерть его произвела в медицинских кругах сильное впечатление»[31].

Безусловно, такое поведение становилось примером для будущего медика. И именно поступок врача, данный в рассказе на фоне пошлой, обыденной жизни, должен быть интересен в первую очередь.

---

[30] *Катаев В.Б.* Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова. М., 1982. С. 27.

[31] Цит. по: *Гитович И.Е.* «Самый свободный жанр» // *Гитович И.Е.* Итог как новые проблемы. М.: Литературный музей, 2018. С. 127.

Студенческие годы, проведённые в Московском университете, для Чехова не стали исключительно источником сюжетов произведений. Естественно-научная школа дала ему гораздо больше и в плане формы произведений, и в плане отношения к изображаемому. Как заметила И.Е. Гитович, «чеховские сюжеты, отрабатывая частотные ситуации и проблемы, создавали нечто вроде художественной статистики – набора сценариев историй и их симптоматики. Приёмы, которые он применял и которые отрабатывал, <...> были подсказаны принципами медицинской статистики, которую он высоко ценил как основу объективности знания, и типологией симптоматики, собирать которую он научился за годы пребывания на медицинском факультете»[32].

Многие исследователи отмечали, что принцип краткости произведений Чехов принял именно в годы сотрудничества в «малой прессе». В некоторой степени это верно. Но не следует ли в этом стремлении к краткости видеть и влияние медицинской школы Чехова, в частности, опыта составления истории болезни? Ещё в 1894 году В.А. Гольцев в «Литературных очерках» отмечал: «При изображении тех или других явлений Чехов поступает как талантливый и добросовестный земский врач. Он не останавливается на нём подробно, но, поставив диагноз одному явлению, переходит к другому. Этим в значительной степени и объясняется краткость рассказов»[33].

В связи с этим нельзя не привести мнение французского учёного и писателя Жюля Легра, встречавшегося с Чеховым в 1890-е годы, который отмечал: «Практический смысл и серьёзность медицинских наук оставляют неизгладимый след на умственных способностях человека. <...> Писатель, изучивший медицину, проявляет большую глубину и силу мысли, чем литератор по профессии, так как первый чаще сталкивается с вопросами жизни. Частое соприкосновение с действительностью придаёт его произведениям много чуткости и разнообразия. Те, которым приходилось видеть течение и волнения жизни, сохраняют мягкость и терпимость в умозаключениях. Антон Павлович принадлежит к этим последним...»[34]

---

[32] *Гитович И.Е.* «Неправдоподобно ранняя зрелость» молодого Чехова: биография и язык // Таганрогский вестник. Материалы международной научной конференции «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». Таганрог, 2004. С. 38.

[33] Цит. по: *Лысков И.П.* К десятилетию смерти А.П. Чехова. Сборник. М., 1914. С. 50.

[34] *Legras J.* У Чехова в Мелихове // О Чехове. Воспоминания и статьи. М., 1910. С. 147–148.

В.Ф. Козлов

КРАЕВЕДЕНИЕ ПОДМОСКОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Через несколько лет можно будет отметить важный юбилей в истории изучения Подмосковья. В 1820 г. в петербургском журнале «Сын Отечества» была опубликована статья З.Д. Ходаковского (1784–1825; настоящее имя – А. Чарноцкий) «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории». Среди требующих осмотра и изучения городищ России ученый называл расположенные в Подмосковье Вышгород в Верейском уезде (ныне Наро-Фоминский район) и городище в Вере (Владимирово). «Проект...» Ходаковского был перепечатан в известном тогда журнале «Вестник Европы». Подробно о самобытном археологе З. Ходаковском, его деятельности, уникальном его архиве, а также первых археологических изысканиях в Московской губернии писал историк археологии А.А. Формозов [16]. В его книге подробно изложена начальная история изучения городищ и курганов Подмосковья. Среди пионеров этого дела он называет историка К.Ф. Калайдовича (1792–1832): он исследовал в 1821 г. село Микулино городище (ныне в Лотошинском районе). А.А. Формозов считает обследование этого городища «началом археологических раскопок в Подмосковье». Калайдович осматривал и другие памятники Московской земли, о которых также собирал сведения: по дороге из Коломны в Зарайск, в Кашире, у с. Синькова Клинского уезда, в подмосковном с. Тушине (1824 г.) [16, с. 20–21].

Среди первых следопытов Подмосковья, изучавших и раскапывавших древние курганы, нужно назвать археолога, нумизмата и библиофила А.Д. Черткова (1789–1858). Он раскапывал курганы у Звенигорода, у с. Грязь (в нынешнем Одинцовском районе), в Дмитровском уезде. А также – С.Д. Нечаева (1792–1860), А.А. Гатцука (1832–1891), антрополога А.П. Богданова (1834–1896), исследователя Дьякова городища, В.И. Сизова

(1840–1904), Д.Я. Самоквасова (1843–1911), Д.О. Шеппинга (1822–1895), И.Е. Забелина (1820–1908) и многих других.

Для нас, историков-краеведов, важно и то, что русская археология в XIX в. много занималась и изучением местной истории, то есть тем, что в начале XX в. назовут краеведением. Да и деятельность самого известного в Московской губернии и далеко за ее пределами научного общества – Московского археологического общества (МАО) – носила в значительной мере краеведческий характер. Многие вышеназванные археологи, работавшие в Подмосковье, были членами МАО, а председатели его – А.С. Уваров, а после его кончины П.С. Уварова – много делали для научного изучения и сохранения памятников Московской губернии.

Однако до революции отдельного учреждения либо общественной организации, специально занимавшейся изучением Подмосковья, не существовало. Возникшая в 1909 г. в структуре МАО Комиссия по изучению Старой Москвы в первое десятилетие своего существования простирала свою деятельность только на Москву.

Последствия революции 1917 г. тяжело сказались на состоянии общественно-научной жизни. Фактически прекратилась деятельность МАО, в 1923 г. оно было официально ликвидировано, в бедственном положении оказались ученые, некоторые из них вынуждены были эмигрировать, кроме того, власти закрывали монастыри – известные духовные центры провинции. Но в то же время, произошедшие в первые послереволюционные годы национализация дворянских имений и особняков и ликвидация монастырей парадоксальным образом способствовали появлению новых культурных центров. На основе спасенных ценностей в усадьбах и обителях были образованы музеи краеведческого характера. В 1918 г. музеи возникли в Бронницах, Дмитрове, Зарайске и Кашире, в 1920–1923 гг. – в Коломне, Талдоме, в Новоиерусалимском монастыре (Воскресенск), Волоколамске, в Саввино-Сторожевском монастыре (Звенигород), в Богородске, Серпухове [2, с. 82–83]. В 1926 г. музеи открылись в Можайске и Сергиеве.

Некоторые известные подмосковные усадьбы были объявлены музеями: Архангельское, Ольгово, Остафьево, Никольское-Урюпино, Мураново, Михайловское и др.

Подмосковные музеи стали центрами культуры, местами, где концентрировались местные историко-художественные и мемориальные памятники.

Наряду с развивавшимися местными музеями в 1920-е гг. в Подмосковье, как и во всей стране, стали возникать местные краеведческие

общества. Во многом этому процессу способствовало созданное в 1922 г. Центральное бюро краеведения (ЦБК).

Центром краеведческой работы в губернии стало организованное 1 апреля 1925 г. Общество изучения Московской губернии (ОИМГ; председатель – профессор Московского университета Б.Б. Веселовский). Общество имело в своем составе несколько отделений (впоследствии секций) и комиссий, в том числе вошедшую в конце 1926 г. в его состав Комиссию «Старая Москва», которая стала в 1920-е гг. активно заниматься и изучением Подмосковья. ОИМГ в своей деятельности опиралось на образовавшиеся в 1920-е гг. в уездных городах (районах) краеведческие общества. К концу десятилетия такие объединения существовали в Дмитрове, Воскресенске (ныне Истра), Богородске (ныне Ногинск), Коломне, Орехово-Зуеве, Кашире, Зарайске и др.

Активно работали краеведческие кружки в некоторых селах Подмосковья: Софринский в Пушкинском районе, Кудиновский в Богородском районе (имел свои краеведческие ячейки в Купавне и в Саввине), Пересветовский в Дмитровском районе, Лопасненский в Серпуховском районе и др.

В состав краеведческих обществ входили педагоги, учителя, деятели народного образования, знатоки края. Члены краеведческих обществ проводили регулярные заседания, конференции, занимались комплексным изучением края, издавали труды. Свои периодические издания имели не только крупные уездные (районные) общества, но даже и некоторые волостные и сельские кружки. Так, Талдомское общество издавало журнал «Башмачная старина», Софринский кружок – сборник трудов «Познай свой край» и т. д. ОИМГ издало в 1927–1930 гг. 13 номеров журнала «Московский краевед» и в 1928–1930 гг. – 8 выпусков «Трудов ОИМГ», в которых было опубликовано немало работ по истории и методике комплексного изучения Московского края. В краеведческом движении Подмосковья, в деятельности обществ участвовали известные историки, археологи М.Н. Тихомиров, В.А. Арциховский, Б.Б. Веселовский, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, К.В. Сивков и др. [2].

Составной частью в краеведческое движение тех лет входило и возникшее в 1922 г. Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ).

Координацией деятельности, методическим обеспечением ее и учетом краеведческих организаций Российской Федерации занималось ЦБК, проводившее Всероссийские краеведческие конференции и издававшее известные краеведческие журналы «Краеведение» (1923–1930 гг.) и «Изве-

стия Центрального бюро краеведения» (1925–1930 гг.). По данным ЦБК в СССР в конце 1927 г. существовало 1008 обществ и кружков, 568 музеев и 123 исследовательских учреждения и заповедника, то есть 1798 объектов краеведения. Через три года число краеведческих организаций разного типа и музеев составило 2 270 [3]. В краеведческом движении, по мнению сотрудников ЦБК, в то время участвовало до 60–70 тыс. человек.

Негативные моменты рубежа 1920–1930-х гг. не обошли краеведение и музейное дело стороной. ЦБК, краеведческие общества и краеведческие музеи были коренным образом реформированы и нацелены на изучение не историко-культурных, а социально-экономических, хозяйственных тем. ОИМГ (ОИМО) было преобразовано в Московское областное бюро краеведения (МОБК), быстро растерявшее былой авторитет своего предшественника. Тем не менее, краеведческое движение, хотя и крайне идеологизированное, просуществовало в стране до 1937 г., когда ЦБК было ликвидировано по постановлению СНК РСФСР. Тогда же прекратили существование МОБК и другие региональные краеведческие организации.

Историю и научную деятельность ОИМГ (ОИМО) и Комиссии «Старая Москва» в целом изучал в свое время С.Б. Филимонов [15]. В настоящее время деятельность Общества, МОБК, их изданий и всех их местных отделений: Воскресенского, Можайского, Звенигородского и других по материалам фонда МОБК (ОР РГБ. Ф.177) и фондов других архивохранилищ детально изучает А.Г. Смирнова [9–13].

После ликвидации ЦБК его функции были переданы органам Наркомпроса РСФСР, а на местах – краеведческим музеям. Методические функции Бюро отчасти унаследовал созданный в 1932 г. Центральный НИИ методов краеведческой работы (ЦНИИМКР). На самом же деле все это ни к каким положительным результатам не привело, и можно сказать, что в 1937 г. краеведческое движение в стране административными методами было ликвидировано.

В военное время и во второй половине 1940-х гг. учетом краеведческих учреждений занимался НИИ краеведческой и музейной работы (так в 1937 г. назвали ЦНИИМКР).

В первый послевоенный год была попытка хоть в какой-то мере возродить краеведение, и руководство им передали в ведение Комитета культурно-просветительных учреждений. Тогда же было рекомендовано возвратиться к практике создания краеведческих обществ, в том числе и в масштабах Московской области. Решением Мособлисполкома от 1 марта 1947 г. было создано Оргбюро будущего общества, а 31 июля того

же года – утвержден Устав Московского областного общества краеведения. 30 марта 1948 г. состоялась областная конференция, избравшая руководящие органы Общества и наметившая основные направления его деятельности [2, с. 83–84]. Такая же организационная работа была проведена и по всем районам области. Однако спущенное сверху такое администрирование в области краеведения к каким-то заметным сдвигам не привело: из созданных в 1946–1947 гг. 25 районных краеведческих отделений большая часть распалась, и к концу 1950-х гг. остались отделения в Дмитрове, Звенигороде, Ногинске. Более того, были ликвидированы созданные в 1920-е гг. Волоколамский, Каширский, Можайский, Подольский и Рузский музеи. Работу продолжили лишь 9 районных музеев области.

В период так называемой оттепели в 1956 г. была предпринята еще одна безуспешная попытка организации областного общества краеведения. С конца 1950-х – с 1960-х гг. краеведение развивалось через районные и общественные музеи, издание литературы о крае, деятельность краеведов-любителей. Особо отметим работу находившегося с 1920-х гг. в бывшем Воскресенском Новоиерусалимском монастыре Московского областного краеведческого музея, в состав которого в 1980-х гг. на правах иногородних отделов и филиалов входили более десятка разнопрофильных музеев Московской области. Известно, что в 1950-х – начале 1960-х гг. председателем Московского областного общества краеведения был государственный деятель, старый большевик, руководивший в 1920-е гг. Главнаукой Наркомпроса РСФСР Ф.Н. Петров, а его заместителем – директор Московского областного краеведческого музея К.А. Коновалова, активный деятель краеведческого движения 1930-х гг.

В послевоенное время подмосковное краеведение поддерживалось и значительным числом издаваемой, главным образом издательством «Московский рабочий», литературы о городах, музеях, достопримечательностях и экскурсионных маршрутах [1, 4, 7].

Большим событием для краеведов стало издание в 1975 г. фундаментального двухтомного каталога «Памятники архитектуры Московской области».

Стоит отметить и деятельность образованной в 1949 г. при Географическом обществе Комиссии географии Москвы и Подмосковья. На ее заседаниях заслушивались и обсуждались многие проблемы, касающиеся краеведения Московской области.

Несмотря на расширение издательской, музейно-просветительской работы в области краеведения в послевоенное время так и не была вос-

создана краеведческая сеть общественных организаций, а о деятельности Областного краеведческого общества мы почти ничего не знаем.

Ситуация стала меняться в эпоху «перестройки», когда в конце 1980-х – начале 1990-х гг. появилась возможность создавать региональные общественные организации и издавать краеведческие журналы. В 1990 г. были организованы Союз краеведов России и Московское краеведческое общество. Появились и первые краеведческие объединения, стали издаваться и периодические, и продолжающиеся краеведческие журналы и альманахи: «Богородский край», «Радуница», «Красногорье», «Марьино», «Гуслицы», «Мещера» и др. С 2004 г. по настоящее время выходит ежеквартальный историко-краеведческий альманах «Подмосковный летописец».

Известными современными центрами изучения и популяризации истории Московской области являются Московский государственный областной университет (МГОУ, бывший Московский педагогический университет), где с 1999 г. регулярно проводятся научные конференции по истории Московского края и издаются сборники этих форумов, и коломенский Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (бывший Коломенский государственный педагогический институт).

Немало книг краеведческого характера печатается Издательским домом «Московия» в рамках «Программы книгоиздания Правительства Московской области» [8, 14].

Большую пользу краеведам оказали изданные в 1990-е гг. книги-справочники из серии «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья» о сельских пунктах Раменского, Одинцовского, Егорьевского, Каширского районов. Настольной книгой усадьбоведов стал аннотированный каталог А.Б. Чижкова «Подмосковные усадьбы» (3-е изд. М., 2006).

Специальные, «подмосковные» по тематике выпуски, напечатали известные продолжающиеся издания «Памятники Отечества» и «Отечество» [6, 5].

Однако, несмотря на появление в разных городах Подмосковья краеведческих объединений и издание значительного числа краеведческой литературы, областное общество в 1990–2000-е гг. так и не появилось. В начале 1990-х гг. был, правда, создан Фонд культуры «Московия» с краеведческими задачами, но через несколько лет он распался.

Последние по времени попытки организации областного краеведческого общества относятся к 1999 г., когда на краеведческой конференции «Историческое краеведение Подмосковья. История, современное состояние и перспективы развития», организованной Государственным историческим музеем-заповедником «Горки Ленинские» и кафедрой региональ-

ной истории и краеведения ИАИ РГГУ, был избран Оргкомитет областного краеведческого общества, в состав которого, помимо прочих, входили известный специалист в сфере областной топонимики Е.М. Поспелов и пишущий ныне эти строки. Помню, как члены Оргкомитета безрезультатно ходили по кабинетам Министерства культуры Московской области, пытаясь найти помощь в организации краеведческого движения в Подмосковье.

Функции координатора краеведческого движения взяло на себя Московское краеведческое общество, в Совете которого в начале 2000-х гг. была создана комиссия «Подмосковное краеведение», в состав которой вошло несколько известных краеведов области. В качестве отделений сегодня в Московское краеведческое общество входят краеведческие организации Пушкино, Долгопрудного, Апрелевки, Внуково, Королева, Луховиц, Домодедово, Коломны, Видного (Общество краеведов Ленинского района), Орехово-Зуево («Морозовского клуб»), а также как коллективный член – Сергиево-Посадская Центральная районная межпоселенческая библиотека им. В.В. Розанова и др. В настоящее время планируется образование отделения на базе Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова, установлены связи с краеведческим обществом г. Химки.

На главной, постоянно действующей трибуне современного краеведческого движения – ежемесячных «Встречах на Никольской» (с марта 2018 г. – «Краеведческих встречах на Берсеневке») в Москве в программу большей части из прошедших 171 заседания были включены книги и проекты практически из всех районов и городов Подмосковья. Подмосковные краеведы – постоянные участники организуемых с 2007 г. Союзом краеведов России и Московским краеведческим обществом общероссийских и региональных конференций и чтений, в первую очередь Всероссийских краеведческих чтений (2007–2016 гг.), областных архивно-краеведческих чтений (2012–2013 гг.), Московских региональных военно-краеведческих чтений (проводятся с 2009 г.). Выездные заседания Всероссийских краеведческих чтений проходили в подмосковных городах, с краеведами которых Союз краеведов и Московское общество связывают давние отношения: в Коломне, Можайске, Подольске, Верее и др.

И сейчас еще иногда возникает дискуссия: стоит ли создавать отдельное областное краеведческое общество. Как показывает опыт, судьба краеведческого движения в руках самих краеведов-энтузиастов, объединенных в общества и клубы. Очень важно, чтобы эти объединения имели возможность собираться, проводить разнообразные мероприятия в одном из культурных центров районного города: в Доме культуры, музее, библио-

теке, наконец, в здании администрации, и не менее важно, чтобы между этими общественными объединениями существовали постоянные связи. Поэтому представляется правильным и сегодня следовать примеру краеведческого движения 1920-х гг., когда Москва и Московская губерния (область) не были разделены как сейчас в смысле управления, и ОИМГ включало в сферу своей деятельности и Москву, и Подмосковье одновременно. И в наше время Москва и область как единый историко-культурный регион не могут краеведами рассматриваться обособленно.

У воскресенского (ныне истринского) краеведения богатые традиции и отличные перспективы. Нужно всегда помнить о большом опыте Воскресенского отделения ОИМГ, о Воскресенском историко-художественном музее (в 2020 г. мы будем отмечать 100-летие его образования), с 1930-х гг. получившем статус областного краеведческого музея, и долгие десятилетия выполнявшем функции методического центра по руководству краеведческими музеями Московской области.

Прошло время, угасли по разным причинам прежние краеведческие центры, и ныне главным, объединяющим краеведов ядром на земле истринской, стала Истринская центральная библиотека им. А.П. Чехова, имеющая уже немалый опыт проведения ряда краеведческих мероприятий. Можно надеяться, что именно на ее основе возродится Воскресенское/Истринское краеведческое общество.

Список источников и литературы:

1. Города Подмосковья: в 3 кн. [Текст] /отв. ред. В. Янин. Кн.1–3. – М., 1980–1981.

2. Козлов, В.Ф. Из истории организации краеведческого движения в Подмосковье [Текст] //Проблемы истории Московского края: Тезисы докладов Третьей региональной научной конференции, посвященной 855-летию Москвы и Подмосковья (Москва, 26 февраля 2002 г.) / В.Ф. Козлов. – М., 2002.

3. Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведческих организаций [Текст]. – 2-е изд. – Л., 1927.

4. Музеи Московской области [Текст]: сборник /сост. К.А. Коновалова. – М., 1961.

5. Отечество [Текст]: Краеведческий альманах. Вып. 6.: Подмосковье. – М., 1996. – 220 с.

6. Памятники Отечества [Текст]: альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М, 1994. – № 1–2 (31). – 189 с.

7. Памятные места Московской области [Текст]: краткий путеводитель / ред. К.А. Коновалова. – 3-е изд. – М., 1960.

8. Подмосковье из века в век [Текст]: [сборник исторических очерков] / ред. Н.С. Ватник, В.Н. Захаров. – М.: Издательский дом «Московия», 2006. – 528 с.: ил.

9. Смирнова, А.Г. Журнал «Краевед-массовик (Московская область)» и реалии краеведения начала 1930-х годов [Текст] / А.Г. Смирнова //Вестник РГГУ. Научный журнал. – М., 2016. – № 10 (19). – С. 9–34. – (Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»).

10.Смирнова, А.Г. Материалы по истории краеведения конца 1920-х – начала 1930-х гг. в фонде Московского областного музея краеведения в ЦГАМО //Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области: Материалы Первых областных историко-краеведческих архивных чтений: К 75-летию образования Центрального государственного архива Московской области (Москва, 29 марта 2012 г.); Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области: Материалы Вторых областных историко-краеведческих архивных чтений: К 200-летию Отечественной войны 1812 года (Подольск, 25 октября 2012 г.) [Текст] /ред. П.М. Петров, сост. А.Г. Смирнова. – М.: Кучково Поле, 2013. – С. 21–31.

11.Смирнова, А. Г. О рукописи можайского краеведа Н.И. Власьева «Верея. Краткий исторический очерк» (1928 г.) в фондах НИОР РГБ [Текст] //Десятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.), 13–17 мая 2016 г.) /ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. – М.: ИЦ «Краеведенние»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017. – С. 324–333.

12.Смирнова, А.Г. От московских общественных краеведческих объединений 1920-х гг. до Московского краеведческого общества: к 25-летию МКО [Текст] // Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Воронеж, 15–19 мая 2015 г.)/ ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. – М.: ИЦ «Краеведенние»; Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – С. 85–97.

13.Смирнова, А.Г. Экскурсионные разработки Общества изучения Московской губернии на рубеже 1920-х-1930-х гг. (по материалам личного фонда П.Н. Миллера в ОПИ ГИМ) [Текст] /А.Г. Смирнова // Материалы Первых областных историко-краеведческих архивных чтений. – С. 146–155. – [неопубликованные доклады на конференциях: Материалы по истории дмитровского краеведения конца 1920-х – начала 1930-х гг. в НИОР РГБ; Основные направления и формы экскурсионно-краеведческой работы Кабинета краеведения Московского областного музея краеведения (вторая половина 1920-х гг. – 1930-е гг.); Из опыта организации краеведческой работы в Москве и Подмосковье в 1920–1930-е гг.; Москвоведение и краеведение второй половины 1920-х – начала1930-х годов: Общество изучения Московской губернии (области) и краеведческие объединения Москвы и Подмосковья].

14.Страна моя – Московия [Текст]: сборник историко-краеведческих очерков. – М.: Московия, 2007. – 304 с. – (Родная страна).

15.Филимонов, С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края [Текст] /С.Б. Филимонов. – М., 1989.

16.Формозов, А.А. Следопыты земли Московской [Текст] /А.А. Формозов. – М., 1988.

А.Г. Смирнова

ИСТРА (ВОСКРЕСЕНСК) В ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ 1920-Х – НАЧАЛА 1930-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НИОР РГБ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ)

История отечественного краеведения 1920-х – 1930-х гг. – очень важный и одновременно сложный и противоречивый период. В современной краеведческой историографии благодаря работам известного ученого историка С.О. Шмидта (1922–2013) сложился устойчивый взгляд на 1920-е гг. как на «золотое десятилетие» российского краеведения, когда особых результатов достигла краеведческая теория, методика, практика, когда неразрывной была связь краеведения с академической наукой [24, 4. С. 80], когда, по выражению В.Ф. Козлова, был «апогей развития краеведческого движения» [4. С. 79], когда была заложена традиция краеведческих конференций от всероссийских/всесоюзных [5] до губернских, уездных. На этом фоне конец 1920-х – 1930-е гг. воспринимаются едва ли не мрачно, как время разгрома краеведения, утраты во многом ценнейшего опыта «золотого десятилетия» и прерывания единой традиции отечественного краеведения, складывавшейся еще с XIX в., как совершенно иной, деструктивный этап [4. С. 80–81]. С этим нельзя не согласиться, но полностью «огосударствленное», по выражению В.Ф. Козлова, идеологизированное и «освобожденное» от историко-культурной составляющей краеведение 1930-х гг. напрямую связано с предшествующим этапом, оно было его закономерным логическим продолжением в менявшихся государственно-политических условиях и дало по-своему интересные и важные результаты. Обращение к истории деятельности конкретных краеведческих обществ и персоналий позволяет увидеть всю сложность, неоднозначность и в то же время значимость 1920–1930-х гг. для краеведения.

Одним из главных центров развития краеведческой мысли и краеведческого движения в этот период была Москва и тесно связанные с ней

территории Московской губернии/Московской области, где краеведческое движение, развиваясь в единых территориальных границах, имело и общую организационную структуру. Среди наиболее заметных центров краеведческой работы Подмосковья – г. Воскресенск (Истра – с 1930 г.). Сведения о воскресенском краеведении того периода можно почерпнуть как в архивных документах, так и на страницах краеведческой периодики: журналов «Московский краевед» (1927–1930 гг.) [12] и «Краевед-массовик» (1930–1931 гг.) [7]. Один из крупнейших документальных комплексов по московскому и подмосковному краеведению отложился в Фонде Московского областного бюро краеведения (МОБК – 1930–1936 гг.) в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) [13] – более 3 тыс. единиц хранения. Сюда вошли документы ряда краеведческих объединений – предшественников МОБК, в том числе Общества изучения Московской губернии (ОИМГ; 1925–1930 гг.) и входивших в его организационную структуру подмосковных краеведческих обществ изучения местного края, краеведческих музеев и проч. Здесь же находятся и документы, отражающие историю воскресенского/истринского краеведения.

Существовала закономерность, подмеченная еще современниками-краеведами: там, где были сильные музейные учреждения, самодеятельная инициатива краеведов была слабее, хотя под эгидой музея краеведческая работа в целом велась интенсивно. Это в полной мере справедливо и в отношении г. Воскресенска и Воскресенского музея, возникшего на базе закрытого Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и принявшего на себя функции сначала краевого, потом опытно-показательного областного музея – «опорного» музея, как его называли в 1920-е гг., значение которого как крупнейшего в Московской области «далеко выходит за пределы той территории, которую обслуживает музей» (Н.А. Дорогутин, член Правления ОИМГ) [3. С. 91]. На протяжении всего рассматриваемого периода Музей сохранял за собой эту ведущую роль, в начале 1930-х гг. он в числе 8 музеев Московской области получил статус «базового», имеющего целью «планомерное осуществление методического руководства на местах» [13. К. 42. Ед. хр. 8. Л. 4] (если принять во внимание то, что границы Московской области включали тогда ряд современных областей Центральной России (до 1929 г. бывших губерний), и 4 музея из 8 находились в бывших губернских центрах, то Истринский музей был одним из 4-х именно подмосковных «базовых» музеев). Все это выдвигало и краеведческую работу в Воскресенске на одно из первых мест в Московской губернии (области), местные музейные деятели были активны не только

в рамках своей служебной деятельности и в границах уезда, но играли видную роль на губернском уровне и даже шире. Однако цельных комплексов документов по воскресенскому (истринскому) краеведению в ОР РГБ не отложилось, в отличие, например, от дмитровского, сергиево-посадского, звенигородского краеведения и др. Но и те разрозненные дела, которые доступны исследователю, дают очень интересный, разнообразный и достаточно репрезентативный материал.

В ОР РГБ в Ф. 177 нами выявлено более 40 дел (включены в разные разделы описи), которые непосредственно относятся к воскресенскому краеведению. Помимо этого, при знакомстве с другими документами фонда нередко можно встретить косвенные или прямые упоминания тех или иных сюжетов, относящихся к Воскресенску, к музею, к местному краеведческому обществу. В фонде отложились как машинописные документы (часто копии, иногда по несколько экземпляров), так и рукописи, в том числе автографы, принадлежащие известным воскресенским краеведам. По содержанию большую часть составляют черновые варианты статей краеведческой тематики, по итогам каких-либо конференций, совещаний и прочее (наброски, варианты с авторской правкой и др.). Значительная их часть (хотя и не все) была опубликована в упомянутых выше краеведческих журналах. Однако в архивных делах есть и другие документы, которые либо существенно дополняют опубликованную информацию, либо вообще являются оригинальными.

Тематически, прежде всего, выделим документы, касающиеся деятельности Воскресенского общества по изучению местного края – материалы местных (уездных) конференций и совещаний по краеведению (они же встречаются и на страницах краеведческих журналов). Однако важно, что одновременно в подобные дела включены рабочие материалы: извещения, приглашения, списки, повестки дня, резолюции, письма в ОИМГ и другие, знакомство с которыми значительно расширяет рамки опубликованной информации (к тому же интересны сами по себе и черновые варианты или авторские автографы статей и заметок).

Вторую группу составляют документы, которые характеризуют направления, формы и итоги краеведческой работы в Воскресенске и уезде: материалы (и статьи, в том числе) краеведческих обследований: например, стекольного завода в д. Духанино Воскресенского уезда – 1927 г. [13, К. 9. Ед. хр. 42.; К. 46. Ед. хр. 23, 24]; списки населенных пунктов, описания, пояснения к соответствующим разделам «Карты Москвы и окрестностей» (1930 г.) [13. К. 17. Ед. хр. 71; К. 18. Ед. хр. 15–18], результаты краеведческо-

географического изучения Воскресенского «индустриального очага» [13. К. 42. Ед. хр. 15], монографического изучения промышленных предприятий (химкомбината – 1930-е гг.) [13. К. 50. Ед. хр. 10], монографического изучения деревни (с. Бужарово – 1928 г.) [13. К. 48. Ед. хр. 37]. Упоминания тех или иных работ в Воскресенском уезде встречаются в документах, обобщающих ход и итоги краеведческого изучения Подмосковья в целом, в том числе археологических исследований К.Я. Виноградова «Древнейшие следы культуры славян и финнов в Воскресенском уезде», работы Е.С. Радченко по теме «Кустарный промысел и ремесло в Воскресенском уезде Московской губернии в 1926 г.» [13. К. 8. Ед. хр. 24. Л. 1 об.], монографических обследований селений уезда по программам ОИМГ и отдельных кустарных промыслов [13. К. 8. Ед. хр. 24. Л. 2 об.].

В третью группу можно включить документы, связанные непосредственно с деятельностью музея: письма в ОИМГ 1927–1928 гг. [13. К. 20. Ед. хр. 1], пригласительный билет с повесткой дня отчетного заседания 5 ноября 1929 г., посвященного 8 годовщине основания краеведческого музея [13. К. 20. Ед. хр. 2]; обращения к населению с призывами принять участие в краеведческой работе музея [13. К. 20. Ед. хр. 3], повестки, пригласительные билеты на заседания; статьи об опыте построения и работе музея [13. К. 52. Ед. хр. 33–35, 37], о формах участия музея в социалистическом строительстве и хозяйственной работе в районе и области [13. К. 48. Ед. хр. 5, 6, 38]; заметки и другие материалы, связанные с музейными курсами в Воскресенске 1930–1931 гг. [13. К. 48. Ед. хр. 29, 30; К. 52. Ед. хр. 36]; итоги обследования Московского областного музея краеведения в Истре бригадой Комиссии советского контроля в июле – августе 1935 г. [13. К. 20. Ед. хр. 33] и др.

Наконец, четвертая группа представлена документами, относящимися к персоналиям воскресенских краеведов. И с точки зрения содержащейся в них информации, ее оригинальности и ценности, возможно, это наиболее интересный комплекс в фонде, поскольку многие сведения не распубликованы и широко не известны. В делах фонда сохранилось «Письмо в ЦБК с характеристикой Н.А. Шнеерсона...» (1928 г.) [13. К. 9. Ед. хр. 42], также можно найти сведения об участии воскресенских краеведов в работе ОИМГ и губернских/областных краеведческих учреждений, об их участии в совещаниях, конференциях и т. д. Так, например, в протоколе первого общего собрания ОИМГ (1 апреля 1925 г.) указано, что в состав правления общества была предложена кандидатура Е.С. Радченко, пожалуй, самой активной представительницы Воскресенска в краеведческом движении того

времени [13. К. 6. Ед. хр. 5. Л. 13 об.], о ее участии в заседания Кабинета краеведения упомянуто в отчете, составленном М. Феноменовым (1927–1928 г.) [13. К. 50. Ед. хр. 69. Л. 5 об.]. (Заметим, что в данном случае эта архивная информация оригинальна, поскольку в опубликованном варианте отчета в 5-м вып. «Московского краеведа» за 1928 г. эти сведения отсутствуют). Об активности на губернском уровне представителей Воскресенска свидетельствует «Протокол заседания однодневной губернской конференции по краеведению 2 января 1926 г.»: Е.С. Радченко и В.О. Глиндзич были избраны в президиум конференции, Е.С. Радченко выполняла функции секретаря [13. К. 8. Ед. хр. 40. Л. 5], тогда же Е.С. Радченко была избрана одним из трех делегатов с совещательным голосом на очередной Пленум ЦБК [13. К. 8. Ед. хр. 40. Л. 1 об.]. В «Московском краеведе» в 1927 г. был опубликован отчет об этой конференции [1], где указано, что Воскресенский уезд был представлен 3 делегатами (кроме упомянутых, еще Жукова [1. С. 93], а доклад Е.С. Радченко «Изучение быта деревни как основное условие культурной работы в деревне», сделанный по итогам изучения Лучинской волости (впоследствии опубликован – см. ниже), стал едва ли ни одним из самых интересных, вызвавших горячие споры и прения, и в заключение по нему была принята отдельная резолюция конференции [1. С. 98]. И эти примеры можно продолжить. Отметим также, что имена представителей Воскресенска неоднократно встречаются на страницах протоколов общих заседаний президиума и правления ОИМГ, начиная с учредительных заседаний в январе 1925 г., где в числе учредителей был и сотрудник Ново-Иерусалимского музея Т.Т. Шатилов [13. К. 6. Ед. хр. 5. Л, 1].

Е.С. Радченко и Н.А. Шнеерсон принимали участие и в методической музейно-краеведческой работе в областном масштабе, о чем свидетельствует отчет Н.А. Дорогутина о работе Методического бюро при Московском областном музее в 1930–1931 гг. [13. К. 42. Ед. хр. 8. Л. 5], где в связи с «методической проработкой вопросов, связанных с деятельностью музеев области» упомянуты доклады Н.А. Шнеерсона по разделам: организационно-плановому – «Принципы финансирования музеев Московской области на 1931 г.», научно-исследовательскому – «О задачах научно-исследовательской работы в Московской области в связи с решениями XVI Партсъезда и 2-й областной Партконференции», массовой политпросветработы – «Методы антирелигиозной работы в краеведческом музее». В последнем разделе указаны также два доклада Е.С. Радченко «План организации и деятельности музейной передвижки» и «Политехниза-

ция школы и краеведение» (статья на эту тему опубликована в «Краеведе-массовике» [20]).

И особое внимание следует обратить на архивное дело «Анкеты краеведов Московской губернии» (1927 г.) [13. К. 5. Ед. хр. 11]. Для нас здесь важны 5 анкет: В.О. Глиндзича [13. К. 5. Ед. хр. 11. Л. 4–4 об.], В.М. Колобова [13. К. 5. Ед. хр. 11. Л. 13–13 об.], К.В. Покровской [13. К. 5. Ед. хр. 11. Л. 19–19 об.], Е.С. Радченко [13. К. 5. Ед. хр. 11. Л. 22–22 об.] и Н.А. Шнеерсона [13. К. 5. Ед. хр. 11. Л. 32–32 об.]. Помимо биографических сведений интересно само по себе содержание и стиль ответов на вопросы. В силу понятных причин, многие анкеты содержат не слишком обширные биографические данные: например, пункты, касающиеся истории рода/семьи, родителей, образования, вероисповедания, либо вообще игнорируется респондентами, либо содержат очень краткие и, возможно, недостоверные ответы. В других же анкетах ответы на те же самые вопросы – вполне откровенны. Все это важно для исследователя: это тоже штрихи к портрету человека.

О Валериане Оттовиче Глиндзиче узнаем немного, что он родился в 1891 г. в Москве и по линии матери состоял в родстве с родом Писаревых. Образование получил в Московском университете. Жил в Воскресенске, работал помощником хранителя в музее, занимался проблемами экологии и геологии. Кроме того, что он стал председателем Воскресенского общества, входил еще и в Каширское отделение ОИМГ.

С воскресенским краеведением был связан и Владимир Михайлович Колобов (он был членом Воскресенского общества), хорошо известный как музейный деятель, занимавшийся археологическими памятниками, директор Звенигородского музея, оставивший по себе память и в серпуховской музейно-краеведческой среде, репрессированный и позднее связанный с послевоенным Московским областным музеем в Истре. Он – уроженец Тамбова, родился в дворянской семье в 1893 г. В анкете в соответствующих пунктах написал: «великоросс, православный» и указал, что род его известен с XVI в. Образование получил в Москве в гимназиях Шамониной и Медведниковской, затем – в Московском университете, работал в Тамбовской и Саратовской ученых архивных комиссиях, в музейном отделе Наркомпроса, а с 1923 г. – в Ново-Иерусалимском музее, заведовал подотделом истории края. О своих интересах он написал: «Работаю по собиранию материалов по истории края: землевладение и землепользование, усадебная культура; отдельные моменты в истории края (1698 г. – стрельцы, 1812 г., 1820-е, 1860-е гг., 1905 г.); история монастыря и г. Воскресенска

(1658–1917); общественные лидеры, художники и другие деятели в Воскресенском уезде».

Еще одна анкета заполнена Клавдией Васильевной Покровской (род. в 1877 г.), сотрудницей историко-бытового отдела Воскресенского музея. О себе она написала: «великоросс», «вне религии». Образование получила на историко-филологическом факультете Московских высших женских курсов, в 1908–1910 гг. слушала курс Педагогической академии в Петербурге, в 1914 г. окончила педагогические курсы для учителей средней школы, в 1924 г. – Высшие научно-методические курсы. В анкетах есть вопрос о том, что повлияло на выбор краеведения как рода деятельности, К.В. Покровская в качестве побудительных причин указала следующие: «Оказали влияние лекции В.Ф. Миллера на Высших курсах. Довольно много путешествовала по России, старалась осмотреть имеющиеся памятники, историю края осознать, иногда записывала легенды, собирала открытки...» Ее главными научными занятиями были: изучение архивов бывшего монастыря и городского управления и собирание материала по истории уезда для историко-географического словаря.

Анкета одной из самых известных и интересных личностей в воскресенском и подмосковном краеведении – Евгении Степановны Радченко (1895–1986), возможно не столь информативна биографически (о ней известно значительно больше, чем сообщает этот архивный документ, в интернете опубликованы ее краткая автобиография и биографический очерк [30]), однако здесь есть очень интересные штрихи к ее портрету. Она родилась в семье революционеров, окончила с медалью гимназию в Киеве, Высшие женские курсы Герье в Москве, Московский коммерческий институт. На вопрос анкеты о ее пути в краеведение, и кто на нее повлиял, Е.С. Радченко ответила: «Судьба. Пришлось в 1921 г. поселиться в провинциальном городе, совершенно чуждом в непривычной среде. Первоначальная форма краеведческой работы – статистическая работа в Устатбюро. Впервые почувствовала “краеведную семью” в экскурсионной секции Губпроса. Там работал Н.С. Елагин». А вопрос об основных моментах жизни и деятельности оставила без ответа: «не поддается анкетному описанию» (для тех, кто немного знаком с ее бурной деятельной биографией, наоборот – сказала более чем достаточно). О своих научных занятиях написала – изучение московской деревни, а о своей работе, помимо музея, – что является членом правления ОИМГ и Президиума музейной секции, секретарем Правления Воскресенского общества, чле-

ном Совета Кабинета краеведения и членом Губернского краеведческого бюро Губпроса.

О Н.А. Шнеерсоне (1881–1937) – крупном музейном деятеле, одном из активных участников краеведческого движения члене ОИМГ, директоре Воскресенского музея, также есть биографические публикации [31, 32], а его анкета содержит немного сведений. В ней указана дата рождения 1879 г. (она не совпадает с официальной, однако это, по всей видимости, связано с его непростой биографией и вынужденной подменой подлинных документов в годы Гражданской войны документами умершего родственника [31]). В пункте о рождении и семье Н.А. Шнеерсон указывает следующие сведения: еврей, родился в г. Екатеринославе, отец служащий, образование среднее. О краеведении пишет: «Краеведение интересовало в связи со статистическими работами», а заниматься им начал «после революции, по своей инициативе начав организовывать краевой музей в г. Воскресенске». Ответ на вопрос о направлении занятий – лаконичен: прикладное искусство и экономические вопросы.

Характеризуя краеведческую работу в Воскресенске и уезде, отметим что, помимо уже упомянутого музея, основными ее центрами были уездное статбюро, и Воскресенское общество изучения местного края. Причем, как свидетельствуют архивные документы и материалы периодики, деятельность всех трех центров была взаимосвязана, а главенствующую роль играл музей: его заведующий Н.А. Шнеерсон одновременно возглавлял и статбюро, актив же краеведческого общества составляли преимущественно музейные работники. В списках краеведческих организаций Московской губернии 1920-х гг. упоминаются Музей, краеведы Е.С. Радченко и Н.А. Шнеерсон [13. К. 7. Ед. хр. 23. Л. 1; Ед. хр. 25. Л. 1] и Воскресенское краеведческое общество [13. К. 7. Ед. хр. 26. Л. 1].

В «Московском краеведе» за 1927 г. в разделе «Хроники» есть заметка Е.С. Радченко о работе Воскресенского музея [21], которая вполне наглядно представляет направления и содержание той музейной работы, которая непосредственно была связана с изучением края. С 1926 г. музей занимался изучением местных озер (Тростенского (Онуфриево), Чудцева (Ижева), Голубого, Новинок и Баева болота с точки зрения геологии, зоологии и ботаники (в 1927 г. в работах участвовали и члены Воскресенского общества изучения местного края). Исторические исследования включали археологические работы, в том числе, в районе Москва-реки, локализацию границ уезда в 1781–1796 гг., составление сравнительной карты границ уезда 1790 и 1920 гг., по литературным источникам дополнялась карта средневековой

территории Воскресенского уезда, в рамках изучения городской истории составлялись планы-чертежи разных эпох с начала XVII в., исследовались вопросы возникновения и роста города, изучались и регистрировались архитектурные памятники церковные и усадебные (составлялись их списки и картотеки), велся сбор материала для историко-экономических очерков о помещичьих усадьбах, собирались местные легенды и предания, разворачивались исследования по истории возникновения Ново-Иерусалимского монастыря, по его архитектуре, по экономической истории (конечно, в контексте современных идеологических установок). Важным направлением было монографическое изучение деревни по программе ОИМГ с поселенными и подворными описаниями, с комплексным изучением быта, культуры, хозяйства и проч. Изучались местный ткаческий и рыболовный промыслы. Музей также обеспечивал работу краеведческого практикума для студентов 2-го МГУ (весной 1927 г.). Заметка Н.А. Шнеерсона на ту же тему была опубликована в журнале 1929 г. [27]. Из ведущихся и намеченных в плане работ особо отметим программу изучения рек (Озерна, Нудаль, Б. и М. Истра), обследование леса, болот (на предмет изучения торфяных залежей), выявление местных полезных ископаемых, изучение местной промышленности (Октябрьская суконная фабрика 1838 г. и Гучковская мануфактура 1914 г.). Продолжалось этнографическое изучение крестьянского жилища (начатое в 1924 г.), намечалось изучение местного аграрного культа, работа по собиранию и изучению фольклора была ориентирована на детский фольклор, сбор материала проводился силами детского кружка при музее. Новым направлением в 1929 г. становилось «меморативное»: изучение пребывания в Воскресенском крае деятелей искусства и науки, в том числе А.П. Чехова в Бабкине, А.С. Пушкина в Яропольце, И.Д. Якушкина в Покровском и т. д. Фактически работа музея комплексно охватывала все основные сюжеты краеведения Воскресенска и уезда. В 1928 г. опыт этой работы был проанализирован в методической статье Н.А. Шнеерсона в «Московском краеведе» [24].

Очень емкую характеристику роли музея в Воскресенском краеведении дал побывавший здесь член Правления ОИМГ Д.И. Шаховской (г. Дмитров): «...Здесь вся научная работа исходит из музея и в нем сосредоточивается... Работа эта слишком хорошо известна московским краеведам. И печатные работы, и постоянные доклады сотрудников музея наглядно свидетельствуют о том, что здесь мы имеем настоящий исследовательский научный центр, хотя и не носящий соответствующего названия... Краеведу, который

в нем еще не побывал, можно сказать только одно: “Посмотри скорей собственными глазами!”» [2. С. 57]

Если обратиться к работе Воскресенского общества изучения местного края, то важные сведения о нем можно почерпнуть из «Анкеты для учета краеведных учреждений Московской губернии...» [13. К. 7. Ед. хр. 27] и из заметки Е.С. Радченко «Воскресенский филиал о-ва изучения Моск. губ.» в «Московском краеведе» (1929 г.) [18]. По данным анкеты, общество было учреждено как филиал ОИМГ 31 марта 1926 г. в составе 20 человек, 5 из которых составляли актив: председатель В.О. Глиндзич, секретарь Е.С. Радченко (оба из музея), члены правления – Л.М. Попова (зав. шк. I ст.) и два представителя укома, причем, именно музейные сотрудники были единственными активистами общества, они же участвовали во всех краеведческих работах, инициируемых музеем: экспедициях, монографическом изучении деревни и т. д. В журнальной заметке есть более детальная информации о возникновении общества: здесь говорится, что оно организовалось в ноябре 1924 г. «в виде краеведческого кружка при упросе. Кружок был организован и поддерживался работниками Воскресенского музея при близком участии учителей города», число его членов составляли от 12 до 24 человек. Е.С. Радченко пишет, что отделением ОИМГ Воскресенский кружок становится с декабря 1925 г. (что не совпадает с данными архивного документа), получив утвержденный устав и печать. Число членов Воскресенского общества в конце 1920-х гг. составляло 18–24 человека [18. С. 81].

Несмотря на то, что работы общества не финансировались (по сведениям анкеты), были проведены обследование ярмарки (еще в рамках работы кружка), изучение крестьянской свадьбы в Воскресенском уезде, домашнего и промыслового ткачества (две последние темы – Е.С. Радченко). Анкета содержит интересную оценку работы общества по вовлечению широких масс в краеведение (это была приоритетная идеологическая установка): «Маленькая группа местных работников, занятая исследовательской и просветительной работой по заданиям музея, не может уделять достаточного времени для неустанного вовлечения более широких кругов, а среди них, очевидно, сама потребность в краеведной работе далеко не насущна» (!) [13. К. 7. Ед. хр. 27. Л. 1 об.]. Заметка Е.С. Радченко более детально представляет работу Воскресенского общества, указывая на наличие финансов, хоть и очень скудных (из поступавших «очень неаккуратно» членских взносов, субсидии УИКа и процентов по текущему счету). С 1926 по 1928 гг. было организовано 10 заседаний правления (больше всего – 6,

в 1928 г.), 10 общих, 7 секционных заседаний (причем, «действительно коллективную работу вела только естественно-историческая секция, организовывавшая экскурсии, практические занятия»), 10 практических занятий (1927 г.). И в 1926 г. работал сельский краеведческих кружок в Бужарово, организовавший 8 заседаний и также занимавшийся практической работой [18. С. 81]. На заседаниях звучали методические, описательные и информационные доклады, в том числе в методическом разделе: «К методике изучения истории города» (М.Н. Тихомиров), «Изучение личного потребления населения» (Кругликов), «Приемы собирания зоологических материалов» (Евтюхов) и аналогичная тема по ботаническим материалам (Евтюхова); в описательном разделе: «Нахабинская артель столяров» (Богданович), «"Никольское" Гагариных» и «Стекольный завод в Духанине» (В.М. Колобов), «Тростенское озеро» (В.О. Глиндзич), «Обзор состояния сельского хозяйства в уезде» (Н.А. Шнеерсон), «Кустарный промысел и ремесло в Воскресенском уезде», «Крестьянская свадьба», «Изучение быта деревни как условие просветительной работы» (опубликовано в «Московском краеведе» [19]), «Материалы к расслоению современной деревни» (Е.С. Радченко), «Стрекозы Чудцева озера» (Белевич). Однако Е.С. Радченко указывала, что практической и широко развернутой краеведческой работы наладить пока не удалось, члены Правления, имея целью создание опорных краеведческих ячеек на местах, смогли лишь один раз выехать с организационным заданием в Ново-Петровскую волость, но будучи перегружены работой, больше выездов не делали, поэтому «работа о-ва вновь свелась к чтению докладов, причем доклады читаются музейными работниками и имеют своими темами непосредственные результаты исследовательской работы музея» [18. С. 82].

Вопрос оживления «слабо развернутой» краеведческой работы в Воскресенском уезде, вовлечения в нее широких масс обсуждался IV уездной краеведческой конференцией в Воскресенске 12–13 мая 1928 г. (соответствующая заметка Е.С. Радченко опубликована в «Московском краеведе» [22], а ее черновик хранится в архиве [13. К. 8. Ед. хр. 48]). С этой целью было принято решение об изменении структуры Воскресенского общества: создали при нем и избрали «уездный краеведческий Совет» [22. С. 63] (18 чел.), а для выполнения решений Совета – Правление из 5 чел. В Совет вошли представители уездного земотдела, упроса, уездного политпросвета, уздрава, УОНО, школьные работники, члены укома ВЛКСМ, уикома ВКП(б), крестьяне, рабочий, музей был представлен только Е.С. Радченко. Она же была избрана в правление вместе с представителем УОНО Ворон-

цовым, учителями школ им. Крупской Поповой, семилетки им. Тимирязева Зайцевым, представителем уездного политпросвета Герасимовым [22; 13. К. 8. Ед. хр. 48. Л. 3]). Конференция также приняла решение создать краеведческие кружки при каждой избе-читальне и краеведческие уголки в школах и избах-читальнях. Эту работу на местах должны были вести члены Совета и сотрудники музея. Одним из совместных мероприятий музея и общества (а также уездного Политпросвета) была намечена разработка плана местных экскурсий.

Вновь избранный Совет, помимо организационной (создание местных ячеек), в качестве основных задач наметил и исследовательские: изучение крестьянских построек; изучение лесов местного значения; ведение фенологических наблюдений. Также планировалось издавать краеведческий журнал [18].

Дополнительные сведения о работе Воскресенского общества содержит рукописная заметка председателя общества В.О. Глиндзича «О краеведческой работе в Воскресенском уезде в 1927–1928 гг.» [13. К. 41. Ед. хр. 47], где в качестве основных направлений работы названы изучение озер, организация сбора лекарственных растений, обследование водных бассейнов и изучение полезных ископаемых, что вполне адекватно отражает общий вектор развития краеведческой работы конца 1920-х гг.

О результатах воскресенских краеведческих исследований свидетельствует ряд статей, опубликованных в «Московском краеведе», как например (помимо уже упоминавшихся научных работ Е.С. Радченко): «К вопросу об изучении декоративных деталей крестьянского жилища» (В.М. Колобов, 1928 г.) [6], «У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губ.» (Б.А. Куфтин, А.М. Россова, 1928 г.) [8], а также рецензии на книги Е.С. Радченко «Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла» (1928 г.) [9] и «Воскресенский уезд Московской губернии. Общественно-экономический сборник (1924 г.) [14. С. 60].

И архивные документы, и статьи в краеведческих журналах содержат достаточно подробную информацию о проведении в Воскресенске краеведческих совещаний и конференций. Причем, в связи со статусом Воскресенского музея как краевого здесь организовывались и соответствующего уровня организационно-методические мероприятия. Здесь прошло 5 годовых уездных/районных конференций (начиная с 1924 г.). Мы уже говорили о IV уездной конференции 1928 г., получившей отражение и в архивном деле, и в журнальной публикации, причем интересно, что в другом

архивном деле сохранилось печатное извещение-листовка о предстоящей конференции (напечатано в Воскресенске в апреле 1928 г.), заканчивающееся следующими словами: «Призывая всех граждан принять живое участие в конференции и выставке, правление об-ва подчеркивает, что в успехах изучения нашего края заинтересованы одинаково и крестьянин, и рабочий, агроном и врач, школьный работник и избач, ибо без знания своего края нельзя выгодно вести сельское хозяйство, строить промышленность, бороться за новый быт» [13. К.35. Ед. хр. 69. Л. 3]. Есть также отчет о V районной краеведческой конференции в Воскресенске, прошедшей в мае 1930 г., помещенный в журнале «Краевед-массовик» (Е.С. Радченко) [16]. В повестке дня в духе времени обозначены доклады, практически не затрагивающие вопросов историко-культурного краеведения: программный доклад представителя РИКа Цыпленковой о задачах краеведных организаций в деле социалистического строительства, доклады Н.А. Шнеерсона об обследовании колхозов Воскресенского района, Е.С. Радченко о мелкой промышленности района, сообщение председателя Правления Воскресенского общества о результатах работы и трудностях. В повестку был еще включен доклад «т. Ерофеева о собирании материалов по революционному движению», но «за поздним временем» его «пришлось опустить» [16. С. 24]. Участниками конференции были не только воскресенские краеведы и музейные работники, но и гости из Волоколамского, Ново-Петровского, Сходненского районов и из московских областных учреждений. Интересно, что в журнале опубликована фотография участников конференции у собора Ново-Иерусалимского монастыря [16. С. 24].

Еще Д.И. Шаховской в упомянутой выше публикации отметил, что «Воскресенский музей считает своим районом не один уезд, а всю западную часть губернии» [2. С. 58]. Действительно, с краевым значением Воскресенского музея связано проведение в Воскресенске ежегодных совещаний районного (по существу, межрайонного) масштаба – начиная с 1927 г. [28. С. 61] состоялось 4 таких совещания, результаты трех из них (кроме первого) отражены в журнальных публикациях [29, 3, 18], материалы о совещании 1929 г. (в том числе, черновые) есть и в архивных делах [13. К. 35. Ед. хр. 69; К. 42. Ед. хр. 10]. Первый опыт созыва совещания по инициативе Воскресенского музея не дал ожидаемых результатов, но «крайняя необходимость координирования научной деятельности краеведческих организаций», по словам Н.А. Шнеерсона, остро ощущалась всеми краеведами, и в апреле 1928 г. в совещании краеведческих организаций западной части Московской губернии приняли участие, помимо Воскресенского,

представители Можайского, Волоколамского, Московского уездов, ОИМГ и Музея Центральной промышленной области [28]. Были выработаны совместные планы гидрографического изучения западной части губернии, проведения системных фенологических наблюдений, регистрации археологических памятников и составления соответствующей карты западной части губернии и пресечения бессистемных раскопок, «в целях планомерного изучения прошлого западной части Московской губернии» решено было начать составление историко-географического словаря и порайонных карт по отдельным историческим периодам, в рамках изучения быта была выбрана главная общая для всех тема: изучение жилища по методикам специального семинария Кабинета краеведения. Однако и в этот раз реальную совместную работу наладить не удалось, в связи с чем музей инициировал третье совещание 11–12 февраля 1929 г. [3], имевшее целью координацию работы краеведческих музеев. Приехали работники музеев Волоколамского, Рузского, Ульяновского (Московский уезд) волостного, усадебных музеев в Николо-Урюпине, Останкино, а также представители музейно-краеведческого подотдела МОНО, Музея Центральной промышленной области, ОИМГ, студенческих кружков 1-го и 2-го МГУ. Вновь утвердили перечень общих и важнейших для изучения вопросов (помимо определенных еще в 1928 г. совместных археологических, гидрологических и фенологических работ): изучение жилища, отдельного фабричного предприятия и быта рабочих, сельского хозяйства в связи с задачами поднятия урожайности и развития коллективных форм хозяйства, а также работа по паспортизации уезда и района (один из докладов на эту тему «Опыт паспортизации в масштабе уезда» делала Е.С. Радченко). Совещание 27–28 июля 1930 г. (базовое) проводилось для музеев, входивших в район Воскресенского базового объединения: Волоколамского, Рузского, Можайского, Звенигородского, Подольского, Сходненского, Боровского, Калужского, музеев в Останкино и в Архангельском [17]. Речь шла о сущности базового объединения и его организационных формах, о необходимости планирования музейных исследовательских работ. Для координации деятельности было избрано базовое бюро: 3 человека от Воскресенска, Звенигорода и Останкино, а 4-го члена постановили включать попеременно от каждого из вошедших в объединение музеев.

О воскресенском краеведении начала 1930-х гг. свидетельствуют журнальные публикации в «Краеведе-массовике»: о музейных курсах в сентябре 1930 г. по музейно-краеведному делу для рабочих-выдвиженцев в Истринском музее [27, 16], об опыте передвижных выставок (музея-

передвижки), впервые осуществленном музеем весной 1930 г. [26]. Эти материалы вполне отражают те изменения, которые происходили в содержании краеведческой работы в стране в целом, и в истринском краеведении, в частности, когда краеведам давались жесткие установки пропагандировать ход и успехи социалистического строительства, способствовать культурной революции, строительству нового социалистического быта, становясь непосредственными участниками всех этих процессов, включаясь в деятельность плановых и хозяйственных организаций, когда главными действующими силами советского краеведения должны были становиться рабоче-крестьянские массы вместо старых специалистов, знатоков краеведов, которых теперь связывали со старым, стало быть «не советским» краеведением, чей опыт и знания объявлялись ненужными и, хуже того, враждебными.

В одном из выпусков «Краеведа-массовика» за 1931 г. некто И. Яковлев в заметке «В Истринском районе» [29] констатирует «У нас в Истринском районе краеведческая организация была, но массы втянуты не были в ее работу, поэтому и деятельность ее не имела никакого успеха» (!) Идущая же реорганизация краеведческого дела должна была в корне изменить ситуацию: «... к 1 февраля организовано 9 краеведческих ячеек: на фабриках – 2, в колхозах – 2, в совхозах – 1, кустпромартель – 1, в школах – 3». А в информационной статье А.И. Малиновского в том же выпуске журнала [12. С. 31] уточняется: «В Истринском районе организованы кружки: а) на Октябрьской фабрике, б) при Октябрьской школе, в) на Никольской фабрике им. Лебедева, г) при школе на фабрике им. Лебедева, д) в колхозе «Аносино», е) в колхозе «Бужарово», ж) в совхозе «Глебово», з) при артели «Рабочий», и) при школе им. Тимирязева» (черновик этой статьи сохранился в архиве [13. К. 45. Ед. хр. 29]).

И еще один маленький сюжет: в начале 1930-х гг. была объявлена кампания по сбору средств на постройку самолета «Краевед», сбор шел не так активно, как ожидалось. В общих сводках поступивших к концу 1931 г. средств указано, что от Истринского района собрано 40 руб. (сравнительно немного относительно других подмосковных территорий) [10].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что архивные документы из фонда МОБК в НИОР РГБ, а также материалы московской краеведческой периодики являются важными источниками, содержащими разноплановую и ценную информацию о развитии краеведческой работы в Воскресенском/Истринском крае, о центрах этой работы, о ее направлениях, формах, методах, содержании и, конечно, о людях, благодаря кото-

рым воскресенское/истринское краеведение в 1920-е – в начале 1930-х гг. было заметным явлением в краеведческом движении Московской области, и занимало здесь одно из ведущих мест.

Список источников и литературы:

1. Губернская Краеведная конференция [Текст]: хроника //Московский краевед. – 1927. – Вып. 2. – С. 92–99.
2. Д.Ш. Краеведческая работа в Богородске, Воскресенске и Серпухове (Из впечатлений от поездок) [Текст]: хроника //Московский краевед. – 1928. – Вып. 3. – С. 57–58.
3. Дорогутин, Н. Районное совещание по краеведению в г. Воскресенске [Текст]: хроника /Н. Дорогутин //Краеведческая работа в уездах губернии. – Московский краевед. – 1929. – Вып. 3(11). – С. 90–91.
4. Козлов, В.Ф. Центральное бюро краеведения и Союз краеведов России как руководящие и координирующие органы отечественного краеведческого движения в XX–XXI вв. [Текст] /В.Ф. Козлов //Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Воронеж, 15–19 мая 2015 г.). – М., 2016. – С. 78–84.
5. Козлов, В.Ф. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения [Текст] /В.Ф. Козлов //Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г.). – М., 2012. – С. 10–19.
6. Колобов, В. М. К вопросу об изучении декоративных деталей крестьянского жилища [Текст] /В.М. Колобов //Московский краевед. – 1928. – Вып. 4. – С. 14–17.
7. Краевед-массовик [Текст]: журнал Общества изучения Московской области (1930. № 1–3); Орган Московского областного бюро краеведения и Московского областного музея (1930. № 4–1931), 1930–1931. – 8 вып.
8. Куфтин, Б.А. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губ. [Текст] /В.А. Куфтин, А.М. Россова //Московский краевед, 1928. – Вып.5. – С. 9–30.
9. Лебедева, Н. О книге Радченко Е.С. Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла [Текст] /Н. Лебедева // Труды Государственного художественно-исторического музея в г. Воскресенске. – 1928. Вып. 5. – 52 с. // Библиография. – Московский краевед. – 1929. – Вып. 2(10). – С. 92–93.
10. Малиновский, А. Как идет подписка на самолет «Краевед» [Текст]: хроника / А. Малиновский //Краевед -массовик. – 1931. – № 4(8). – С. 34.
11. Малиновский, А.И. Краеведческие ячейки [Текст]: хроника /А.И. Малиновский //Краевед -массовик. – 1931. – № 5. – С. 29–31.
12. Московский краевед [Текст]: журнал Общества изучения Московской губернии, 1927–1930. – 13 вып.

13. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф.177. Московское областное бюро краеведения. Оп. 1. 3000 ед. хр.

14. Обзор литературы по описанию уездов Московской губернии [Текст]: библиография //Московский краевед. – 1927. – Вып. 1. – С. 58–62.

15. Порецкая, А. Из впечатлений участника музейных курсов для выдвиженцев [Текст] /А. Порецкая //Краевед-массовик. – 1931. – № 2(6). – С. 41–42.

16. Радченко, Е.С. V районная краеведческая конференция в Воскресенске (18 мая 1930 г.) [Текст] /Е.С. Радченко //Краевед-массовик. – 1930. – № 3. – С. 23–24.

17. Радченко, Е.С. Базовое совещание при Воскресенском музее [Текст] / Е.С. Радченко //Краевед-массовик. – 1930. – № 3. – С. 23.

18. Радченко, Е.С. Воскресенский филиал о-ва изучения Московской губернии [Текст] /Е.С. Радченко //Московский краевед. – 1929. – Вып. 2(10). – С. 81–82.

19. Радченко, Е.С. Изучение быта деревни, как основное условие просветительной работы среди населения [Текст] /Е.С. Радченко //Московский краевед. – 1927. – Вып. 2. – С. 60–71.

20. Радченко, Е.С. Краеведческий музей и политехнизация школы [Текст] / Е.С. Радченко //Краевед-массовик. – 1931. – № 2(6). – С. 29–31.

21. Радченко, Е.С. Текущая работа Воскресенского музея [Текст]: хроника / Е.С. Радченко //Московский краевед. – 1927. – Вып. 2. – С. 101–103.

22. Радченко, Е.С. Четвертая Воскресенская уездная краеведческая конференция [Текст]: хроника /Е.С. Радченко //Московский краевед. – 1928. – Вып. 5. – С. 63–64.

23. Шмидт, С.О. Российская академия наук и развитие краеведения [Текст] / С.О. Шмидт //Исторические записки. – Вып. 14. – М., 2012.

24. Шнеерсон, Н.А. Из опыта построения художественно-исторического краевого музея [Текст] /Н.А. Шнеерсон //Московский краевед. – 1928. – Вып. 7–8. – С. 115–122.

25. Шнеерсон, Н.А. Краеведческая работа Государственного художественно-исторического музея в г. Воскресенске [Текст]: хроника. Краеведческая работа в уездах губернии /Н.А. Шнеерсон //Московский краевед. –1929. – Вып. 3(11). – С. 91–92.

26. Шнеерсон, Н.А. Музеи-передвижки [Текст] /Н.А. Шнеерсон //Краевед-массовик. – 1931. – № 2(6). – С. 26–27.

27. Шнеерсон, Н.А. Первые курсы музейных работников-выдвиженцев [Текст] /Н.А. Шнеерсон //Краевед-массовик. – 1931. – № 2(6). – С. 41.

28. Шнеерсон, Н.А. Районное совещание краеведческих организаций западной части Московской губернии [Текст]: хроника /Н.А. Шнеерсон //Московский краевед. – 1928. – Вып. 4. – С. 61–62.

29. Яковлев, И. В Истринском районе [Текст]: нам пишут /И.В. Яковлев //Краевед-массовик. – 1931. № 1(5). – С. 31–32.

Интернет-публикации:

30. Гиганты мысли и духа (Памяти Натана Александровича Шнеерсона и Евгении Степановны Радченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dirmus.narod.ru/shneerson/index.html. – Загл. с экрана.

31. Орлова, А. Об отце. Каким он был, что сделал и что мог бы еще сделать [Текст] /А. Орлова //Еврейская старина: Альманах. – 2005. – Октябрь. – № 10(34). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://berkovichzametki.com/2005/Starina/Nomer10/Orlova1.htm. – Загл. с экрана.

32. Шнеерсон, М. Воспоминания «щепки» (Ответ на вопрос одной анкеты) [Текст] /М. Шнеерсон // Вестник-online. – 26 мая – 2004. – № 11(348). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vestnik.com/issues/2004/0526/win/shneerson.htm. – Загл. с экрана.

Е.А. Воронцова

ЧЕХОВСКИЕ МУЗЕИ В ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ»

В начале 2014 г. Государственный литературный музей (с 2017 г. Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля) под эгидой Минкультуры России в содружестве с другими литературными музеями, а также исследователями (литературоведами, музеологами, культурологами, историками) приступил к реализации масштабного проекта по созданию энциклопедии «Литературные музеи России» (ЭЛМР). Её Концепция (авторы: Е.А. Воронцова основной разработчик, Э.Д. Орлов, Михайлова) и Словник (составитель – Е.А. Воронцова) были разработаны в рекордно короткие сроки. Их положения были обсуждены в ходе ряда профессиональных дискуссий на творческих семинарах директоров литературных музеев России им. Н.В. Шахаловой – XXX (Москва и «Щелыково», 3 июня и 21 сентября 2014 г.) и XXXI (Оренбург, 24–28 июня 2015 г.). Обсуждение прошло также на пленарном заседании III Московских Анциферовских чтений (Москва, 3 декабря 2014 г.), координационном совещании в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (Новосибирск, 29 сентября 2014 г.), на пленарном заседании XVIII Волошинских чтений и «круглом столе» «Литературно-мемориальные музеи: культурная традиция и современные вызовы» (Коктебель, 25–31 мая 2015 г.). На «круглых столах» в рамках «Интермузея» (Москва, 12 июня 2015 г.) и выставки «Россия читающая» (Москва, 23 июля 2015 г.) было продолжено обсуждение проекта, позже – на научно-практическом семинаре в отделе Всероссийского музея А.С. Пушкина, Музее-усадьбе Г.Р. Державина (Санкт-Петербург, 21 октября 2015 г.). Был представлен проект на «круглом столе» «Чехов в культурном пространстве Истринского района» (г. Истра Московской области, 9 декабря 2015 г.) и на Международном форуме литературных музеев (12 декабря 2015 г.) и т. д. Такой основательный подход по-

зволил представительному редакционному совету утвердить Концепцию и Словник, и это позволяет надеяться, что энциклопедия станет не менее значимой вехой в изучении музеев, чем «Российская музейная энциклопедия» [9], будет способствовать консолидации музейного сообщества, выполнит просветительскую миссию.

Чтобы показать отображаемый объект в контексте истории и культуры нашего Отечества, при подготовке вышеназванных документов мы применили весь арсенал музееведения, культурологии, исторической науки. Результаты дискуссий и нашей исследовательской деятельности запечатлены в серии теоретических статей.

Мы исходили из следующей базовой установки: литературные музеи «документируют и репрезентируют развитие литературы: как искусства создания художественных образов посредством слова; как способа передачи личного опыта писателя, его видения мира и информации о человеке, обществе, природе; как системы литературных произведений разных жанров (конкретного периода или народа, всего человечества). С этой целью они осуществляют собирание, хранение, изучение и экспонирование литературных памятников и других аутентичных свидетельств об объективной реальности (в нашем случае – о развитии литературы)» [5]. Срез конкретной профильной группы оказался благодатным для анализа: удалось (пока еще в первом приближении) соотнести историю литературы, течение литературного процесса с их отображением в зеркале музея, обозначить значимые вехи развития одной из самых представительных в количественном отношении групп российских музеев.

Работа над Концепцией и Словником, а затем и научное редактирование статей (на конец 2017 г. были заказаны и получены практически все статьи о музеях и большинство биографических статей о людях, внесших существенный вклад в развитие литмузеев) показали, что реальная картина музейной жизни гораздо сложнее и разнообразнее запечатленной в трудах исследователей. «Был актуализирован большой объем информации и зафиксированы в Словнике: музеи как самостоятельные, так и существующие ныне на правах филиалов и отделов; чьи собрания состоят из аутентичных свидетельств того времени, не когда произошло литературное событие, а когда оно было осознано; другие структурные образования – объекты “пограничья”, лишь отчасти выполняющие музейные функции, не всегда имеющие юридический статус, но реально существующие и отрефлексированные музейщиками как нечто выделенное (культурные центры, музеи-библиотеки, и даже некоторые экспозиции)... Таким обра-

зом удалось репрезентативно отобразить генеральную совокупность объектов» [5; 11, с. 48–199].

В состав этой генеральной совокупности входит около 900 музеев и объектов, в той или иной степени выполняющих музейные функции. Об их сети (5 и более музеев) можно говорить применительно к 55 субъектам Российской Федерации (из 85), в остальных субъектах мы имеем от 0 до 4 музеев. Большинство литературных музеев сосредоточено в Европейской России (около 750). Безусловный лидер – Москва и Московская область, где 128 объектов (86 в столице и 42 в области), за ними следуют Санкт-Петербург и Ленинградская область – 55 (в северной столице – 44) и Татарстан – 35. На юге России – более 90 музеев (в том числе в Крыму – 29), на Урале и в Зауралье – около 60, в Сибири – всего около 70.

На основе Словника оказалось возможным произвести некоторые подсчеты. Были установлены любопытные факты: в России 1 литературный музей приходится на 19 028 км² и на 163 тыс. человек (в Великобритании при таких соотношениях было бы 13 музеев на всю территорию и 387 – на всех жителей, в Германии – 19 и 503 соответственно, во Франции – 35 и 409; разница – следствие более высокой плотности населения в Европе). И при этом число музеев данного профиля в России уменьшается: нами зафиксировано более 20 случаев их перепрофилирования и даже ликвидации в 2000–2010-х гг.

В нашей стране около 180 музеев по истории литературы. Среди них преобладают музеи регионов и локусов (пространств, границы которых субъект может ощутить непосредственно) – их 84. Следом идут: литературно-краеведческие музеи (45), историко-литературные (17), литературно-мемориальные (15), литературно-художественные (их 8), связанные с литературой музеи истории и культуры (их 7), 4 историко-литературно-краеведческих музея, 3 – литературно-музыкальных и 2 – литературно-театральных.

Музеев, посвященных писателям, а также носящих их имена и имеющих мемориальные коллекции и экспозиции, гораздо больше (свыше 600). «Культурное пространство локуса организуется ими в преломлении личности писателя. Она репрезентируется музеем как пример высоких социокультурных достижений и образец для подражания, в ее творчестве ведется поиск нравственных ориентиров и оснований для культурной идентификации, в том числе – локальной культурной идентификации. Немногие музеи этой группы посвящены собирателям памятников литературы, книжным и музейным художникам, основателям музеев» [11].

В данной группе мы имеем ситуацию, когда одному писателю посвящены 2 и более музеев.

Анализ Словника позволил установить, что в форме музеев в исторической памяти российской нации зафиксированы всего 314 имен. Основная их масса – от XIX–XXI вв. (почти 300 имен); от XVIII в. сохраняются 5 имен, а от XVII в. и далее вглубь нашей истории – ни одного (единственное исключение здесь – экспозиция по «Слову о полку Игореве» в Ярославле). Что касается национальных литератур, то здесь в виде музеев зафиксированы лишь 78 имен (при том, что в России живут представители более 140 народов и народностей). Тот факт, что в экспозициях музеев по истории литературы представлено несколько больше имен писателей, не меняет ситуацию принципиально.

В данном контексте музейную меморизацию имени А.П. Чехова можно признать одной из лучших в России. Чеховские музеи и объекты, выполняющие музейные функции, прочно занимают третье место – после пушкинских (их 37) и есенинских (25). Группу из 16 существующих ныне музеев и объектов, связанных с этим писателем, составляют: 3 объекта в структуре Таганрогского литературного и историко-архитектурного музея-заповедника; музей-заповедник «Мелихово» с тремя объектами; дом-музей с 2 объектами в Ялте; 2 музея на о. Сахалин; дом-музей и мемориальный объект «Чехова А.П. домик» в Москве; 2 школьных музея (в Москве и г. Истра).

В их географии запечатлены основные этапы жизни и творчества А.П. Чехова: Таганрог (место рождения, детства и юности); Москва (1879–1884 гг. – учеба на медицинском факультете Московского университета, жизнь в 1886–1890 гг. – в арендованном у врача Я.А. Корнеева флигеле на Садовой-Кудринской улице, а в 1890–1892 гг. – во флигеле на Малой Дмитровке). Это и подмосковный Воскресенск (современный г. Истра), куда семья Чеховых приезжала на лето к работавшему учителем брату Ивану и где будущий писатель с 1882 г. помогал врачам земской Чикинской больницы, а с 1884 был там же врачом. Это остров Сахалин (1890), куда он добирался поездами, пароходами и на лошадях и откуда вернулся морским путем, а также подмосковное имение Мелихово (1892–1899); Ялта (с 1898 г.). Приведем список посвященных Антону Павловичу музеев в данной последовательности (названия в энциклопедиях даются с инверсией). В структуру Таганрогского литературного и историко-архитектурного музея-заповедника (г. Таганрог Ростовской области) входят: «Лавка Чеховых», «Чехова А.П. домик», литературный

музей А.П. Чехова. В Москве действуют: Чехова А.П. дом-музей, отдел Государственного литературного музея; «Чехова А.П. домик», филиал выставочного зала «Новый Манеж»; Чехова А.П. музей в Центре образования № 170 им. А.П. Чехова. В школе им. А.П. Чехова г. Истра (Московской области) имеется музей имени А.П. Чехова. На о. Сахалин – два музея: историко-литературный музей «Чехов А.П. и Сахалин» в г. Александровск-Сахалинский и муниципальный Литературно-художественный музей книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» в г. Южно-Сахалинск. В Московской области – Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова «Мелихово» (с литературной экспозицией «В мире чеховских героев», с музеем-усадьбой «Лопасня-Зачатьевское» и музеем писем А.П. Чехова) – пожалуй, самый известный чеховский музей. В Ялте (Крым) – три объекта: Чехова А.П. дом-музей и его отделы – Чехова А.П. дача и «Чехов А.П. и Крым» («Дача Омюр»). Отметим, что данный аспект привлекал и внимание исследователей [10].

Музейная меморизация имени А.П. Чехова началась вскоре после кончины писателя, в том числе и по инициативе его семьи. Существовали «Чеховская комната» в краеведческом музее (с 1909 по 1933 г.) и библиотека-музей А.П. Чехова (в 1914 г. для нее построено здание, а в 1976 г. музейная часть собрания выведена из библиотеки). В Таганроге – «Чеховская комната» в публичной библиотеке Румянцевского музея (с 1912 г.) и музей имени А.П. Чехова (с 1921 г.) – в Москве. Этот вопрос требует специального изучения.

А.П. Чехов – один из очень немногих русских писателей, удостоенных музейной меморизации за пределами Российской Федерации. Два чеховских музея были созданы на Украине, в то время, когда она еще входила в состав СССР: это дом-музей А.П. Чехова во флигеле усадьбы Линтварёвых в г. Сумы, где он снимал дачу в 1888–1894 гг., а также – музей в Нижнем Нагольчике Луганской области (пребывание документально не подтверждено). Мемориальная комната-музей открылась в 1955 г. в отеле «Гранд Ориенталь» в г. Коломбо на Шри-Ланке (ранее о. Цейлон; здесь Чехов побывал на пути с Сахалина), а музей «Чеховский салон», поддерживающий связи с российскими музеями А.П. Чехова, – в 1998 г. в г. Баденвейлер (Германия; место кончины писателя).

Чеховские музеи разнообразны по группам, видам и типам. Большинство из них относится к музеям монографическим (по одному признаку классификации) и мемориальным (по другому ее признаку), поскольку документируют и репрезентируют жизнь и творчество А.П. Чехова. Имеются

два школьных музея (в образовательных учреждениях Москвы и г. Истра, носящих имя писателя). По профилю они принадлежат к музеям: истории литературы (музей «Чехов А.П. и Сахалин» в Александровске-Сахалинском и литературный музей А.П. Чехова в Таганроге); литературно-художественным (музей одной книги «Остров Сахалин» в Южно-Сахалинске и экспозиция «В мире чеховских героев» в Мелихове), историко-бытовым («Лавка Чеховых» в Таганроге и музей писем А.П. Чехова в Мелихове). Наиболее распространенный тип – дома-музеи, «домики», дачи писателя; есть и музей-усадьба («Лопасня-Зачатьевское» в Мелихове). Одни из этих музеев являются самостоятельными, другие входят в структуру двух музейных агломераций – Таганрогского литературного и историко-архитектурного музея-заповедника и Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово».

Помимо блока статей о музеях в энциклопедию заложена обобщающая статья «Чехова А.П. музеи», а также статьи «Ассоциация учреждений России, носящих имя А.П. Чехова», «Международное сообщество чеховских музеев и библиотек», «Чеховское общество». Дополнительную информацию читатели найдут в биографических статьях об основателях и сотрудниках музеев: о М.М. Андрееве-Туркине, С.Д. Балухатом, Е.М. Гаршине, Ф.Т. Губе, Е.Ф. Кузьменко, Е.Э. Лейтнеккере, Г.И. Мироманове, М.П. Чеховой. А также – в статьях по регионам, где находятся чеховские музеи и памятные места, связанные с пребыванием там писателя (Москва, Московская область, Ростовская область, Сахалинская область, Республика Крым и др.). Для наиболее заинтересованных читателей представляет ценность пристатейная библиография.

Завершая рассказ о чеховских музеях в энциклопедии «Литературные музеи России», отметим, что потенциал музейной меморизации памятных мест, связанных с А.П. Чеховым, еще не исчерпан. Наглядный пример тому – г. Истра и ее окрестности: здесь находятся памятные места – Звенигород и Бабкино, сохранившееся здание Чикинской больницы, где некоторое время размещалась и земская библиотека (ее преемник – Центральная библиотека им. А.П. Чехова).

Список источников и литературы:

1. Бак, Д.П. История литературы и литературный музей: закономерности взаимодействия [Текст] /Д.П. Бак // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей /авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. – М.: Этерна, 2015.

2. Бак, Д.П. Проект издания энциклопедии «Литературные музеи России» и новые алгоритмы работы сети российских литературных музеев [Текст] /Д.П. Бак // Диалог со временем, 2015. – Вып. 52. – С. 223–226.

3. Воронцова, Е.А. Мир литературных музеев в зеркале энциклопедии «Литературные музеи России»: концептуальные основания проекта [Текст] /Е.А. Воронцова // Исторический журнал: научные исследования. – 2015. – № 2(26). – С. 228–235. – DOI: 10.7256/2222–1972.2015.2.15960.

4. Воронцова, Е.А. От «Российской музейной энциклопедии» к энциклопедии «Литературные музеи России»: энциклопедия как информационный ресурс по истории культуры [Текст] /Е.А. Воронцова //Диалог со временем. – 2015. – Вып. 52. – С. 227–242.

5. Воронцова, Е.А. Отечественная литература. Литературные музеи. Энциклопедия «Литературные музеи в России»: проблема памяти и забвения [Текст] /Е.А. Воронцова //Культура и искусство. – 2017. – № 6. – С. 96–112; DOI: 10.7256/2454–0625.2017.6.23333; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nbpublish.com. – Заг. с экрана.

6. Воронцова, Е.А. «Российская музейная энциклопедия» и энциклопедия «Литературные музеи России»: сопоставительный анализ концепций [Текст] /Е.А. Воронцова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. № 5. – С. 328–332.

7. Концепция энциклопедии «Литературные музеи России», рубрикатор, примерные схемы статей [Текст] //Диалог со временем. – 2015. – Вып. 52. – С. 256–267.

8. Корниенко, Н.В. Наследие Н.П. Анциферова и задачи энциклопедии «Литературные музеи России» [Текст] /Н.В. Корниенко, Д.С. Московская //Диалог со временем. – 2015. – Вып. 52. – С. 243–255.

9. Российская музейная энциклопедия в 2 т. [Текст] /А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др. – М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.

10. Чеховская карта мира [Текст]: материалы международной научной конференции. Мелихово, 3–7 июля 2014 г. /[ред. В.Б. Катаев]. – М.: Мелихово, 2015. – 544 с.

11. Энциклопедия «Литературные музеи России»: Методические материалы [Текст] /сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Д.П. Бак. – М.: Изд. «Литературный музей». – 2016. – 288 с.

О.И. Дудоладова

ИСТОРИЯ ВОСКРЕСЕНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ-ЧИТАЛЬНИ ИМЕНИ А.П. ЧЕХОВА: НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

День основания библиотеки-читальни им. А.П. Чехова – 1 января 1911 года, когда состоялось ее открытие в здании Чикинской больницы [2, с. 110], где разместился первый книжный фонд. В этом же году был утвержден Устав библиотеки [1, с. 3–5].

Собрание городских уполномоченных еще в 1910 году признало желательным учреждение земской библиотеки-читальни имени А.П. Чехова в г. Воскресенске, постановило отпускать 120 рублей из городских средств ежегодно для найма помещения под библиотеку уже с 1 января 1911 года (из Отчета Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 год) [6].

Память Антона Павловича Чехова, бывшего одним из первых членов Воскресенского Благотворительного общества, решили увековечить в год 50-летия со дня его рождения. Инициатором создания в Воскресенске библиотеки-читальни им. А.П. Чехова выступил врач, председатель Благотворительного общества при земской лечебнице Павел Арсентьевич Архангельский [6, с. 16–17].

В Центральном государственном архиве города Москвы хранится дело № 405 «О присвоении имени А.П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне Звенигородского уезда». В деле имеется документ, в котором указано, что «Чрезвычайное Звенигородское уездное земское собрание на заседании 22 марта 1911 года возбудило ходатайство о присвоении открытой земством в заштатном городе Воскресенске публичной библиотеке-читальне имени покойного писателя А.П. Чехова» [3].

В деле есть уведомление от 13 января 1912 года Министерства внутренних дел московскому губернатору, в котором указано: «Уведомляю Ваше превосходительство для зависящих распоряжений, что министр Внутренних дел признал возможным присвоить открытой Звенигородским

уездным земством в г. Воскресенске публичной библиотеке-читальне имя покойного писателя А.П. Чехова», а также уведомление московского губернатора Звенигородской уездной земской управе от 19 января 1912 года с такой же формулировкой [3].

Таким образом, в 2017 году мы отметили 105-летие со дня присвоения имени А.П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне.

Об этом свидетельствует еще один документ: телеграмма от 11 июня 1912 года, направленная Марии Павловне Чеховой из Воскресенска с текстом «Члены библиотеки имени Антона Павловича Чехова собравшиеся на ея открытие шлют вам привет и благодарность за любезное внимание к учреждению возникшему в местности близко связанной воспоминаниями о дорогом писателе. Правление» [19] .

В пользу Воскресенской земской библиотеки-читальни имени А.П. Чехова были организованы и проведены вечера и спектакли, о чем говорят документы, найденные в фонде отдела рукописей Российской государственной библиотеки, а именно:

– Почетный билет на спектакль в пользу Воскресенской земской библиотеки-читальни имени А.П. Чехова от 26 декабря 1913 года [14];

– Программа вечера в пользу земской библиотеки-читальни им. А.П. Чехова в Воскресенском начальном училище от 26 декабря 1913 года [16];

– Программа вечера в пользу земской библиотеки-читальни им. А.П. Чехова в Воскресенском высшем городском училище от 28 декабря 1914 года [15].

Прошедшие 13 января 2017 года Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли» приурочены к 105-летию со дня присвоения имени А.П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне.

В январе 2018 года открылась мемориальная экспозиция «А.П. Чехов и Воскресенск», включившая материалы Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей) и библиотеки.

Основу постоянной экспозиции составили копии музейных предметов, экспонировавшиеся в Доме-музее А.П. Чехова на выставке «Три счастливых лета: Чеховы в Бабкине» [4].

На экспозиции можно увидеть, как выглядела Большая аллея в Бабкине, комнаты А.П. Чехова и М.П. Чеховой, кабинеты А.С. Киселева и М.В. Киселевой; несколько вариантов Дома Киселевых, страницы из альбома Александры Алексеевны Киселевой с рисунками и стихотворениями 1886–1887 годов, портрет В.П. Бегичева с дочерью, портрет Антона Павловича

Чехова, портрет Павла Григорьевича Цурикова, портрет Ивана Павловича Чехова, портрет Михаила Павловича Чехова, портрет Исаака Ильича Левитана, фотографию Ново-Иерусалимского Вознесенского монастыря 1900 года и многое другое.

Копии документов из фонда Чехова отдела рукописей Российской государственной библиотеки, отобранные сотрудником Центральной библиотеки имени А.П. Чехова, дополнят экспозицию, посвященную пребыванию А.П. Чехова в Воскресенске и истории библиотеки-читальни им. А.П. Чехова.

Посетители библиотеки увидят много уникальных экспонатов. Среди них два акварельных рисунка Михаила Павловича Чехова с изображением деревни Бабкино [17], [18]; памятные открытки 1913 года на сюжеты рассказов А.П. Чехова «Хирургия» и «Скорая помощь» [5]; письмо А.П. Чехову из редакции издания «Природа и охота», давшего согласие напечатать рассказ «Он понял» [15]. Представлена также переписка великого писателя с близкими ему творческими людьми: письма ему Б.И. Маевского [11], Н.А. Лейкина [13], И.И. Левитана [12], письмо А.П. Чехова А.С. Киселеву [8]. Есть также послание общественников Истры М.П. Чеховой об инициативе создать в Истре Музей А.П. Чехова; газета «Истринская стройка» за 1938 год [9] с материалами, посвященными писателю.

На протяжении своей истории наше учреждение часто меняло адреса: библиотека располагалась на втором этаже Народного дома, на втором этаже бывшего постоялого двора трактира купца Бородина, в бывшем торговом заведении купца Звягина, средней школе им. А.П. Чехова, Истринском доме культуры. Помещение по адресу: ул. 9 Гвардейской дивизии, д. 49 библиотека получила в 1980 году [2, с. 115] .

В 2016 году создан отдел краеведения и мемориальной работы. Определены основные мемориальные задачи Центральной библиотеки имени А.П. Чехова:

– увековечение памяти А.П. Чехова и популяризация его творчества;

– координация и обобщение исследовательских изысканий, связанных с жизнью и творчеством А.П. Чехова;

– установление и поддержание творческих контактов с организациями и частными лицами, популяризирующими творчество писателя.

Сегодня Истринская центральная библиотека, носящая имя Антона Павловича Чехова с 1912 года, развивается как культурно-просветительский центр, как Чеховский центр, являясь значимым учреждением культуры для жителей города и округа.

Истра – город с богатой историей, связанной с именами выдающихся писателей, поэтов, художников, музыкантов.

Работая в архивах, мы находим новые документы и свидетельства, отражающие историю города и библиотеки. И такая работа будет продолжена.

Список источников и литературы:

1. Доклад Московской уездной земской управы Московскому уездному земскому собранию [Текст] //Московская уездная земская управа. – Москва, 1911. – 6 с.
2. Капля в море российской истории: город Истра и окрестности: По материалам «круглого стола», состоявшегося 22 февраля 2014 г. в Выставочном корпусе Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» (Московская обл., г. Истра) [Текст] /авт.-сост., науч. ред. Е.А. Воронцова. – М.: Летний сад, 2014. – 156 с.
3. О присвоении имени А.П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне Звенигородского уезда [Текст] //ЦГАМ. Ф. 65. Оп. 31. Д. 405, 1911–1912 гг. – Л. 1–4.
4. Открытие выставки «Три счастливых лета» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://goslitmuz.ru/poster/4492/. – Заг. с экрана.
5. Открытки на сюжеты рассказов А.П. Чехова [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. П. 3. Ед. 27.
6. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда [Текст] / Благотворительное общество. – Москва, 1897–1911. – 22 с.
7. Первые Воскресенские чтения состоялись! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istrabibl.ru/wordpress/?p=23057. – Заг. с экрана.
8. Письмо А.П. Чехова А.С. Киселеву [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. К. 70. Ед. 53.
9. Письмо М.П. Чеховой от О. Покалюк. Приложение: газета «Истринская стройка». [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. К. 94. Ед. 105.
10. Письмо А.П. Чехову из редакции издания «Природа и охота» [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. К. 44. Ед. 28.
11. Письмо Б.И. Маевского А.П. Чехову [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. П. 51. Ед. 4.
12. Письмо И.И. Левитана А.П. Чехову [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. П. 49. Ед. 25а.
13. Письмо Н.А. Лейкина А.П. Чехову [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. К. 50. Ед. 16.
14. Почетный билет на спектакль в пользу Воскресенской земской библиотеки-читальни имени А.П. Чехова [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. П. 69. Ед. 2.
15. Программа вечера в пользу земской библиотеки-читальни им. А.П. Чехова. [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. П. 69. Ед. 16.
16. Программа вечера в пользу земской библиотеки-читальни им. А.П. Чехова [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. П. 69. Ед. 17.
17. Рисунок М.П. Чехова [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. К. 106. Ед. 41.
18. Рисунок М.П. Чехова [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. К. 106. Ед. 42.
19. Телеграмма Чеховой Марии Павловне [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 331. П. 3. Ед. 14/5.

М.С. Акимова

ЧЕХОВЫ И СТАНЦИЯ КРЮКОВО

Связи между Истрой и Зеленоградом – географические, исторические очень тесны. Одна из нитей, которая их связывает – семейство Чеховых.

А.П. Чехов провел в Истре (бывшем Воскресенске) и окрестностях (имении Киселевых «Бабкино») несколько плодотворных лет (1884–87) [Подробнее о пребывании Чехова на Воскресенской земле см.: 7, 11, 16]. Первые творческие успехи Антона Павловича падают именно на эти годы. М.П. Чехов писал: «Как уже писалось не раз, Воскресенск и Бабкино сыграли выдающуюся роль в развитии дарования Антона Чехова. Не говоря уже о действительно очаровательной природе, где к услугам дачников были и большой английский парк, и река, и леса, и луга, а из Воскресенска, из Нового Иерусалима доносился бархатный звон колокола, – и самые люди собрались в Бабкине точно на подбор» [1, с. 80]. В предисловии к собранию писем А.П. Чехова М.П. Чехов писал: «Во всех почти рассказах того времени можно увидеть ту или иную картину Бабкина, то или иное лицо из бабкинских обывателей или из обывателей, тяготевших к Бабкину деревень» [Цит. по: 7, с. 115].

В Воскресенске и Бабкине Чеховым очень нравилось («Усадьба очень красивая, стоит на крутом берегу... Внизу река, богатая рыбой, за рекой громадный лес, по сю сторону реки тоже лес... Около дачи оранжереи, клумбы et caetera...», Н.А. Лейкину 28 апреля 1885 г. Москва) [15, т. 1, с. 148]. Однако относительная удаленность от Москвы создавала определенные неудобства. В этом же письме он пишет: «Поездки в Москву – чистая смерть!» [15, т. 1, с. 149].

Прямой дороги до Воскресенска, в отсутствие Московско-Виндаво-Рыбинской (ныне – Рижской) железной дороги, движение по которой откроется лишь в 1901 г., еще не существовало. Поэтому все путешественники в Воскресенск и паломники в Новоиерусалимский монастырь добирались через станцию Крюково Николаевской железной дороги, построенной

в 1851 г.: доезжали до станции на поезде («дачном»), а затем нанимали лошадей. До революции пригородные поезда назывались местными или дачными (официально дачные поезда стали называться пригородными в расписаниях только в 1935 г.). Первые дачные поезда появились в начале 1890-х гг. Летом их было всего 4–5 пар на каждой дороге, а зимой – еще меньше. Эти несколько поездов обслуживали состоятельных граждан, ездивших летом на дачи в Подмосковье. Привычного для нас регулярного потока работающих в Москве и живущих в пригородах, еще не было [подробнее см.: 5, с. 257–258].

В фондах ГЛМ находится любопытный рисунок «Станция Крюково Николаевской железной дороги», выполненный в 1890 г. младшим братом А.П. Чехова, Михаилом. Рисунок интересен как еще один документ и о станции Крюково (исторические станционные постройки не сохранились, они были уничтожены в ноябре-декабре 1941 г.), и о Чеховых: станция, какой она была в конце XIX в., увидена сквозь призму шутливого нрава автора.

Трудности дороги от Крюкова до Бабкина А.П. Чехов подробно описывает в письме к М.П. Чехову от 10 мая 1885 г. (из Бабкина): «Мишатерентиша! Наконец тяжелые боты сняты, руки не воняют рыбой, и я могу написать письмо. Сейчас 6 часов утра. Наши спят... Тишина необычайная... Попискивают только птицы, да скребет что-то за обоями. <...> Доехали мы по меньшей мере мерзко. На станции наняли двух каких-то клякс Андрея и Панохтея (?) по 3 целкача на рыло. (Почтовые брали по 6 р. за тройку.) Кляксы всё время везли нас возмутительнейшим шагом. Пока доехали до бебулой церкви, так слюной истекли». [«Бебулая церковь» – церковь Вознесения в селе Еремеево, покрашенная в серый цвет бебулой бумаги. (Это пояснение сделал в своих воспоминаниях племянник Антона Павловича – С.М. Чехов)]. «В большом и бойком на ту пору селе Еремеево, расположенном на тракте Крюково – Воскресенск, обыкновенно останавливались подкрепиться. (После постройки Московско-Виндавской (Рижской) дороги Еремеево потеряло былое значение). В Еремееве кормили. От Ерем<еева> до города ехали часа 4 – до того была мерзка дорога. Я больше половины пути протелепкался пешедралом. Через реку переправились под Никулиным, около Чикина. Я, поехавший вперед (дело было уже ночью), чуть не утонул и выкупался, Мать и Марью пришлось переправлять на лодке. Можешь же представить, сколько было визга, железнодорожного шипенья и других выражений бабьего ужаса! В Киселевском лесу у ямщи-

ков порвался какой-то тяж... Ожидание... И так далее, одним словом, когда мы доплелись до Бабкина, то было уже час ночи...» [15, т. 1, с. 150–151].

В 1884 г., в свой первый приезд в Воскресенск (в качестве врача) Чехов в письме к Н.А. Лейкину (25 июня 1884, Воскресенск) описывает злоключения с почтой и с отправкой рассказа, который совершил не менее тяжелое путешествие, чем описанное выше: «Первый дачный блин вышел, кажется, комом. Во-первых, рассказ плохо удался. “Экзамен на чин” <...> Во-вторых, рассказу этому пришлось пройти все тартары, начиная с моего стола и кончая карманом богомолки. Дело в том, что, принеся свой рассказ в здешний почтамт, я был огорошен известием, что почта не идет в воскресенье и что мое письмо может попасть в Питер только в среду. Это меня зарезало. Оставалось что-нибудь из двух: или почить на лаврах, или же мчаться на железнодор<ожную> станцию (21 верста) к почтовому поезду. Я не сделал ни того, ни другого, а решил поручить мою корреспонденцию кому-нибудь идущему на станцию. Ямщиков я не нашел. Пришлось поклониться толстой богомолке... Если богомолка поспеет на станцию к почтовому поезду и сумеет опустить письмо в надлежащее место, то я торжествую, если же бог не сподобит ее послужить литературе, то рассказ получите Вы с этим письмом. <...> Если будете Вы в Москве, то почему бы Вам не завернуть в Новый Иерусалим? Это так близко... Со станции Крюково на двухрублевом ямщике 21 верста – 2 часа езды...» [15, т. 1, с. 113–114]. Судя по всему, Лейкин не приехал ни в том году, ни в следующем, поскольку в письме от 30 июля 1886 г. он снова напоминает свой адрес: «На всякий случай вот путь ко мне: Николаевская дорога, станция Крюково; отсюда на ямщике в Воскресенск (Нов<ый> Иерусалим) или же прямо ко мне в Бабкино. В Воскресенске мой адрес можно узнать в лавках, на почте, у попа, у станового, у мирового...» (Лейкину Н.А., 30 июля 1886, Бабкино) [15, т. 1, с. 250].

Тем не менее, Чехов многих зовет на дачу, в том числе и упоминая станцию. Так, писателю и журналисту А.С. Лазареву-Грузинскому он обещает: «Если приедете сию минуту, то попадете как раз в центру времени и пространства. <...> Перед выездом за 7–8 часов вышлите мне телеграмму по масштабу: “Воскресенск Чехову. Еду вторник дачным. Лазарев”. Можно и без слова “еду”. Если разоритесь на телеграмму, то вышлю Вам на станцию своего лейб-кучера Алексея с тележкой, который берет за доставку юмористов очень дешево. Ехать от станции 21 версту. Алексея узнаете по 1) глупости, 2) растерянному взгляду и по 3) № “Нового времени”, к<ото>рый я велю держать ему в руках» [15, т. 2, с. 96–97].

«Принято думать, что, уехав в августе 1887 года из Бабкина, Чехов более здесь не появлялся. Обычно во всех биографиях как бы проводится резкая черта, отделяющая “бабкинское” и “послебабкинское”. Между тем, в течение ещё пяти лет в переписке писателя мы встречаем указания на его бабкинские поездки» [7, с. 122].

Конечно, Чеховы проезжали мимо станции множество раз, по дороге из Москвы в Петербург и обратно. В последний раз Чехов проезжал мимо станции, когда ехал умирать в Баденвайлер в июне 1904 г. И через месяц, когда его прах в вагоне для устриц возвращался на родину.

Прослеживается и еще одна связь Чеховых с Крюковом – только уже младшего поколения и не только со станцией. Речь идет о санатории Е.Н. Рукавишниковой и доктора медицины Н.А. Вырубова при станции «Крюково». Санаторий располагался рядом с д. Баранцево (сохранились пруды, ряд построек, но попасть на территорию сейчас невозможно) и всячески рекламировался в прессе: «От станции до санатория проложено собственное шоссе протяжением 3 версты. Место для санатория выбрано как одно из самых высоких, с обилием хвойных лесов. Дом санатория деревянный, выстроен из соснового леса, состоит из трех этажей и сорока комнат. В 1886 г. на территории имения построена домовая церковь. Все здания канализированы. Водопровод с проведенной водой, собственная электростанция с нефтяным двигателем. Санаторий сообщается с Москвой телефоном» [13, с. 2]. Профиль санатория определялся как неврологический. «В начале 10-х годов журнал “Современная психиатрия” регулярно рекламирует психотерапевтический санаторий некоего Хрущева в Крюково под Москвой, предоставлявший больным превосходные бытовые условия. Среди методов психотерапии психоанализ Фрейда стоял на первом месте. Заведовал медицинской частью санатория Ю. Каннабих, среди нескольких врачей фигурировали А. Залкинд и Н. Вырубов» [18, с. 174].

Санаторий функционировал, по крайней мере, до большевистского переворота. Сюда приезжало на отдых и лечение много людей, в том числе и людей известных: В.Г. Короленко (навестить брата), А. Блок (навестить мать), С. Соловьев, Е.Б. Вахтангов и др. Любопытные, хотя и обрывочные сведения содержатся в дневнике и письмах Е. Вахтангова, который был здесь на лечении весной и летом 1917 г. Запись в дневнике от 29 марта 1917 г.: «Приехал в санаторий “Крюково”. Час езды по Николаевской ж. д. Здесь покойно, хорошо и порядок. Завтра пасхальная всенощная. Публики много. Все милые, как бывает в вагонах. Интересных пока нет». (10 апреля 1917 г.). Здесь А. Блок познакомился с ним и его матушкой. (20 мая 1917 г.).

Второй приезд в санаторий» [4, с. 96]. 3 августа 1917 г. Е.Б. Вахтангов пишет А.И. Чебану: «Санаторий закрывается 12-го. [...] Вчера уехала Карлуша. Мишка осиротел, но грустным не выглядит. По обыкновению немножко истеричен и возбужден. Я думаю пробыть до конца, хотя не очень в этом убежден...» [4, с. 86]. Мишка, упоминаемый в письме, – это Михаил Александрович Чехов (1891–1955), русский и американский драматический актёр, театральный педагог, режиссёр, племянник А.П. Чехова, женатый на О. Книппер, племяннице О.Л. Книппер-Чеховой. Действительно, лето 1917 г. Михаил провел в санатории «Крюково». 11 июля 1917 г. Н.С. Бутова пишет О.Л. Книппер-Чеховой: «Михаил Александрович очень доволен санаторием, но им не очень довольны врачи: мало их слушается, мало использует санаторий для своего здоровья» [11]. 12 августа он вернулся в Москву.

Интересный факт: в это время в санатории уже функционировала (с 24 декабря 1909 г.) Чеховская комната, «с бесплатным содержанием и комфортом в память незабвенного Антона Павловича Чехова для нуждающихся литераторов и врачей. К открытию собрались в эту санаторию все представители литературы и Москвы и близкие родственники А.П. Чехова» [10, с. 330]. Об этом же сообщала газета «Биржевые ведомости» от 11 января (29 декабря) 1910 г.: «24 декабря, близ станции Крюково, Николаевской железной дороги, в санатории врачей Хрущова и Вырубова открыта в память А.П. Чехова комната, предоставляемая владельцами санатории для бедных писателей и врачей, нуждающихся в отдыхе. Для писателей эта комната будет служить 8 месяцев, а для врачей – 4 месяца в году. На Чеховское торжество, в санаторию прибыли писатели, артисты, врачи и почитатели памяти покойного литератора. Говорили речи: председатель общества деятелей периодической печати И.И. Попов, А.И. Южин, С.С. Голоушев; прочли чеховские произведения – О.Л. Книппер и О.А. Правдин; была исполнена кантата Ильинского, написанная на смерть Чехова. Над украшением “Чеховской комнаты”, трудились несколько художников и фотографов» [6]. Может быть, Чехов был здесь и потому, что, как пишет А.М. Эткинд, «по уставу, для врачей, писателей, а также родственников А.П. Чехова в Крюкове были льготные условия; видимо, покойный Чехов имел какое-то отношение к организации санатория в Крюково» [18, с. 174, 479]. Тот же Э.М. Эткинд предполагает, что М. Чехов бывал здесь и позже: «Когда в книге актрисы Ольги Чеховой, племянницы Ольги Леонардовны, упоминается дача в Подмосковье и теннисный корт, где ее муж Михаил Чехов флиртовал с новой возлюбленной, поневоле возникает предполо-

жение, что это мог быть теннисный корт санатория Вырубовой. То есть семья Ольги и Михаила Чехова в 1921 году могла с подачи Книппер-Чеховой снимать домик в Крюково. Тем более Михаил Чехов был человек "нервический", а санаторий и предназначался для нервных больных» [18]. Любопытно, что весь санаторий довольно скоро стал неофициально именоваться чеховским. В очерке М.А. Бекетовой о Блоке читаем: «Блок недаром чувствовал себя так тревожно и мрачно перед Новым годом. Ухудшение нервной болезни его матери, которое началось еще с лета, дошло до апогея. Перед самым Новым годом я советовалась с доктором психиатром, которого пригласила потом к сестре. Он настаивал на санатории. Собрав нужные сведения, решили везти ее в *чеховскую санаторию* около станции Крюково, Николаевской ж. д.» (курсив мой. – *М.А.*) [3, с. 221–222].

Говорить о том, что станция Крюково оставила заметный след в жизни семейства Чеховых, было бы преувеличением. Однако она была непременным транзитным пунктом их путешествий, фигурирует в ряде документов семьи, что может являться предметом для гордости зеленоградцев и еще одним объединяющим звеном между городами-соседями – Истрой и Зеленоградом. А в свете обширности и важности темы железной дороги в творчестве А.П. Чехова данный обзор приобретает значительную глубину. Одна из граней этой темы – фиксация Чеховым обыденности железной дороги после споров о ее действии на физический и духовно-нравственный облик человека [см. подробнее: 2]: «XIX век завершается, конечно, чеховскими железными дорогами и чеховскими вагонами, путешествиями, в которых люди, садясь в поезд, остаются сами собой <...> Дорога превращается просто в обыденность, в часть изменившегося мира, изменившегося вокруг человека, изменившегося незаметно для человека, но не изменившего совершенно самого человека» [9].

Список источников и литературы:

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников [Текст]. – М.: Захаров, 2005. – 720 с.

2. Акимова, М.С. Образ цивилизации в русской поэзии второй трети XIX века [Текст] /М. С. Акимова. – М., 2012 . – 313 с.

3. Бекетова, М.А. Александр Блок. Биографический очерк [Электронный ресурс] /М.А. Бекетова. – СПб.: Алконост, 1922. – 306 с. – Режим доступа: https://biography.wikireading.ru/260613. – Загл. с экрана.

4. Вахтангов, Е.Б. Записки. Письма. Статьи. [Текст] /Е.Б. Вахтангов; сост. и коммент. Н.М. Вахтанговой, Л.Д. Вендровской, Б.Е. Захава. – М., Л.: Искусство, 1939. – 407 с.

5. Вульфов, А.Б. Повседневная жизнь российских железных дорог [Текст] / А.Б. Вульфов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 496 с.

6. Газетные старости (подборки старых газет) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://starosti.ru/archive.php?y=1910&m=01&d=11. – Загл. с экрана.

7. Зименков, Б. Подмосковные литературные места [Текст] /Б. Зименков. – М.: Гослитмузей, 1946. – 128 с.

8. Летопись жизни и творчества М.А. Чехова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teatr-lib.ru/Library/Chehov_m/Nasled_2/#End_55 . – Загл. с экрана.

9. Макеев, М. Как железные дороги изменили русскую жизнь [Электронный ресурс] /М. Макеев. – Режим доступа: http://arzamas.academy/materials/1433. – Загл. с экрана.

10. Нива. – 1910. – № 17.

11. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Переписка с А.П. Чеховым. Воспоминания и статьи (Часть вторая) /В. Шац, С. Данилова, Э. Ринчино [и др.]. – М.: Искусство, – 1972 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000032/st132.shtml. – Загл. с экрана.

12. Письма А.П. Чехова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-libra.ru/read/253933-tom-19. – pisma-1875–1886.html. – Загл. с экрана.

13. Путеводитель по санаторию Крюково, 1908 г. [Текст]. – Б/м, 1909.

14. Санаторий Е.Н. Рукавишниковой и доктора медицины Н.А. Вырубова при станции «Крюково» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/5674892/post331588999/. – Загл. с экрана.

15. Чехов, А.П. Письма в 12 тт. [Текст] /А.П. Чехов. – Т. 1.: 1875–1886. – Т. 2.: 1887 – сентябрь 1888 г. //Полное собрание сочинений в 30 тт. – М.: Наука, 1974. – 2-е изд.; стереотип. М.: Наука, 2009.

16. Чеховы в г. Воскресенске и деревне Бабкино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zlv14.ru/chehovi_v_Bab/chehovi_v_d.Babkino.html. – Загл. с экрана.

17. Штейдле, Е. Перечитывая письма Чехова [Электронный ресурс] /Е. Штейдле. – Режим доступа: http://istrabibl.ru/wordpress/?page_id=553. – Загл. с экрана.

18. Эткинд, А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России [Электронный ресурс] /А.М. Эткинд. – М.: Независимая фирма «Класс», 2016. –592 с. – Режим доступа: http://www.klex.ru/6mm. – Загл. с экрана.

Н.Ю. Менчинская

Е.Б. БУРЫХ – ИСТОРИК, КРАЕВЕД, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ДИРЕКТОР МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ (МОМ) ДО 1935 Г.

Судьба Евгении Бонифатьевны Бурых (1888–1980), прожившей огромную жизнь не только по продолжительности, но и по насыщенности событиями различного масштаба, непосредственно связана с процессами, происходившими в стране. К сожалению, я не имею достаточно сведений, позволяющих последовательно осветить её жизненный путь, но известные мне факты её биографии характеризуют её как личность незаурядную, знакомство с которой может быть интересно не только краеведам, но и всем неравнодушным к истории страны и судьбам людей, живших в XX веке в России.

Альбом с фотографиями Е.Б. Бурых попал в наш дом вскоре после её кончины. Её дальняя родственница (близких к тому времени уже не осталось) передала этот альбом нашей семье на память об ушедшей. Евгения Бурых была старшей подругой моей матери, Н.А. Менчинской[1], еще по Симферополю, где они учились на историко-филологическом факультете Таврического университета. Несмотря на 17 лет разницы в возрасте, они были очень близки по духу, интересам, отношению к жизненным ценностям.

Мысль написать очерк о ней ко мне пришла, когда я нашла в семейном архиве этот давно забытый альбом и прочла подробные подписи под фотографиями. Именно из этих подписей можно почерпнуть некоторые сведения о жизни и деятельности Е.Б. Бурых. Чудом сохранились два письма Евгении Бонифатьевны к Н.А. Менчинской, есть также маленький альбомчик с шуточными стихами, посвященными Бурых сотрудниками Московского областного музея (МОМа), который она возглавляла в первой половине 30-х годов.

[1] Менчинская Наталья Александровна (1905–1984) – советский психолог, профессор, доктор наук, создатель отечественной школы обучения.

Временной отрезок, который охватывают фотографии в альбоме, ограничен 1906-м – 1925-м годами, то есть периодом молодости нашей героини. Первые фотографии датируются весной 1906 года, когда Евгения оканчивала 7-й классе гимназии города Одессы. С большой степенью вероятности можно утверждать, что и родилась она в Одессе. Кстати, в альбоме где-то ближе к концу помещены фотографии женщины и мужчины средних лет. Под портретами нет подписей, но, я думаю, что они попали туда не случайно. Скорее всего, это её родители. Она никогда ни единым словом или хотя бы намёком не упоминала о своих родителях. Я не знаю, ни кто они по национальности, ни из какого круга, неизвестна мне и её девичья фамилия, ведь Бурых – фамилия мужа. Судя по тому, как модно, даже шикарно была одета Евгения-гимназистка, какие у нее прически, шляпы и аксессуары, рискну предположить, что семья была весьма состоятельной – возможно этим объяснялось молчание Евгении Бурых о своем происхождении – в советское время это могло стоить если не жизни, то карьеры.

В 1907 году Евгения окончила гимназию, проучившись дополнительный 8-й год, после которого выпускницы получали право преподавать. Но на этом она не хотела останавливаться и поступила на курсы иностранных языков. В альбоме есть фото для свидетельства об окончании этих курсов в июне 1909 года. Есть также снимок, на котором она и её подруга – зимой 1909 года в Елисаветграде (в советское время Кировоград) перед отъездом в Крым. Итак, зимой 1909 года начался «крымский период» – важнейший в жизни Евгении.

Лето 1910 года она провела в Гурзуфе, который стал для неё одним из любимейших мест Крыма. Очевидно, вскоре после приезда в Гурзуф она встретила своего будущего мужа Виталия Николаевича Бурых. У нее было немало поклонников. Кто-то из них фотографировал её в Гурзуфском ботаническом саду среди пальм и других экзотических растений. Не думаю, что это был Виталий, поскольку в последующие годы фотографией он не увлекался. Он тоже был педагогом, скорее всего, они встретились и познакомились, давая частные уроки в одних и тех же богатых домах, которых в Крыму было немало.

Евгения была очень интересной женщиной и внутренне, и внешне, любила нравиться, за ней многие ухаживали. Она принимала эти ухаживания и знаки восхищения с удовольствием, но считала своим долгом всю жизнь сохранять верность своему «Витончику», как она всегда называла мужа.

Худой, высокий, тихий, немного заикающийся – он был полной противоположностью своей необыкновенно активной, яркой супруге.

Виталий Николаевич не один год работал гувернером и учителем в семействе известного винодела и промышленника Николая Николаевича Бекетова. В альбоме есть фотографии, на одной из которых – проводы Бекетовых, отъезжающих на шикарном авто из Симферополя, где они были в гостях у семейства Бурых, на другой – Евгения в гостиной имения Бекетовых Болгатур. Николай Бекетов, сын известного химика, организовал винодельческое хозяйство, купив землю у татар вблизи Гурзуфа. Он оказался талантливым и успешным предпринимателем, его дело процветало. К 1917 году у него и его жены Алины было уже четверо сыновей. Виталий Бурых был гувернером и учителем старших.

Однажды – это было в 1918 году, когда советская власть в Крыму еще не установилась – отец с тремя сыновьями отправился на небольшой собственной яхте из Гурзуфа в Ялту. Как нередко бывает в Крыму, неожиданно начался шторм, яхта перевернулась и утонула, чуть ли не на глазах у жены и матери вместе со всеми, кто на ней находился. Искали, но не нашли ни яхту, ни Бекетова с сыновьями.

В том же 1918 году, когда произошла трагедия в семье Бекетовых, в Симферополе открылся Таврический университет, который просуществовал 6 лет, после чего началось его преобразование и постепенная ликвидация. Именно в то трудное и нестабильное время, когда власть в Крыму неоднократно переходила из рук в руки, когда там царили разруха и террор, в стенах Таврического университета собрался такой состав преподавателей, какого в России того времени не было ни в одном учебном заведении. Именно в те годы, когда в России шла гражданская война, и все рушилось, в Крыму был создан университет, который сразу, за один год, стал чуть ли не лучшим в России.

Он превратился в крупнейшее учебное заведение, состоящее из пяти факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического, медицинского и агрономического. В нем преподавали лучшие ученые России. Одних профессоров, согласно спискам, опубликованным в журнале «Крымский архив»[2], было 47, и среди них: геологи Н.И. Андрусов и В.А. Обручев, минералог, основоположник геохимии В.И. Вернадский, физики Я.И. Френкель и И.Е. Тамм, биологи С.С. Салазкин и А.Г. Гурвич, создатель учения о лесе Г.Ф. Морозов, эллинист А.Н. Деревицкий, историк Б.Д. Греков, религиозный философ С.Н. Булгаков, искусствовед П.И. Но-

[2] Крымский архив. 2000. №6. [55].

вицкий и многие другие. Эта уникальная концентрация блестящих научных сил объяснялась тем, что, спасаясь от гражданской войны, разрухи и голода, в Крым съехался цвет российской интеллигенции. Среди них были не только ученые, но и врачи, писатели, артисты, музыканты.

Несмотря на далеко не «студенческий» возраст (ей был уже 31 год), Евгения в 1919 году поступила в Таврический университет – она всегда стремилась повышать свой образовательный и культурный уровень и не могла пропустить открывшейся перед ней возможности. Интерес к истории и культуре побудил её выбрать историко-филологический факультет – тот же, на который двумя годами позже поступила 16-летняя Наташа Менчинская.

Её любимым и наиболее близким по духу преподавателем стал Павел Иванович Новицкий[3], человек яркий, широких интересов и разносторонне одаренный, к тому же – её сверстник: для профессора он был исключительно молод. Круг его профессиональных интересов впечатляет. Он вел активную общественно-политическую деятельность и до установления советской власти, а с начала 1920-х годов его активность еще более возросла: он одновременно заведовал отделом Наробраза в Наркомпросе Крымской АССР, работал редактором газеты «Красный Крым» и преподавал в Таврическом университете. Интересный для нас факт – Новицкий был инициатором создания Дома-музея А.П. Чехова в Ялте.

В 1925 году он переехал в Москву, где работал с всё возрастающей энергией. Широта охвата и многообразие его деятельности впечатляют. Он заведовал отделом музеев и Художественным отделом Главнауки Наркомпроса. При активном содействии Новицкого была официально оформлена творческая организация архитекторов-конструктивистов (ОСА) и начал выходить журнал «Современная архитектура» (СА), в состав редколлегии которого он входил (1926–1930). В 1926 году Новицкий возглавлял комиссию Наркомпроса по оценке конкурсных проектов Мавзолея В.И. Ленина. В 1926–1930 годах занимал должность ректора ВХУТЕМАСа, затем ВХУТЕИНа. В 1932–1936 годах он работал заместителем заведующего сектором искусств, заведующим театральной секцией, заместителем начальника Главного управления театрами Наркомпроса. Однако во время партийной чистки 1934–1935 годов он был исключён из ВКП(б). К счастью для него, более суровых мер не последовало, он продолжал работать заместителем заведующего сектором искусств, заведующим

[3] Павел Иванович Новицкий (1888–1971) – советский искусствовед, театральный критик, театровед, литературовед, педагог, государственный деятель.

театральной секцией, заместителем начальника Главного управления театрами Наркомпроса. Уже после войны Новицкий возглавлял литературную часть театра им. Е. Вахтангова, преподавал в Московском институте философии, литературы и истории, ГИТИСе, Литературном институте имени А.М. Горького, Высшем театральном училище имени Б.В. Щукина. Кроме всего прочего, Новицкий профессионально занимался фотографией.

На снимке кружка эстетического воспитания Таврического университета от марта 1925 года – группа из 10-ти человек. Подпись под снимком свидетельствует, что он сделан по случаю отъезда П.И. Новицкого и окончания университета Е.Б. Бурых. Возможно, переезд Евгении Бурых в Москву в середине 1920-х годов был связан с отъездом туда её любимого учителя. Не исключено, что он способствовал её переезду и устройству, играя в тот период в организации художественной и культурной жизни столицы важную и ответственную роль.

Относительно жизни Евгении Бонифатьевны в промежутке между 1925 и 1945 годами я знаю немного из двух источников. Один из них – тот самый рукописный альбом с шуточными стихами, попавший к нам, как и альбом с фотографиями, после её кончины. Второй источник – её рассказ лично мне. По её словам, в начале 1930-х годов у нее была полностью завершена кандидатская диссертация на какую-то историческую тему. Уже был назначен день защиты, но она не состоялась – то ли ее руководителя посадили, то ли тема стала рискованной.

Возможно, Евгения Бонифатьевна, переехав в Москву по приглашению профессора П.И. Новицкого, писала диссертацию под его руководством, но исключение Новицкого из рядов ВКП(б) могло сильно напугать его и его учеников, в том числе и Евгению. Если же и тема диссертации Е.Б. Бурых была не очень созвучна тогдашним официальным установкам, она могла, несколько перестраховавшись, отказаться от защиты. В те годы заниматься историей было довольно рискованно. Во всяком случае, её карьера не пострадала – дальнейшие факты об этом свидетельствуют. Напротив – в довоенные годы она существенно продвинулась по карьерной лестнице.

Благодаря альбому с шуточными стихами, я узнала, что в 1930-е годы Бурых не просто работала в Московском Областном музее (МОМе), но была его директором. Стихотворение, которое я здесь процитирую, посвящено 20-летию её совместной жизни с Виталием Николаевичем. Судя по всему, обстановка в музее была почти семейной, и Виталия Николаевича

знали все сотрудники музея. Если считать, что они поженились в 1912 году, стихотворение написано в 1932 году. Вот оно в небольшом сокращении:

О, Бонифациева дочь!
Мы знаем все, что день и ночь,
Как некий воин под ружьем
Вы охраняете наш М.О.М.!
Один Ваш взгляд, ужасный взгляд
Дисциплинирует весь штат.
Мы забываем сон и лень,
Едва мелькает Ваша тень.
И благодарный наш музей
Решил почтить Ваш юбилей.
И в этот день, и в этот час
Мы все спешим поздравить Вас!
Пускай литавры зазвучат,
И песни громко загремят,
И задрожат от торжества
Рязань и Дмитров и Москва,
и О.Б.К., и Ц.Б.К.[4],
Запляшут, взявшись за бока,
И призовете Вы на пир
Весь краеведческий наш мир.

Всего лишь 20 лет назад
Ходили вы в зеленый сад
И рвали вешние цветы,
Тая заветные мечты.
Вы были Женичкой-красой
Изящной, свежей, молодой...
Ах, если б Вы могли всегда
Быть вечно юной, как тогда!

На зов мечты явился «он»
И, Вашим обликом пленён,
Он сердце пылкое извлек
И положил у Ваших ног.

[4] ОБК – Областное бюро краеведения, ЦБК – Центральное бюро краеведения.

И стали Вы его женой,
И зашипел ревнивцев рой,
Но свадьба весело прошла,
И жизнь быстрее потекла.

Сменили Вы профессий ряд
И вот дошли до наших врат,
И поступили в славный М.О.М.,
И стали в нем директором.
Еще промчится 30 лет
и М.О.М. Вам вновь пошлет привет,
И запируем мы горой
На Вашей свадьбе золотой!

А в ожидании тех лет
(Их воспоет другой поэт)
Мы посвящаем Вам сей стих.
Ура! Евгения Бурых!

Но, увы, уже через три года МОМ был ликвидирован. В 1935 году часть коллекций (этнографические и археологические) и библиотека упразднённого Московского областного музея была перевезена в Новоиерусалимский музей. Его функции были переданы музею в Истре. Понятно, что Е.Б. Бурых не могла быть его директором, живя в Москве на Малой Грузинской, но она продолжала быть сотрудником музея, судя по тому, что составленные ею путеводители по Подмосковью выпущены под эгидой Московского областного краеведческого музея. На мой запрос в этот музей мне любезно ответили: «Судя по всему в 1947 г. Бурых имела некое отношение к музею, об этом свидетельствует один из фондовых документов – ордер № 684 на пошив пальто, выданный на ее имя». Но личного дела там не нашлось – очевидно, оно было передано в ЦГАМО.

Мне доподлинно известно, что в 1950-е – 1970-е годы Е.Б. Бурых работала в Комитете советских женщин. Возможно, она состояла в этой общественной организации и раньше, с 1941 года, когда он назывался Антифашистский Комитет советских женщин. Если это так, то её включение в советскую делегацию, отправленную в Германию в 1945 году, могло быть связано с её активным участием в деятельности этого Комитета. Е.Б. Бурых работала в Союзническом Контрольном Совете – органе вер-

ховной власти в оккупированной Германии, образованном после Второй мировой войны державами-победительницами. Причем, как следует из её письма от декабря 1945 года[5], присланного Н.А. Менчинской из Берлина, она играла в нем не последнюю роль.

Приведу несколько фрагментов этого чрезвычайно объемного письма, в котором подробнейшим образом описаны реалии жизни и работы Е.Б. Бурых в освобожденном Берлине. Ясно, что письмо, содержащее такие подробности, не могло быть послано по почте, скорее всего, оно было передано с оказией.

«Работаю я помощником начальника отдела, т. е. Ив. Ив. – в экономическом управлении. Но я ужасно разочаровалась в нем – он оказался таким бесталанным организатором работы, таким беспомощным и трусливым, что я просто не могу выносить его бестолковости. Правда, коллектив, который он привез сюда, – это нечто совершенно убогое, не с кем слова сказать. Но главное это то, что они совсем не думают работать здесь, а гоняются за всякими благами, получают жалование и считают, что этого совершенно достаточно. А наш Ив. Ив. не только не может с ними справиться и призвать их к порядку, он просто боится их. А когда начальник боится подчиненных, то дисциплины в отделе не может быть никакой, отсюда и никакой работы. Я очень недовольна И.И. и ссорюсь с ним ужасно и уже подала заявление, чтобы меня освободили, потому что боюсь с ним работать. Его беспечность может всем нам дорого обойтись. <...>

Зато у меня есть другая работа, которая мне приятна. Это работа в центральном органе нашей Германской власти – в Контрольном Совете. Дело в том, что в Контрольном Совете заседают Жуков, Монтгомери, Эйзенхауэр (теперь уже не он) и представитель от Франции, а в комитетах, которые разрабатывают различные вопросы для Контрольного Совета, заседают также представители от 4-х держав, но рангом пониже Жукова и др. Все эти заседания, как ты, конечно, знаешь, происходят под председательством представителей каждой державы по очереди.

Так вот, ноябрь был таким месяцем, когда во всех комитетах председательствовали советские представители. И вот, представь себе, меня тоже выделили председательствовать в один из комитетов Контрольного Совета, на весь ноябрь. Это было очень интересно, работа под моим председательством проходила очень продуктивно и, когда 30 ноября я проводила последнее заседание, представитель американской делегации встал и сказал, что он не ошибется, если выразит благодарность от всех трех стран за

[5] Письмо хранится в личном архиве автора статьи.

мое исключительно умелое ведение заседаний, приведшее к таким блестящим результатам. Сказал, что он знает, что в Советском Союзе женщины играют крупную роль в жизни страны и что они (представители 3-х держав) считают особой честью, что единственная женщина – председатель в Контрольном Совете, является также председателем их комитета. Потом встал представитель Англии, а потом и Франции и сказали, что они полностью присоединяются к сказанному. <...>

Заседания Контрольного Совета происходят в американской зоне в огромнейшем здании бывшего Верховного суда Германии, в котором тысячи комнат. В этом же здании в особом помещении находятся комфортабельно обставленные комнаты для столовой. В эту столовую мы и приглашаем то «на завтрак», то «на чашку чая». Заседания начинаются в 11 часов, а в 1 час дня мы, председатели, делаем перерыв и приглашаем на завтрак. Там в столовой мой секретарь платит за всех и говорит кёльнеру, на сколько человек нужен стол. Нас всех устраивают за один стол и подают деликатесный завтрак из 4-х блюд. Потом идем продолжать работу, а в 3–4 часа снова идем «на чашку чая», но уже в другие комнаты, где нам подают кофе или чай с совершенно изумительными пирожками. И так на каждом заседании с той только разницей, что когда я председательствую, я и приглашаю, а теперь в декабре приглашают меня.

Но в те дни, когда кроме комитетов заседает сам Контрольный Совет, т. е. Жуков, Монтгомери и др., бывает сверх этих двух трапез еще и банкет, и происходит он не в столовой, а в особых комнатах рядом с залом заседаний Жукова. Банкет начинается после пяти часов, и тогда мы едим вместе с Жуковым и другими. Банкет происходит на манер «ля фуршет» – как у нас в России на приемах у Молотова, т. е. стоят буквой П столы, уставленные самыми изысканными блюдами огромного размера и нет ни одного стула, а в других комнатах такие же столы, уставленные винами, водками, шампанским, ликерами и вазами с различными шоколадными конфетами. Каждый подходит к столу, берет из стопки тарелочку и накладывает на нее что хочет, и тут же стоя ест и пьет, разговаривает, ухаживает и т. д. Всё это очень интересно. На последнем банкете группа профессоров меня чествовала шампанским как единственную женщину-председателя. Было головокружительно весело. Я была в новом костюме, который мне сшили здесь. Да, я рада, что на закате дней своих я еще могу иметь успех по работе. <...>

Сейчас председательствуют американцы – они приятные и жизнерадостные люди. А вот в январе будут председательствовать англичане, и это – марка слишком высокого давления, с ними очень трудно».

Характерно упоминание Е.Б. Бурых о приемах у Молотова, на которых она, очевидно, бывала не раз. После возвращения из Берлина она продолжала работать в Комитете советских женщин. Но наиболее важной и успешной областью деятельности Е.Б. Бурых стало краеведение: сбор материалов для путеводителей и их составление. В частности она составила очень дельный путеводитель «По водным путям Подмосковья», вышедший тремя изданиями. В процессе подготовки этого путеводителя она совершала увлекательные (и бесплатные, поскольку считались командировками) путешествия на теплоходах по рекам, не ограничиваясь Подмосковьем, причем некоторые небольшие реки, теперь обмелевшие, тогда были еще судоходными.

Не менее значительной была её работа над составлением путеводителя «Памятные места Московской области». Она подарила моей маме 3-е издание, вышедшее в 1960 году. На нем её автограф: «Дорогой Наталюше Менчинской на память о хорошей долголетней дружбе. От составителя всей книги и автора части её. 10.12.60 г.» Путеводитель – очень толковый, на то время – лучший. Путешествуя по Подмосковью, им пользовались и мы, будущие архитекторы.

Супруги Бурых жили в полуподвале в комнатке, весьма уютной, выходящей в длинный коридор, кончавшийся местами общего пользования – кухней, туалетом и ванной комнатой. Этот полуподвал, в котором теперь размещается гардероб и технические помещения музея им. Тимирязева, был, насколько я помню, заселен сотрудниками музея, в котором они работали. Правда, Е.Б. Бурых не имела отношения к биологическому музею, который разместился в этом здании вскоре после того, как МОМ перевели в Новый Иерусалим, но выселить бывших сотрудников музей еще долго не мог.

Обстановка в жилище Евгении Бонифатьевны была очень скромной, она не терпела безделушек, украшений, лишних вещей, которых за долгую жизнь скапливается обычно неимоверное количество. Хотя она была историком и краеведом, я никогда не видела у нее завала бумаг и архивных материалов, как, например, у моего отца – историка. То ли она работала не дома, то ли держала всё в образцовом порядке. Не было у нее и большого количества книг, которые могут легко заполонить любую самую вместительную квартиру – она была противницей вещей, загромождающих быт. Справочники, словари и несколько самых любимых произведений – все, что можно было увидеть у нее на книжной полке. Тем не менее, она много читала, постоянно посещая районную библиотеку, где ее все знали, ува-

жали и оставляли для нее все самое стоящее. Евгения Бонифатьевна всем интересовалась, всегда была в курсе культурных и политических событий. Она могла говорить с человеком любого культурного уровня, развития и возраста на том языке, который был ему понятен, не демонстрируя при этом своего превосходства в чем-либо, – благодаря этому у всех окружающих, близких и дальних, она вызывала симпатию и уважение.

Даже в глубокой старости (Евгения Бонифатьевна прожила 93 года) у нее всегда была красивая голова с густыми седыми кудрями, ухоженные руки с маникюром, белоснежная блузка с маленьким черным бантиком. Она даже козыряла своим возрастом, ее радовало восхищение незнакомых людей на улице, в транспорте, никогда не дававших ей ее лет. Ей было свойственно великолепное чувство юмора и удивительная жизнестойкость.

В альбомчик со стихами, посвященными юбилею Е.Б. Бурых, были вложены листочки и с другими стихотворными поздравлениями, в частности, – с её 90-летием – от крымских родственников, носящих фамилию Шевченко. Стихи, конечно, далеки от совершенства, но упоминаемые в них факты, касающиеся биографии Евгении Бонифатьевны, довольно любопытны и мне совершенно неизвестны. Вот фрагмент этого поздравления:

У Шевченок забота одна:
Разгадать лишь секрет –
Как сумела она
Прожить девяносто лет?

Минуточку терпения,
Вот мои соображения:

Надо с Крупской поработать,
С Маяковским объясниться,
Эйзенхауэра с Монтгомери
Заставить удивиться.

К сожалению, о работе Е.Б. Бурых с Крупской и её встречах с Маяковским я ничего не знаю. Эти страницы её биографии, также как и многие другие, еще предстоит открыть.

Н.В. Боголюбова

ФАВОР. ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТРА – ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ ИСТРЫ АЛЬМАНАХ, ЕГО ОТКРЫТИЯ И ЗАДАЧИ (ИЗДАЁТСЯ С 2015 Г.)

В 2015 году к 70-летию Великой Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне был издан первый номер альманаха «Фавор. Литературно-историческая Истра», главным редактором и составителем которого являюсь я. Тематически и содержательно весь тот номер был посвящен этой дате. На первых страницах альманаха были напечатаны имена ветеранов – участников ВОВ с указанием мест их боёв, в составе каких фронтов и армий они прошли свой боевой путь. Все эти уважаемые ветераны – жители Истринского района. И на самой обложке мы поместили коллективный снимок ветеранов с боевыми наградами на груди – орденами и медалями. Потом мы посвятили несколько страниц Константину Константиновичу Рокоссовскому, командовавшему 16-й армией, воевавшей на Истринском направлении – из воспоминаний о нём маршала авиации А.Е. Голованова. Также вошли в эту тему страницы под названием – Командарм Рокоссовский в битве под Москвой. Здесь речь шла о том, как оба маршала – Командующий Западным фронтом Георгий Константинович Жуков и маршал Рокоссовский непосредственно руководили решающей битвой на рубеже Ленино-Снегири, где немцы и были остановлены. Ленино-Снегирёвский военно-исторический музей предоставил мне карту боёв на этом рубеже, мы её также напечатали, а также 6 чёрно-белых снимков, посвященных обоим маршалам на войне и 2 цветных полноформатных фотографии Рокоссовского и Жукова. Страницы из Воспоминаний Афанасия Павлантьевича Белобородова, командира 9-й Гвардейской стрелковой дивизии, о боевых действиях в 1941 году на Истринском направлении также вошли в эту рубрику. Включили сюда и черно-белые снимки – мирные жители на пепелище войны. С благодарностью мы опубликовали и воспоминания жителей Истринского района,

которые детьми пережили ужасы войны, находясь в этом районе в ноябре-декабре 1941 года. Это бесценный материал, поскольку он рисует реальную картину того, что же здесь происходило на самом деле – всего статьи 7 авторов. Также свои воспоминания написали и сами уважаемые ветераны – Касаткин В.И. и Кузнецов М.М., их 95-летие в Истре недавно торжественно отмечали.

Следующая рубрика альманаха – исторический материал, посвящённый Юрию Долгорукому и Дмитрию Донскому – основателям и защитникам Истринской земли. Автором этой статьи являюсь я сама. В нашем районе практически все деревни и сёла так или иначе связаны с именами этих великих русских князей, как и земли, им принадлежавшие. Как воевали за них наши великие предки, как проходило объединение княжеств вокруг Москвы, её укрепление и усиление – стало основой для окончательного освобождения от татаро-монгольского ига. Это и явилось темой статьи. Сохранились до сих пор некоторые деревни в районе с прежним названием, например, Подпорино (ранее это Подпарино), Алексино (Иваново-Алексино) – названное в честь митрополита Алексия, воспитателя юного Дмитрия Донского, оставшегося без отца в 9 лет. Отец его Иван II, прозванный Иваном Кротким и Красным, человек набожный, был не склонен к жёсткому правлению. Он давал большее право решать важные дела боярам и митрополиту Алексию. Алексий сыграл огромную роль в формировании взглядов юного Дмитрия Донского, заменив ему отца. Митрополит был личностью совершенно необычайной. Он обладал даром врачевания. Сам не раз ездил в орду, где ему удалось однажды исцелить жену хана Тайдулу. И вот уже 10-летним мальчиком великий князь Дмитрий Иванович отправляется с разрешения митрополита Алексия в Орду – в сопровождении бояр. Митрополит понимал – будущему царю необходимо увидеть земли, которыми ему предстоит управлять, а также поездка была необходима в связи с переменами на ханском престоле. Митрополит благословляет юного княжича на этот смертельно опасный поход. Потом Дмитрий, впитав многое из взглядов митрополита, станет проводить политику укрепления Москвы – в сочетании силы и милосердия. Известный факт – ратников для Куликовской битвы Дмитрий Донской набирал и в нашем районе, где до сих пор распространена фамилия Ратников. Эту статью дополняют две цветных иллюстрации художника Юрия Пантюхина – Сергий Радонежский и Дмитрий Донской, и Павла Корина – Александр Невский. Речь в статье идёт и о других великих князьях русских, сыгравших большую роль в становлении земель нынешнего Истринского района.

Следующая рубрика альманаха – Поэты Истры – Великой Победе посвящая... Сюда мы включили самые проникновенные, острые и печальные строки о войне. Конечно, я не могла пройти мимо стихов самих участников войны, которые не раз печатались в истринских и московских изданиях, поэтов, уже ушедших из жизни. Как профессиональный литератор, защищавший диссертацию по поэзии в Литературном институте им. А.М. Горького, я была искренне рада включить в альманах столь яркие, пропитанные щемящей болью строки о войне, приведу в сокращении:

Лев Евтюхин (1924–2013)

Чем дальше, тем острее память...

...Народ стоял в строю едином,
Голодный наш, скорбящий люд,
Где мать благословляла сына
На ратный подвиг, как на труд.
Где бабы в ветхих телогрейках,
Девчонки в тяжком кирзаче
Несли судьбу, как трёхлинейки
Солдаты носят на плече...

Одноклассникам

Моё ли поколение достойным не назвать?
Без страха и сомнения ушли мы воевать.
Путём-дорогой ломаной со школьного двора,
От матерей взволнованных, от детства и добра.
И аттестаты зрелости у жизни на краю
По мужеству и смелости давались нам в бою.
И был вполне уверен класс в том выбранном пути,
Но жалко, что вернулось нас лишь пять из тридцати.

Николай Николаев (1926–2000)

Трудновато было петь

Безразмерные ботинки...
– Шире шаг, не отставай!
Поторапливал старшинка:
– Николаев, запевай! –

И глотая пот-водицу,
Испускал я из груди:
– Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи...
Ты лети с дороги, птица...
А куда было лететь?
Позади Москва – столица,
Впереди колонны фрицев...
...Трудновато было петь!

Я не случайно подробно останавливаюсь на теме войны. Мы приняли решение – в каждом номере давать такие материалы, поскольку выходит наш номер – к дате Победы в битве под Москвой (ноябрь – декабрь 1941 г.) и следующий номер – к 9 Мая.

Важнейшая тема альманаха – Литература – это проза и поэзия авторов Истринского района. Среди них есть профессиональные литераторы, поэты: выпускница Литературного института им. Горького Юлия Скрылёва, автор трёх сборников поэзии. Печатаем мы также Юрия Воротнина, Кавалера Золотой Есенинской медали, лауреата премий им. Р. Рождественского, им. Я. Смелякова, Евгения Обухова, лауреата премий «Золотой телёнок» «Литературной газеты», он заведовал также отделом юмора клуба «12 стульев». Имеет Обухов множество публикаций в прозе, поэзии. Он – главный редактор журнала «Филателия». Являются нашими авторами кандидаты и доктора наук, историки, учёные, художники.

Что удалось нам открыть и напечатать по теме «Литературное краеведение»? В каждом номере альманаха публикуются рассказы, статьи, стихи, привлекающие большой читательский интерес. Как правило, это материалы, ранее не издававшиеся. Например, статья о Людмиле Шаталовой, художнике – графике, ученице Лентулова, Почётном гражданине Истры, исследовавшей творчество Лермонтова. Не так давно проходила в Истре в Ново-Иерусалимском музейном комплексе обширная посмертная выставка работ Людмилы Шаталовой. Вклад Шаталовой в исследование рисунков Лермонтова значителен и признан на самом высоком уровне. Во 2-м номере Альманаха мы напечатали статью, впервые изданную именно у нас – Марины Геннадьевны Смольяниновой, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН «Семейный корабль» – об истории рода Морозовых-Смольяниновых. Сама Марина Геннадьевна потомок рода Саввы Морозова. По предоставленным

мне материалам и семейным фотографиям я дополнила статью Марины Геннадьевны и написала об основателях имения Глебово – сестре Саввы Морозова, Анне Тимофеевне Морозовой-Карповой и её супруге, профессоре Московского университета Геннадии Фёдоровиче Карпове. Принято решение – по губернаторской программе – восстановить имение Морозовых-Карповых в Глебово.

В последнем номере альманаха, вышедшем только что, изданы материалы из книги Вероники Масловой о композиторе Бородине, проживавшем в Павловской Слободе в 1884 году.

В каждом номере мы публикуем новые стихи наших поэтов. Есть у нас рубрика «Страницы юмора и сатиры», здесь печатаются юмористические рассказы, стихи, эпиграммы. Очень яркий материал нам предоставила для публикации вдова Вячеслава Почечуева, известного скульптора и карикатуриста, поэта-сатирика. Почечуев работал с Леонидом Гайдаем и создал для фильма «Иван Васильевич меняет профессию» знаменитую машину времени. Работал Почечуев также с кинорежиссёром Птушко. О Почечуеве создано 3 документальных фильма.

Скоро мы планируем выставить в интернет все вышедшие номера альманаха «Фавор. Литературно-историческая Истра». Сайт мы уже создали. Переоценить ценность подобного альманаха невозможно, так как впервые мы начинаем вести глубокую работу по изучению ещё не открытых, не разработанных тем, важных для краеведения. Также мы углубляем наши представления о том, какие талантливые поэты, прозаики, учёные проживают в нашем районе. В каждом номере мы печатаем материалы об А.П. Чехове и его окружении. Альманах с первого номера распространяется по всем библиотекам Истринского района. Уже в первом номере за 2015 год была напечатана большая статья Татьяны Вартановой об истории главной библиотеки Истринского района – Центральной библиотеке им. А.П. Чехова – с момента основания библиотеки, её трагической участи во время войны, её послевоенного становления, развития, о пополнении её богатейших фондов. Большой вклад вносит эта библиотека в дело популяризации новых явлений в культурной жизни района, еженедельно здесь проходят культурные мероприятия, встречи с поэтами, музыкантами. Проводятся регулярно выставки художников. Говорю обо всём этом ещё и потому, что презентации нашего «Фавора» всегда проходят именно в этой библиотеке, а также в городской библиотеке на ул. Ленина.

Будем благодарны всем историкам, литераторам, изучающим наш Истринский край, за возможное сотрудничество с нашим альманахом.

С.Ю. Мамаев

ИВАНОВСКАЯ СУКОННАЯ ФАБРИКА

В 1817 году Григорий Михайлович Цуриков – крепостной крестьянин владельца усадьбы Покровское-Рубцово близ Ново-Иерусалимского монастыря помещика Павла Ивановича Голохвастова – арендовал у экономических крестьян деревни Ивановской Звенигородского уезда *«пустопорожнюю землю на реке Истре, негодную для полевых работ»* [34, с. 18]. По этой земле, которую местные жители называли «Коровий брод», гоняли скот на водопой. Цуриков же облюбовал это место для постройки плотины, водяной мукомольни и сукновального амбара.

«В 1817 году, – писал Григорий Михайлович в одном из прошений Московскому генерал-губернатору, – *устроена мною в сходствие указа Московского Губернского Правления от 8 генваря 1816 года за № 743 Звенигородского уезда экономического ведомства Вельяминовской волости при сельце Ивановском на реке Истре мукомольная и сукновальная мельница о четырех поставах»* [23].

Григорий Михайлович являлся специалистом по устройству плотин, за что даже удостоился однажды государственной награды (за установку запруды для Павловской суконной фабрики) [11, с. 401]. Это было редким явлением, так как крепостные крестьяне обычно не имели никакого образования. Не все даже могли поставить подпись за себя по неграмотности, не говоря уже об умении читать, писать и, тем более, производить расчёты непростого гидросооружения.

По характеру Григорий Михайлович был чисто русским человеком: умным, работящим и простодушным. Всех своих детей, а их было пятеро, он *«выкупил на волю»* [12] (то есть они уже не были крепостными крестьянами), сам же всю жизнь оставался подневольным человеком [34, с. 157]. По одной из версий он сам не хотел получить вольную, по другой – его не отпускал Голохвастов. Согласно семейному преданию один из предков

Цуриковых был выходцем из швейцарского города Цюриха и был зачислен в начале XVIII века в дворовые Голохвастовых.

О жизни семьи Цуриковых в первой четверти XIX века воспоминаний практически не сохранилось, но в книге «Женская Оптина» настоятельница Аносинского монастыря игумения Алипия (Таишева) поведала удивительную историю: *«После войны с Наполеоном на своем огороде они обнаружили бочку с драгоценностями, вывезенными французами из Москвы. Часть драгоценностей пошла в казну, часть получила эта семья»* [8, с. 519]. Никаких документальных подтверждений этой истории не нашлось, и из воспоминаний потомков можно сделать вывод, что вряд ли все было именно так.

Место для будущей фабрики оказалось очень подходящим, поскольку находилось в глубокой лощине между двумя естественными возвышенностями: так называемой Павловской горой с одной стороны и Ивановской горой с другой. Между обоими взгорьями раскинулись тучные заливные луга, на что указывало и название расположенного по соседству села Лужки. Для себя Цуриков построил недалеко от мельницы избу, куда и переселился вместе с женой и детьми.

Первыми рабочими у Григория Михайловича были ткачи закрывшейся в то время Дютьковской фабрики под Звенигородом [10], которые и занялись промывкой и валкой сукна. Его поставляли с Павловской казенной суконной фабрики, лежавшей в восьми верстах ниже по течению Истры, где недоставало своих сукновальных будок [22]. Суровье (ткань без окраски и отделки) привозили в Ивановское, обрабатывали и отправляли обратно на Павловскую фабрику.

Эта самая обработка оказалась настолько прибыльным делом, что около 1830 года Цуриков задумал организовать собственное суконное производство. Средств на покупку машин у Григория Михайловича не было, поэтому пришлось призвать на помощь московского купца Алексея Петровича Сырейщикова. Но недолго они вместе вели дело. Сырейщиков влез в долги, гасить их пришлось Цурикову, к которому таким образом и перешло общее доселе дело [34, с. 160]. Так было положено начало Ивановской фабрике.

Вести фабричное производство от своего имени Григорий Михайлович не мог, так как оставался дворовым человеком, но к тому времени подрос его старший сын Павел, учившийся мукомольному делу на мельнице близ Саввинского монастыря в Звенигороде. Павел Григорьевич родился 16 января 1812 года (3 января по старому стилю) [28] крепостным, а к 25 годам,

будучи выкупленным на волю, уже стал Звенигородским купцом третьей гильдии [37].

По законам того времени, купцы третьей гильдии могли вести мелочную торговлю, содержать трактиры и постоялые дворы, заниматься ремеслом. А вот чтобы владеть фабрикой или заводом, нужно было переходить в следующую, вторую купеческую гильдию, что Цуриков и сделал в 1849 году [27]. Именно на имя Павла Григорьевича было записано суконное производство в Ивановском.

Укрепляя торговые отношения, Григорий Михайлович старшую дочь Наталью выдал замуж за суконного торговца Дмитрия Васильевича Финляндского, а младшую Матрёну – за купца Максима Ефимовича Попова. Цуриков-старший сразу заприметил разносторонние способности Максима Ефимовича и, минуя старшего зятя, вступил с Поповым в деловой контакт. С 1847 года ни один кусок товара Ивановской фабрики не доходил до покупателя, минуя Попова, а впоследствии «Товарищества Максима Попова с сыновьями».

Хоть и считалось, что браки заключаются на небесах, родители часто старались приобрести через них максимум выгоды. Браком по расчёту явился и союз Павла Григорьевича Цурикова с обедневшей дворянкой из Воскресенска Анной Сергеевной Мингалёвой. В мае 1837 года они обвенчались в Петропавловской церкви в селе Лужки [14], где Григорий Михайлович был церковным старостой. Для молодой семьи при фабрике был построен дом с мезонином, с двумя открытыми террасами и теплой уборной. Вокруг этого домика был разбит сад с цветником [34, с. 160].

Пока Анна Сергеевна вела хозяйство, на фабрике Павел Григорьевич вместе с отцом продолжал совершенствовать суконное производство. В техническую сторону этого дела Анна Сергеевна, конечно, не вмешивалась, но её стремление к красоте явно сказывалось на украшательстве фабричных строений: *«Карнизы и входы в красные кирпичные корпуса снабжались разделкой из белого кирпича. Высокий деревянный забор вокруг всех зданий фабрики был украшен несколькими красивыми башенками, в одну из которых были вмонтированы часы, которые показывали время»* [6]. Со временем Ивановскую фабрику стали именовать «красавицей-фабрикой».

В «Атласе промышленности Московской губернии» за 1845 год среди *«шерстяных фабрик»* указана и фабрика Павла Григорьевича Цурикова с 80 станами, 58 машинами и 409 рабочими, где производилось *«суровое сукно из шпанской шерсти»* [2]. Сам владелец фабрики в 1849 году в про-

шении о поставке на выставку в Санкт-Петербурге мануфактурных изделий писал: *«Суконная фабрика вырабатывает разных сортов недорогого сукна на 90 ткацких станках. Действуют три водяных колеса. Рабочего народа до 500 человек»* [31].

Ивановская суконная фабрика, постепенно разрастаясь, достигла своего расцвета после Крымской войны, очевидно, значительно поддержанная армейскими заказами. Фабрика славилась преимущественно выделкой дешевых сукон. *«Столь дешёвое сукно при том же качестве не мог сделать никто ни в России, ни за границей»* [11, с. 401]. Как говорили современники, *«в армяки цуриковского сукна одевалась в своё время вся извозничья Москва. Материалу этому не было износа»* [4].

С давних времен в Россию приглашались специалисты из-за границы. Вот и на Ивановской фабрике уже в 1848 году появились первые мастера-иностранцы, большей частью немцы. Отличное производственное оборудование и грамотные работники создали имя Ивановской фабрике. Образцы цуриковского сукна выставляли на многих всероссийских и международных выставках, получали серебряные и золотые медали, дававшие определенный статус в текстильной отрасли. Например, в 1857 году в Варшаве Ивановскую фабрику наградили большой серебряной медалью *«за суконные изделия, отличающиеся доброкачественностью материала, тщательною обработкой, ровностью и красивостью цветов»* [9].

Можно себе представить какого труда, мужества, упорства потребовало обустройство «территории трезвости» на Ивановской фабрике и вокруг неё! Павел Цуриков настоял на том, чтобы все близлежащие к фабрике селения на расстоянии до 8 верст не позволяли открывать у себя питейные дома, за что платил обывателям этих селений ежегодно *«не меньшую сумму, чем какую они могли получать с владельцев этих заведений»* [38]. Именно поэтому на Ивановской фабрике, в отличие от многих других, не процветало пьянство. Сам Цуриков крайне негативно относится к алкоголю, позволяя себе лишь иногда за обедом выпить рюмку настойки.

Ивановская фабрика к середине XIX века стала одним из самых успешных предприятий России, но, как люди высоконравственные, отец и сын Цуриковы не были одержимы прибылью ради личного обогащения. Со временем Павел Григорьевич стал крупнейшим благотворителем Звенигородского уезда, огромные денежные средства направлял окрестным православным храмам и монастырям, в основном помогая в строительных и ремонтных работах и покупке церковной утвари. Примером ему послужил почивший отец, который, разбогатев, ежегодно в день Благовещения

Богородицы, 7 апреля, тайно отправлял в Аносинский Борисоглебский монастырь целый обоз с хлебом и крупой. Лишь после смерти Григория Михайловича в 1852 году в обители узнали имя своего благотворителя [8, с. 22]. Как церковный староста, старший Цуриков вместе с супругой был похоронен за алтарём Петропавловской церкви в селе Лужки. Надгробие Матрёны Анисимовны сохранилось до наших дней, а надгробный памятник Григорию Михайловичу был в советские годы утрачен и в 2013 году заменён новым.

Павел Григорьевич, ставший после смерти отца единоличным владельцем фабрики, помогал не только Аносинскому, но и Ново-Иерусалимскому в Воскресенске, и Саввино-Сторожевскому монастырю в Звенигороде. В частности, в 1862 году на его пожертвования на месте пещеры, ископанной Саввой Звенигородским, был выстроен храм, как *«памятник духовных бдений и молитвословий Преподобного»* [13]. Тогда же *«для помещения при нём четырех человек братии»* был устроен одноэтажный каменный корпус, обнесённый каменной оградой с тремя башнями.

Это лишь один из многочисленных фактов благотворительности Павла Григорьевича Цурикова. По ходатайству высшего церковного органа – Святейшего Правительствующего Синода – Павлу Григорьевичу за благодеяния жаловались различные чины и награды. В частности, в августе 1871 года – орден святого Владимира IV степени с правом потомственного дворянства [15]. Так, в возрасте 59 лет, родившись крепостным, Цуриков стал дворянином! Еще спустя два года его грудь украсил орден святого Владимира III степени, а за два года до своей кончины Цуриков стал действительным статским советником [18].

Уже после смерти Павла Григорьевича, в феврале 1880 года, был утвержден дворянский герб Цуриковых. Его изображение и подробное описание отыскал в историческом архиве в Санкт-Петербурге истринский краевед Сергей Павлович Носиков: *«Щит серебряный, разделен червленым крестом. В противогорностаевой главе щита три червленых пламени. Щиты украшены дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: червленое пламя между двумя павлиньими перьями. Намет червленый с серебром. Девиз: "Бог моя надежда", червленными буквами на серебряной ленте»* [30].

Ещё одним большим делом благотворения было создание храма при Ивановской суконной фабрике. Удивительна предыстория строительства этого храма, рассказанная врачом Павла Григорьевича Цурикова. Однажды, в светлый день Пасхи, отправился Павел Григорьевич в приходскую

церковь в селе Лужки, но попасть на праздничную службу так и не смог из-за сильного разлива реки Истры. Ни моста, ни переправы тогда не было. Это его очень огорчило, сел он на вершине горы и заплакал. Сидя, уснул, и было ему видение, что должен он построить на этом месте церковь, чтобы никто из этих мест уже не был лишен духовной радости в Великий праздник пребывать в храме Божьем. Проснувшись, будущий храмоздатель успокоился и в том же году начал готовить всё необходимое для строительства [17].

Успенский храм с двумя приделами в трапезной был заложен 25 июля 1864 года с благословения митрополита Московского Филарета (Дроздова), а спустя всего четыре года – готов к освящению, которое и состоялось в воскресный день 29 сентября 1868 года [20]. Белоснежный храм на фоне осеннего убранства и голубого неба выглядел чудом Божиим. Очевидцы отмечали, что он *«по изяществу отделки не имеет себе подобного в провинции и весьма мало в столицах»* [16]. Место для храма было выбрано очень удачно – на продолжении горы, у подножия которой располагалась суконная фабрика. Белая колокольня Успенской церкви виднелась издалека, а перезвон её колоколов слышался за несколько вёрст [6].

В последней четверти XIX века Ивановская фабрика продолжала развиваться: строились новые фабричные корпуса [32], [33], а рядом появлялись различные благотворительные учреждения. В 1867 году при фабрике устроили больницу, которая, по мнению современников, *«была обставлена богато и даже роскошно»* [25, с. 313]. Ещё для рабочих открыли харчевой амбар, откуда желающим отпускали в долг различные продукты: муку, соль, крупу и масло. Причём это была не типичная для тех лет «обдираловка» в кредит. При церкви открылось народное училище с трехлетним курсом обучения, попечителями которого были владельцы фабрики [19].

Одно из самых интересных описаний Ивановской фабрики было приведено в издании «Санитарное исследование фабричных заведений Можайского, Волоколамского, Звенигородского уездов» в 1882 году санитарным врачом Погожевым: *«Судя по первому впечатлению, живописное местоположение, красивые фронтоны главных фабричных корпусов, выкрашенные в темно-красную краску с белыми продольными полосами, архитектурные украшения в виде различных ваз, гербов и тому подобного на фронтонах могли бы подтвердить справедливость мнения местного исправника, что "это, в сравнении с другими, просто красавица, а не фабрика". Действительно, с внешней стороны фабрика производит чрезвычайно отрадное впечатление: фабричный двор содер-*

жится довольно чисто, архитектура резко отличается от обычного фабричного шаблона, далее, пред одним из главных фабричных корпусов устроен даже фонтан, пускаемый, как говорят, по временам» [29].

После смерти Павла Григорьевича Цурикова в 1878 году его вдова сначала пыталась самостоятельно управлять фабрикой, а затем обратилась за помощью к свояку – Максиму Ефимовичу Попову. С этого момента он и стал полноправным хозяином, выкупив в 1887 году фабрику по заведомо низкой цене, как это и завещал сам Цуриков [34, с. 23]. Но Максим Ефимович был уже весьма преклонного возраста, поэтому фактически управлял хозяйством его младший сын, кандидат прав Сергей Максимович Попов, переехавший в 1888 году из Москвы в село Ивановское. Вдова Цурикова тогда же переехала в Воскресенск, где продолжила заниматься делами благотворительности. Анна Сергеевна скончалась в 1907 году и была похоронена на территории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. До наших дней сохранилось красивое надгробие Цуриковой, украшенное мозаикой с изображением Божией Матери, выполненной по рисунку Виктора Михайловича Васнецова для Владимирского собора в Киеве.

В конце 1880-х годов новые юридические хозяева расширили и значительно модернизировали Ивановскую фабрику, построив более десятка новых корпусов [36] и закупив новое оборудование. С новыми хозяевами начался и новый виток развития мануфактуры. *«Близ заштатного города Воскресенска, в 8 верстах от него, на реке Истре находится село Ивановское с большой суконной фабрикой. Ныне эта суконная фабрика принадлежит Максиму Ефимовичу Попову и вырабатывает: сукна, трико, драпа и тому подобных тканей на 824 000 рублей при 745 рабочих»* [35]. Первые годы своего пребывания на фабрике Сергей Максимович посвятил себя не столько производству, сколько улучшению жизни рабочих. Ещё при жизни отца перестроил и благоустроил спальни рабочих, открыл баню и прачечную, за что фабрика удостоилась на Парижской выставке 1900 года серебряной медали. В целях борьбы с пьянством устроили бесплатную чайную, а при ней библиотеку, бильярд, настольные игры, дешёвый платный буфет и даже самодеятельный театр и сеансы *«чтения с туманными картинами»* – предтеча кинотеатра [34, с. 31]. Ещё Попов ввёл выплату пенсий по старости и многое другое.

Ещё более серьезные преобразования начались с 1896 года после кончины Максима Ефимовича Попова, когда Сергей Максимович, согласно завещанию отца, стал полноправным владельцем фабрики. Появилась ссудно-вспомогательная касса, открылось потребительское общество, на

стипендии хозяина фабрики лучшие ученики школы получили возможность продолжить обучение в семинариях и университетах. В 1900 году при фабрике начали свою работу полноценная библиотека-читальня и приют для детей рабочих [21], в 1903 году – так называемый «Народный дом», то есть клуб с постоянной сценой. Новый фабричный клуб являлся *«в такой мере образцовым, что для ознакомления с ним приезжали из Москвы экскурсии»* [34, с. 32]. Там же стали позднее систематически ставиться киносеансы. В 1909 году в цехах был введён восьмичасовой рабочий день и построена новая больница на 62 койки.

Как когда-то Павел Григорьевич Цуриков по-своему заботился о рабочих, так и Сергей Максимович Попов не оставлял их своим вниманием, пойдя в этом направлении еще дальше. Так, например, ещё за несколько лет до первой революции был учрежден Совет старост – первая, хотя по существу и робкая, но для тех времен очень смелая попытка устройства демократии в деле управления фабрикой. Конечно, все дела решал, в конце концов, сам Попов, но он начал прислушиваться и к голосу рабочих. В 1906 году Сергей Максимович провел еще более значимую реформу: отчислил большинство личных паёв в пользу рабочих (20 паев) и служащих (10 паев). Таким образом, рабочие и служащие стали совладельцами прибылей с предприятия. Следует, правда, оговориться, что рабочие тем самым не сделались хозяевами на фабрике. Ещё в 1900 году Сергей Максимович учредил Товарищество на паях Ивановской суконной фабрики [1]. Но всё равно это немыслимое дело для помещиков тех лет! Недаром современники прозвали Попова русским Робертом Оуэном [4].

Следует заметить, что такие смелые реформы и такая просветительская работа не проводилась тогда ни на одной русской фабрике, а, может быть, поэтому Первая русская революция 1905 года вообще не затронула ивановских рабочих. Экономические требования, выдвигаемые рабочим классом, оказались на фабрике по большей части уже удовлетворены, а политические мотивы оставались широкой массе чуждыми и непонятными. И Сергей Максимович тогда очень искусно использовал свои нажитые доверительные отношения с рабочими. Во время всеобщей стачки в 1905 году Попов предложил своим работникам временно фабрику закрыть, так как не было предлога бастовать, а пришедшим на фабрику революционерам объяснил это тем, что якобы сам организовал забастовку [4].

Но это была лишь временная мера. Победившая революция 1917 года уже не могла не затронуть Ивановское. В 1918 году фабрику национализировали, переименовали в честь самой революции в Октябрьскую. Сергея

Максимовича Попова, так много сделавшего для рабочих, просто выбросили на улицу, а директором назначили бывшего конторщика Прохорова. На самом деле Сергей Максимович сам отказался от поста директора фабрики ещё в феврале 1917 года, после того как на митинге один из рабочих публично назвал его эксплуататором. Попов был глубоко оскорблен главным образом тем, что никто из присутствовавших рабочих и служащих не посмел за него вступиться.

В 1924 году в брошюре о недолго существовавшем Воскресенском уезде о бывшей Ивановской фабрике писали: *«До 1880-х годов фабрика продолжала работать на ручных станках с 11-часовым рабочим днём. Преобладающим кадром рабочих всегда были местные крестьяне. В 1890-х годах фабрика значительно пополнилась машинами и расширила свои постройки. Русско-турецкая война стала для фабрики периодом расцвета. Число рабочих к этому времени достигло 1000 человек. В 1900-х годах оборудование фабрики продолжило пополняться и с 1914 года она имеет вид, в каком остается и до сих пор».*

И далее там же: *«Фабрика была разбита на семь производственных отделений. Готовый товар фабрики составляло и составляет сукно разных сортов, причем в настоящий момент ассортимент значительно усложнился (фасонное трико, дамское тонкое сукно, разные виды драпа, одеяла, платки и тому подобное). Нормальная довоенная выработка предприятия при 10-часовом рабочем дне составляла в год 21 076 пудов сукна, в настоящий момент при 8-часовом рабочем дне фабрика достигла 75 % довоенной выработки. На 1 августа 1924 года было занято 711 рабочих и 78 человек служащих»* [3].

В том же 1924 году в местной газете «Голос деревни» появилась статья о том, что на общем собрании жителей села Ивановское было принято решение снять самый большой колокол с церкви, продать его, а полученные деньги употребить на электрификацию деревни [7]. Так прекратилось удивительное звучание почти десятитонного колокола (более 600 пудов), при отливке которого на литейном заводе Финляндского в Москве храмоздатель *«со всем религиозным усердием навалил в котёл огромную массу серебра в монетах и драгоценностях»* [5]. Умолкли и остальные колокола, чьи певучие голоса были слышны во всей округе.

В протоколе Моссовета от 17 сентября 1929 года значится: *«Учитывая ходатайства рабочих Ивано-Октябрьской фабрики, постановили: указанную церковь закрыть и здание её после сфотографирования под наблюдением Воскресенского музея передать под клуб рабочих названной*

фабрики» [24]. Вскоре после закрытия храма был вскрыт и разорен склеп Цурикова в правом приделе. Грабители думали, что он, как получивший дворянский титул, был захоронен с пожалованной ему золотой шпагой. Но никаких сокровищ в склепе не оказалось.

Клуб рабочих из Успенской церкви так и не сделали, а отдали её под школьные мастерские. Старожилы вспоминали, что *«стены у мастерских были очень толстые, и на них присутствовали украшения каменной кладки».* Саму Ивановскую школу вскоре построили рядом. Она просуществовала до 1982 года, после чего её перевели в соседнюю деревню Павловское, а ветхое школьное здание вместе с мастерскими разрушили до основания.

Последнее описание фабрики удалось найти в книге 1934 года: *«Налево у входа в главные ворота фабрики затейливый домик с башенками и балкончиками – бывший дом фабриканта – сейчас используется школой. Наверху над фабрикой на крутом обрыве берега строится новая школа; ближе к плотине – помещение бывшего Народного дома. На дорогу выходит длинная стена фабричных складов, минуем здания столовой и старый жилой корпус и, свернув направо в лесок, выйдем к новому жилому дому для рабочих»* [26].

А затем грянула война. И кто бы мог подумать, что через считанные месяцы от начала войны враг окажется у стен Москвы? Осенью 1941 года всё оборудование с фабрики эвакуировали, а корпуса взорвали и в послевоенные годы уже не восстанавливали. *«В течение ряда лет, однако, продолжали еще стоять стены фабричных корпусов с пустыми глазницами окон, несколько случайно уцелевших сараев, башня с часами и фабричные ворота с чугунными урнами. В 1953 году была проложена большая трасса между Звенигородом и Истрой. Кирпич фабричных корпусов весь ушел на бут шоссе. Местность, когда-то занятая фабричным городком, превратилась в чистое поле»* [5].

Так исчезло всё, созданное когда-то Григорием Михайловичем Цуриковым. Сейчас на месте бывшей фабрики рынок и небольшое лесопильное производство. Сохранились лишь три искаженных перестройкой и временем здания от бывшей фабрики, одно из которых было возведено из местного клеймёного кирпича с буквами «М» и «П», что означает «Максим Попов». На месте бывшей Успенской церкви до наших дней сохранились лишь «каменные свидетели» времён «красавицы-фабрики». Это арка приходского кладбища и несколько надгробных камней, видимо, находившихся в церковной ограде, надпись на одном из которых гласит: *«Никандр*

Акимович Кураев, 1852–1898. Трудолюбивому просвещенному служащему благодарная администрация фабрики».

Список источников и литературы:

1. Акционерно-паевые предприятия России [Текст] /ред. В. Лавров. – М., 1917. – С. 182.

2. Атлас промышленности Московской губернии [Карты]. – М., 1845. – С. 24.

3. Воскресенский уезд Московской губернии [Текст]. – Воскресенск, 1924. – С. 123–125.

4. Воспоминания А.М. Шуберт [Текст] //НИОР РГБ. Ф. 547. К. 8. Д. 6.

5. Воспоминания А.М. Шуберт [Текст] // НИОР РГБ. Ф. 547. К. 8. Д. 7.

6. Воспоминания А.М. Шуберт [Текст] // НИОР РГБ. Ф. 547. К. 8. Д. 8.

7. Голос деревни [Текст]. – 1924. – № 42. – С. 3.

8. Женская Оптина. Материалы к летописи Борисоглебского Аносина монастыря [Текст]. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Паломник, 2007. – 718 с.: ил. – (Русское православие XX века).

9. Журнал мануфактуры и торговли. – 1859. – № 3. – С. 186.

10. Ивановская суконная фабрика. Исторические сведения и отчёты за 1893–1899 годы [Текст]. – М., 1910. – С. 3.

11. Истринская земля. – М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 848 с.: ил. – (Энциклопедия сел и деревень Подмосковья).

12. Книга для записи отпускных на лиц, освобожденных от крепостной зависимости. 1830 год. Л. 69–71 об. [Текст] //ЦГАМ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 50.

13. Коробкин, С.С. Саввин Сторожевский монастырь в его прошлом и настоящем [Текст] /С.С. Коробкин. – 2-е изд. – М., 1914. – С. 124.

14. Метрические книги церкви в селе Лужки. 1828–1838 годы. Л. 332 [Текст] // ЦГАМ. Ф. 608. Оп. 4. Д. 79.

15. Московские епархиальные ведомости [Текст]. – 1871. – № 39. Прибавление. – С. 97.

16. Московские епархиальные ведомости [Текст]. – 1872. – № 28. – С. 205.

17. Московские епархиальные ведомости [Текст]. – 1878. – № 8. – С. 81.

18. Награждение П.Г. Цурикова. 1876–1877 годы. Л. 2–3 об. [Текст] //РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1 (часть 41). Д. 98.

19. Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» [Текст]: Сборник статей / сост. и науч. ред. Г.М. Зеленская. – М.: Северный паломник, 2002. – С. 251.

20. Описание Успенской, что при Ивановской фабрике, церкви Московской губернии Звенигородского уезда, составленное в память 25-летнего существования храма [Текст]. – М., 1893. – С. 4.

21. Отчёт Товарищества Ивановской суконной фабрики за 1900–1901 годы [Текст] . – М., 1901. – С. 7.

22. Павловская Слобода: 500 лет в истории России [Текст] /М.А. Крючкова, Л.Г. Невзорова, М.И. Соколова и др. – М.: Лана, 2004. – С. 107.

23. Перестройка плотины на реке Истре в селе Ивановское. 1822 год. Л. 1 [Текст] // ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 6. Д. 7943.

24. Протоколы заседаний Моссовета и МОИК. 1929 год. Л. 341 [Текст] //ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 37.

25. Пэнэжко, О. (протоиерей). Город Истра, Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, и храмы Истринского района [Текст]: [в 2 ч.] / Протоиерей Олег Пэнэжко. – Владимир, 2009. – ч. 1. – 400 с.: ил.

26. Радченко, Е. По Истринскому краю [Текст] /Е. Радченко, Н. Евтюхов. – М., 1934. – С. 23.

27. Ревизские сказки купцов и мещан города Звенигород. 1850 год. Л. 2 об. [Текст] //ЦГАМ. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 705.

28. Русский провинциальный некрополь [Текст] /сост. В. Шереметевский. – М., 1914. – Т. 1. – С. 924.

29. Санитарное исследование фабричных заведений Можайского, Волоколамского, Звенигородского уездов [Текст] /А.В. Погожев. – М., 1882. – С. 151–152.

30. Сборник Высочайше утвержденных гербов Российского дворянства. 1880 год. Л. 214–215 [Текст] //РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 80.

31. Свидетельство о производстве изделий на фабрике. 1849 год. Л. 3 [Текст] // ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 92.

32. Строительство каменного корпуса Ивановской фабрики. 1874 год. Л. 1 [Текст] //ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 131. Д. 31.

33. Строительство каменного корпуса Ивановской фабрики. 1875 год. Л. 1 [Текст] //ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 132. Д. 51.

34. Суконщики Поповы: «Записки о московской жизни» и не только [Текст] / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Н.А. Круглянской; предисл. М.С. Стукловой. – М.: Русский путь, 2010. – 640 с.: ил.

35. Токмаков, И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание заштатного города Воскресенска (Звенигородского уезда, Московской губ.) и его окрестностей: Нового Иерусалима, сел: Ильинского-Городища, Никулина и сельца Лучинского [Текст] /И.Ф. Токмаков. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1905. – С. 12.

36. Утверждение чертежей на переделку зданий фабрики. 1889–1890 годы [Текст] //ЦГАМ. Ф. 54. Оп. 146. Д. 130.

37. Учёт купцов по городу Звенигороду. 1835–1838 годы. Л. 18 об-19 [Текст] // ЦГАМ. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 213.

38. Ярцев, А. Подмосковные прогулки [Текст] /А. Ярцев //Московские ведомости. – 1894. – № 214.

С.П. Носиков

ВЛАДЕЛЕЦ УСАДЬБЫ ГЛЕБОВО БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ

Братья Брусиловы

Эта фамилия в нашей стране известна благодаря знаменитому «Брусиловскому прорыву» 1916 года. Творцом той победы русских войск был генерал Алексей Алексеевич Брусилов. Некоторые ошибочно считают, что он был хозяином подмосковной усадьбы в сельце Глебово, тогда как той владел его родной брат Борис.

Род Брусиловых старинный. Представители по мужской линии в нескольких поколениях были военными, некоторые из них достигали высоких чинов. Отцом братьев был Алексей Николаевич Брусилов, потомственный дворянин Орловской губернии. Он родился в 1789 году. Далее «*В 1807 году начал службу сотником. Затем, переведясь в армейскую пехоту майором, он участвовал в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., за что получил боевые награды и чин подполковника. В Бородинском сражении Алексей Николаевич был ранен*» [24].

Женился отец в зрелом возрасте – 4 октября 1852 г. Жили Брусиловы в Тифлисе (ныне г. Тбилиси в Грузии). В этом городе у них поочередно родились 4 сына: Алексей, Борис, Александр и Лев, впрочем, Саша умер в младенчестве. К сожалению, это была не единственная утрата – вскоре семью Брусиловых постигло двойное горе: 11 ноября 1859 года умер отец Алексей Николаевич, а 9 марта 1860 года скончалась мать Мария-Луиза (в девичестве Нестоемская). Дети остались сиротами, старшему Алеше было всего 6 лет. Как он потом писал: «*всех трех братьев взяла на воспитание наша тетка, Генриетта Антоновна Гагемейстер, у которой не было детей. Ее муж, Карл Максимович, очень нас любил, и они оба заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова*» [3].

В молодости все трое мальчиков выбрали карьеру профессиональных военных. Старший брат Алексей (1853–1926) служил в сухопутных войсках. В годы Первой мировой войны был командующим армией, в 1916 году стал главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Во время Февральской революции поддержал приход к власти Временного правительства. С 1920 года стал служить в Красной армии. В 1923–1924 годах был инспектором кавалерии РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии). А.А. Брусилов скончался 17 марта 1926 года в Москве от воспаления легких в возрасте 72 лет и был похоронен на территории Новодевичьего монастыря. Захоронение А.А. Брусилова сохранилось и находится за алтарем Смоленского собора обители.

До последнего времени оставался невыясненным вопрос: а бывал ли Алексей Алексеевич в имении Глебово? Казалось бы, это очевидно, учитывая дружеские отношения братьев, что Борис жил в усадьбе более 20 лет, ведь само сельцо Глебово находится недалеко от Москвы, в которой генерал многократно бывал. Однако прямых подтверждений этому в первоисточниках долгое время не находилось. И вот, наконец, было обнаружено прямое свидетельство от самого генерала, записанное Н.А. Лукашовым с его слов: «*В бытность свою инспектором кавалерии, Алексей Алексеевич Брусилов организовал полевую поездку (верхом) представителей всех частей московского гарнизона* [...] *Впереди, в широкой долине, возник силуэт пирамидального храма. Я бросил взгляд на картину* [карту. – Авт.]*: населенный пункт Глебово.* [...] *– Подъедемте ближе, – предложил я. – Нет, это было бы бестактно с моей стороны. Меня могут узнать, – ответил Брусилов. – Да и смотреть нечего. Обломки, – усмехнулся невесело. – На новых картах не совсем точное обозначение, Николай Алексеевич. Вернее – новое название. А прежде сей населенный пункт был известен как Глебово-Брусилово. Счастливейшие дни провел я в этой усадьбе*» [28].

А совсем недавно было найдено еще одно документальное подтверждение того, что генерал бывал в имении брата, причем задолго до революции. В метрической книге 1904 года Христорождественской церкви с. Филатово (сельцо Глебово входило в приход этого храма) обнаружена запись о рождении сына Алексея у помещика Бориса Брусилова. В ней указаны восприемники, т. е. крестные родители: «*Генерал-майор Алексей Алексеевич Брусилов и капитана 1-го ранга Льва Алексеевича жена Екатерина Константиновна Брусилова*» [36]. Это означает, что генерал присутствовал на крещении новорожденного племянника.

Как уже говорилось ранее, у Алексея и Бориса Брусиловых был еще младший брат – Лев Алексеевич (1857–1909). Он тоже стал военным, но пошел в морской флот и дослужился до чина вице-адмирала. У младшего брата было четверо детей. Наиболее знаменит сын Георгий Львович Брусилов (1884–1914). Он, как и отец, стал военным моряком. В 1910–1911 годах участвовал в гидрографической экспедиции по Северному Ледовитому океану. И после этого, как пишут в литературе, «*заболел*» этим краем. Ему захотелось организовать собственный морской поход по северным морям. Но на это требовалось немало денег. И он их нашел у близких родственников, проживающих в Глебово. Именно благодаря их финансовому участию состоялась полярная экспедиция: «*она почти целиком была снаряжена на деньги его дяди Бориса Алексеевича Брусилова, который дал на проведение экспедиции 200 тысяч рублей*» [26]. Существуют также и иные сведения о размере денежных вложений родни в подготовку экспедиции: «*Своими планами он* [Георгий. – Авт.] *заинтересовал друзей и богатых родственников. Составилось акционерное зверобойное общество, его главным акционером стала А.Н. Брусилова, жена дяди Г.Л. Брусилова. Сам Г.Л. Брусилов ничего, кроме своего полярного опыта, в общий пай внести не мог. Испросив отпуск, он отправился в Англию и за 20 тысяч рублей купил там старую, но еще крепкую паровую шхуну «Пандора». Ее переименовали в «Св. Анну» – по имени А.Н. Брусиловой, отпустившей на снаряжение экспедиции 90 тысяч рублей» [*27]. Приводимые в указанных цитатах денежные суммы – 200 000 и 90 000 рублей – сильно разнятся и какая из них верная, сказать трудно. Но в любом случае, в 1912 году это были весьма большие деньги.

Вкладываемые в экспедицию средства не были благотворительностью – Брусиловы рассчитывали их вернуть сполна: «*Компромисс между возвышенным и приземленным удалось найти быстро: одной из главных целей экспедиции должна была стать* [...] *банальная охота. Охота на медведей, тюленей и моржей. А также исследование зверозаготовительных возможностей вдоль всего этого маршрута. Короче говоря, для финансирования экспедиции была создана зверобойная компания, основными – но не единственными – акционерами которой стали дядя Борис и его супруга*» [10].

В конце июля 1912 года экспедиция на шхуне «Святая Анна» вышла в море из Санкт-Петербурга. Через несколько недель судно зашло в Александровск-на-Мурмане и потом отправилось в дальнейший путь. Но далеко шхуна не смогла уплыть – в конце сентября она оказалась зажата льда-

ми в Карском море и начала дрейфовать в северном направлении. Судьба Георгия Львовича после апреля 1914 года неизвестна. По мотивам истории этой экспедиции и биографии Г.Л. Брусилова много позже известный советский писатель Вениамин Каверин написал роман «Два капитана», который был очень популярен в свое время.

Военная карьера и гражданская служба Б.А. Брусилова

Теперь пора перейти к биографии третьего брата. Родился Борис в Тифлисе 15 сентября 1855 года. Крестили его в местном Николаевском соборе, восприемницей, как сказано в «Поминальнике Е.К. Брусиловой» [2], была родная тетя Генриетта Антоновна Гагемейстер.

Основной источник данных по биографии Б.А. Брусилова – это его «Формулярный список», сохранившийся в двух вариантах в архивах Москвы [40] и Санкт-Петербурга [21]. В нем информация о карьере начинается с того, что Борис учился в престижном Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. Далее указано, что он «*по выдержании установленнаго экзамена в науках унтер-офицером на правах вольно определяющихся* [зачислен. – Авт.] *в 13 Л.-Гв.* [Лейб-Гвардии] *Эриванский Его Высочества полк – 28 февраля 1874 года*» [21].

Таким образом, в 19 лет Брусилов оказался в действующей армии на юге Российской империи. Через 2 месяца был переведен в «*драгунский Тверской Его Императорскаго Величества Князя Николая Николаевича полк*». Но и тут Борис пробыл недолго – уже в августе того же года был командирован в Ставропольское юнкерское училище. В архиве РГВИА сохранился аттестат «портупей-юнкера» Б.А. Брусилова (за обнаружение этого документа большая благодарность исследователю Н.А. Родионовой). В нем сказано: «*обучался с 1874 г. по 1876 г. в Ставропольском казачьем юнкерском училище, состоял по поведению по 1 разряду и по успехам получил следующие баллы: I. По строевой службе (верх. езда, гимнастика, фехтование, умение владеть оружием на коне) – ср. балл 8 (хор.) II. По наукам из спец. предметов (тактика, военные уставы,* [...]) *– ср. балл 9,2 (хор.) III. Из общих предметов: 1. Закон Божий – 11 (оч. хор.)* [очень хорошо. – Авт.] *2. Русский язык – 10 (оч. хор.) 3. Математика – 9 (хор.) 4. География – 10 (оч. хор.) 5. История – 11 (оч. хор.) Средний балл – 10,2 (оч. хор.) По окончании курса наук в училище Борис Брусилов установленный экзамен выдержал и признается достойным к производству в офицеры на вакансию 1876 года по II разряду*» [20]. По окончании

училища Брусилов вернулся в действующую армию и был «*произведен в прапорщики*».

В это время началась русско-турецкая война. Борис Алексеевич участвовал в боевых действиях на юге России и был отмечен первой наградой. В «Формулярном списке» об этом сказано так: «*За отличие, оказанное в разновременных* [...] *перестрелках с турками награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом – 30 августа 1877 г.*» [21]. Затем молодой офицер принимал участие в известной военной кампании 1880–1881 годов, ознаменовавшей присоединение Средней Азии к России. Здесь его наградили во второй раз: «*В награду отменнаго мужества и храбрости оказанных* [...] *в составе войск Закаспийскаго края в 26 день августа 1880 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом*» [21]. В следующем году Борис Алексеевич был произведен в поручики и вскоре получил «*орден Св. Станислава 2-й степени с мечами*». А в июле 1882 года «*В награду отличий, оказанных в делах с Текинцами* [...] *награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом*» [21]. И наконец, в 1888 году офицер был отмечен орденом Святой Анны 2-й степени.

Вот какой славный боевой путь оказался у Б.А. Брусилова! Ему довелось принимать непосредственное участие в нескольких военных кампаниях на юге страны. Молодой офицер оказался явно не из трусливых. К 33 годам на его груди было уже 5 орденов Российской империи, причем заработанных не в тиши кабинетов или благодаря знатному роду, а честно заслуженных за ратный труд и подвиги в рядах действующей армии при выполнении различных, в том числе и опасных, приказов командования. Кроме орденов у него были еще и серебряные медали: «*за Турецкую войну 1877–1878 гг., за взятие штурмом Ахал-Текинской крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года*» [21]. Как жаль, что эта славная сторона жизни Брусилова, будущего владельца имения Глебово, до сих пор не была известна нашим современникам.

На этом заканчивается военная карьера Бориса Алексеевича. Как следует из документов – она сложилась удачно не только из-за высоких наград и повышений в чинах. Немаловажным является то, что Брусилов «*Ранен и в плену у неприятеля не был*». По сведениям все из того же «Формулярного списка» 14 декабря 1889 года он был уволен из армии «*для определения в Титулярные советники*» [21]. Таким образом, если вычесть годы учебы, в частях действующей армии Брусилов прослужил около 14 лет. Этот срок хоть и заметно меньше, чем отдали воинской службе его родные братья

Алексей и Лев, но все равно можно сказать, что армейские заслуги Бориса также приумножили доблесть и славу рода Брусиловых.

Через месяц после отставки Б.А. Брусилов был определен на службу в Министерство внутренних дел (МВД) в Санкт-Петербург и «*Откомандирован для занятий в Главное тюремное управление*» [21]. И на новом месте Борис Алексеевич трудился добросовестно. Спустя непродолжительное время, 30 августа, как сказано в «Формулярном списке», ему была объявлена «*искренняя благодарность Министра за особо усердные труды* [по проведению. – Авт.] *бывшаго в Петербурге 4-го Международнаго Тюремнаго Конгресса и международной тюремной выставки*» [21]. 29 ноября 1891 года Борис Алексеевич был «*назначен Попечителем Свято-Троицкаго Богадельнаго Дома в Ораниенбауме*» [21] и менее чем через месяц был уволен из МВД «*за истечением срока*». В 1894 году произведен в Надворные советники.

8 декабря 1899 года Бориса Алексеевича наградили орденом в шестой раз, на сей раз за заслуги на гражданском поприще: «*За благотворительное служение на пользу Свято-Троицкаго Богадельнаго Дома Всемилостивейше пожалован Кавалером ордена Св. Владимира 3-й степени*» [21]. 11 марта 1902 года Брусилов был «*произведен за выслугу лет в Статские Советники со старшинством*», а 6 декабря 1905 года был пожалован «*за выслугу лет Свято-Троицкому Богадельному Дому чином Действительнаго Статскаго Советника*» [40].

Как видно из приведенных выше цитат, как минимум 14 лет (с 1891 по 1905 гг.) Б.А. Брусилов был связан с Богадельным домом, находящимся недалеко от Санкт-Петербурга в заштатном г. Ораниенбаум (ныне г. Ломоносов Ленинградской области). Все эти годы он был «Попечителем» указанного заведения даже после увольнения со службы и переезда из Петербурга в подмосковное имение.

Имение Глебово Звенигородского уезда

Теперь настала пора рассказать об усадьбе, в которой семья Брусиловых прожила долгие годы (более двух десятилетий), где выросли их дети. Спустя некоторое время после приобретения земель новыми помещиками сельцо получило двойное наименование: Глебово-Брусилово.

Когда именно состоялись покупка и переезд семьи Бориса Алексеевича в Подмосковье – точной даты установить не удалось. Поэтому приходится оперировать косвенными фактами из разных источников. В архиве

сохранилось очень интересное дело *«О ссуде А.Н. Брусиловой»* [22], которое было заведено в 1894 году вскоре после приобретения подмосковного имения и его последующей закладки в банке для займа денег. В нем сообщается сумма сделки – 90 000 руб. Но, к сожалению, имя предыдущего владельца не приводится. По документам из другого архивного дела, посвященного страхованию строений усадьбы Глебово, удалось установить, что в сентябре 1892 года владельцем имения числился Владимир Александрович Адельберг [39]. Вероятно, это и был тот человек, у которого купили имение. Самое раннее упоминание фамилии Брусиловых в качестве владельцев подмосковной усадьбы встречается в упомянутом деле о ссуде, в котором сообщается о заложенных 8 апреля 1894 года Анной Николаевной землях имения Глебово. Стало быть, в этот полуторагодовалый интервал времени – с осени 1892 года и до весны 1894 года – и произошла покупка земель в Подмосковье.

Что из себя представляли подмосковные земли, хозяевами которых стали Брусиловы? Во все том же архивном деле о ссуде денег приводится общая характеристика приобретенного имущества: «*Имение Брусиловой принадлежит к типу старинных поместий, характерной чертой которых является роскошная усадьба с парком, на украшение которой положено много средств и труда*» [22]. Там же сообщается, что было куплено два участка земли: «*580 дес. 1314 саж. + 334 дес. 1746 саж. = 915 дес. 660 саж.*». Затем конкретизируется, какая именно земля была приобретена: «*648,60 дес. лесных насаждений; 263,60 дес. сельскохозяйственных угодий и 18,14 дес. неудобной земли*» [22]. Земельные угодья находились в двух уездах Московской губернии – Звенигородском и Рузском.

Вскоре после покупки усадьбы новыми владельцами были «*сделаны значительныя затраты: на ремонт построек, покупку мертваго и живаго инвентаря, введение многопольнаго хозяйства и на устройство правильнаго леснаго хозяйства*» [22]. Московский Земельный Банк после этого оценил суммарную стоимость всего имения в 100 тысяч руб. Однако отделение Государственного Дворянского Земельного банка признало «*справедливой оценку имения в 90 000 руб.*» [22]. При определении размера ссуды было решено выдать деньги в количестве «*60 % оценки*». В результате А.Н. Брусилова получила 54 тысячи рублей сроком на 66 лет и 6 месяцев.

Любопытными являются сведения о хозяйственной деятельности и о том, какой доход (по оценке банка) приносило имение владельцам. В хозяйстве было 25 коров. Из молока каждой коровы делали в среднем по

полтора пуда масла в год. И тогда «*при цене на масло 12 руб.* [...] *суммарно получается доход 450 руб.*» [22]. Кроме того был ежегодный доход от «*усадебной земли – 600 руб., полеводства – 1164 руб., скотоводства – 164 руб., сенокосов – 1000 руб. Всего доход – 2928 руб., а чистый доход – 1799 руб.*». Надо также учесть флигель в усадьбе, который «*сдается как дача и приносит владельце доход 250–300 руб. в год*». Эти сведения относятся к 1894–1899 годам. А вот какие цифры приведены в архивном деле за 1913 год: «*Брусилова Анна Николаевна, дворянка, Глебово Лучин. вол. Количество земли: 552 дес. 1265 кв. саж. Доходность земель и имущества: уездная – 2762 руб., губернская – 2210 руб.*» [33].

После Октябрьского переворота судьба имения Глебово оказалось схожей со многими другими дворянскими усадьбами России. Земли были реквизированы Советским государством, а имущество частично изъято музеями и представителями властей, частично разграблено населением. Бывшие хозяева поместий либо сами уезжали из домов, в которых прежде жили, либо их выгоняли оттуда или, того хуже, репрессировали (о судьбе членов семьи Брусиловых после революции будет рассказано далее).

Имеется несколько документальных свидетельств, показывающих, как имущество бывшей усадьбы растаскивалось. Практически сразу после смерти владельца началось разграбление имения Глебово: «*В конце 1918 г. из усадьбы Брусиловых были отправлены в Национальный музейный фонд: портрет, 3 картины Ван-Дейка и копия с Рубенса, икона св. Николы Можайского в серебряном окладе. Гарнитур из карельской березы XVIII века стиля "жакоб" передали в музей усадьбы (бывший Ново-Иерусалимский монастырь)*» [14]. Эти сведения дополняются материалами из другого источника: «*в 1919 году набор мебели, вывезенный из усадьбы Глебово (Брусиловых) в музей-усадьбу Архангельское, в 1925 году был снова передан в музей "Новый Иерусалим"* [...] *Диван карельской березы, обитый зеленоватым плюшем, спинка орнаментирована резьбой,* [...] *Кресло карельской березы, обито зеленоватым плюшем, спинка карельской березы,* [...] *Шкафчик дубовый с женскими резными фигурами на углах и металлическими украшениями. Россия, конец XIX в.*» [25]. Также упоминаются несколько книг из библиотеки Брусиловых.

Поиски информации по истории усадьбы Глебово и ее владельцах продолжаются. Недавно удалось обнаружить пару архивных дел, проливающих свет на то, что происходило в имении в первые годы Советской власти. Название одного из них говорит само за себя: «Сметы врачебно-санитарного отдела Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги на

ремонт дома в имении Глебово при станции "Холщевики" для устройства в нем санатория на 1919 год». В нем говорится, что на территории бывшей усадьбы планировалось организовать туберкулезную лечебницу, т. к. «*Имение Глебово – хорошее дачное место, где можно поместить больных, требующих для своего лечения хорошего воздуха, покоя, т. е. после перенесения тяжких заболеваний и нервно-больных*» [5]. Согласно документу предлагалось осуществить перепланировку барского дома и в 23 комнатах разместить до 70 больных. Была составлена смета на работы и материалы на 60 тысяч рублей. В деле также приводятся интересные сведения о состоянии бывшего помещичьего имения: «*Парк запущен, требуется тщательная очистка его, особенно озера. В парке надо выстроить беседки, расставить скамейки. Мебель и посуда из имения вывезена местным Совдепом. Необходимо принять меры к возвращению уцелевшей мебели и посуды. Недостающую мебель и посуду придется приобрести*» [5].

В том же самом архивном фонде имеется еще одно дело на данную тему, оно является как бы продолжением первого и было заведено несколько месяцев спустя. В нем приводится уточненная смета на ремонт и оборудование лечебницы, включая затраты на проживание, лечение, питание больных. В конце дела имеется протокол, согласно которому предполагалось сэкономить средства, уменьшив число больных и сократив затраты по другим статьям расходов. В итоге получилась «*Смета на оборудование и содержание временного санатория на 2 месяца в имении Глебово на 50 чел. – 361355 руб.*» [6].

И все-таки остался не до конца выясненным вопрос: а был ли в действительности в бывшей усадьбе Глебово организован санаторий? Ведь в упомянутых архивных делах говорилось только про планы создания и нет документов, подтверждающих его существование. Смущает то, что ни в одном известном источнике (в том числе и в энциклопедии «Истринская земля») ни про какую лечебницу в этих местах не говорится. В любом случае, если санаторий и был какое-то время, то недолго.

Местный краевед Семен Ефимович Карягин в конце XX века собирал историю села Филатово, Глебово и окружающих земель. Им была написана «Книга Памяти», которая в виде рукописи хранится в Музее ветеранов поселка Глебовский. В ней есть слова и о бывшей усадьбе: «*2-этажный бревенчатый дом помещика до 1928 года использовался как сельский клуб* [...] *В 1928 году после капитального ремонта (покраски) от неосторожного обращения с огнем бригады ремонтников дом от возникшего пожара сгорел*». Так перестал существовать старый барский дом. С середины

1930-х годов отдельные уцелевшие строения бывшей усадьбы использовались под нужды местной птицефабрики. Во время войны фабрика была разрушена.

Что уцелело от имения Глебово до наших дней? В упомянутом страховом деле говорится о 18 застрахованных строениях усадьбы [39]. Это было в начале XX века. А ныне осталось только три... Уцелела самая большая постройка – каменное здание, которое прежде использовалось как «*курятник, навес для экипажей, конюшня, свинарник, сарай сушилка для хлеба*». Здание было перестроено и расширено. Ныне здесь располагается «Глебовский механический завод». Сохранились еще две старых небольших постройки, также впоследствии перестроенные. Одна из них – деревянная «*баня-прачечная*». А другая постройка – это кирпичный домик на берегу пруда, который местное население считает за бывшую барскую баню при усадьбе. Сохранился также пруд, который прежде имел квадратную форму, а ныне сильно зарос, находится в запущенном состоянии и требует очистки. Осталось довольно много деревьев от бывшего усадебного парка, которые достигли внушительных размеров.

В январе 2018 года на городском сайте «Истра.рф» появилась информация, что «*Главное управление культурного наследия Московской области своим распоряжением включило парк усадьбы Глебово-Брусилово в Истринском районе в единый государственный реестр объектов культурного наследия*» [19]. Как следует из опубликованного – охране подлежат уцелевшие деревья бывшего парка имения. Очень хорошо, что теперь есть такой документ, хотя, наверное, лучше было бы, если бы он появился раньше. Но есть в нем и своя «ложка дегтя». Непонятно, как была допущена ошибка в официальной бумаге, в которой, судя по цитате на сайте, про усадьбу Глебово сказано: «*последним владельцем был русский и советский военачальник, генерал Брусилов*» [19]. Здесь не указаны инициалы владельца усадьбы. Однако и так понятно, что составители официального документа имеют в виду А.А. Брусилова. Ведь хорошо известно, что военачальником «*русским и советским*» был Алексей Алексеевич, а другие братья – Борис и Лев – не были генералами и не служили Советской власти. Однако нет ни одного исторического документа, в котором было бы сказано, что владельцем усадьбы Глебово был генерал А.А. Брусилов. Напротив, сохранилась масса неопровержимых доказательств, что подмосковным имением владели Борис Алексеевич и его жена Анна Николаевна. А Алексей Алексеевич лишь изредка приезжал в Глебово в гости к семье своего брата.

Выше говорилось о приобретении Брусиловыми подмосковного имения и отмечалось, что покупка состоялась не позже весны 1894 года. А в конце следующего года помещик уже был церковным старостой Казанской церкви в своем сельце Глебово [1]. Эта должность подразумевает, что избранный на нее должен следить за порядком в храме и радеть о его благолепии, вести строгий учет прихода и расхода церковных денег. Борис Алексеевич был служителем при Казанской церкви почти все время, что проживал в своем имении, т. е. более двух десятилетий (как минимум до 1916 года [40]). Согласно заведенному порядку перевыборы церковного старосты должны были происходить каждые три года. Судя по тому, что никого другого на эту должность не избирали, деятельность Брусилова всех устраивала.

Борис Алексеевич заботился о благосостоянии Казанского храма с. Глебово. Об этом свидетельствуют слова местного приходского священника Алексия Смирнова, который в 1898 году докладывал начальству о приписной кладбищенской церкви, что та: «*требует поддержки в благолепии и только благодаря помещику сельца Глебова г-ну Брусилову она еще не находится в упадке*» [35]. Помимо того Б.А. Брусилов жертвовал личные средства и на приходской Христорождественский храм, хотя по своей должности вовсе не обязан был этого делать. В документах разных лет про вклады помещика в церковь с. Филатово говорится так: «*г-м Брусиловым пожертвованы 4 серебряно-вызолоченные лампады пропильной работы, им же жертвуется и на освещение храма*» [35]; «*При церкви имеется два каменных входа с тремя железными дверьми, а кругом оной каменная с железной решеткой ограда с двумя входами, покрыта железом и устроена в 1898 году благотворителем Борисом Алексеевичем Брусиловым и Ольгой Тимофеевной Поповой*» [30].

Судя по многочисленным свидетельствам, Борис Алексеевич был отнюдь не жадным человеком и помогал людям, если это требовалось. Так, например, обнаружена информация о его пожертвовании на организацию детских яслей для крестьянских детей при Преображенской церкви села Никулино Звенигородского уезда: «*получено от помещика Брусилова 35 рублей*» [41]. В создаваемую библиотеку в г. Воскресенске Брусилов передал книг на 600 рублей [15]. Кроме того, по воспоминаниям потомков приходского священника Алексия Смирнова, добрый барин неоднократно делал в семью батюшки ценные подарки.

Недавно удалось установить, что Б.А. Брусилов занимал различные общественные должности в Звенигородском уезде Московской губернии, где проживал. Информация об этом обнаружена в нескольких официальных справочниках и архивных делах, согласно которым он: в 1898–1907 гг. – попечитель земской школы в селе Бужарово [16]; в 1903–1910 гг. – член «*Совета Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице*» [15]; в 1912–1914 гг. – «*гласный Звенигородской уездной земской управы*» [17], [18]; в 1914 г. – председатель «*Сельско-хозяйственного общества в г. Воскресенске*» [18]. Приведенные сведения наверняка неполные, указаны лишь те года, которые явно прописаны в источниках (хотя не исключено, что он оставался на тех же должностях и более длительное время).

Теперь пора рассказать о членах семьи помещика. К сожалению, в «Формулярном списке» Б.А. Брусилова почти нет сведений личного характера. Там он о своей семье привел лишь такие слова: «*Женат на дочери помещика Херсонской губ. Рено девице Анне Николаевне, имею дочь Марию, род. 1888 февраль 14, и сына Алексея род. 1904 г. 17 мая. Жена и дети вероисповедания православнаго*» [21]. Дополнительные сведения пришлось искать в других источниках.

Про жену баронессу Анну Николаевну Рено известно следующее. Она была дочерью «*крупного землевладельца в Херсонской губернии барона Николая Осиповича Рено (1837–1886) и его супруги Юлии Григорьевны Соколовой (1838–1901)*» [29]. В документах пока не найдены достоверные сведения о дате ее рождения и времени венчания с Борисом. Судя по тому, что в записи о смерти Анны Николаевны, случившейся в 1916 году, сказано о 50-летнем возрасте почившей [38], можно предположить о ее рождении в 1866 году. А, исходя из даты появления на свет первого ребенка Марии, указанной в «Формулярном списке», бракосочетание видимо произошло не позже 1887 года. Выйдя замуж, Анна Николаевна взяла фамилию мужа и стала Брусиловой. Про этот брак брат Алексей отзывался так: «*Женившись "на деньгах", по расчету, который оказался верным, он* [Борис. – Авт.] *жил в счастливом браке* [...] *Она была украинкой, православная, но с французской фамилией, воспитанием и образованием. Рено были люди очень богатые. Борису повезло, ибо он совсем не знал своей невесты, был сосватан заочно, а получил исключительно милую, добрую, любящую жену, да еще ее мать и бабушку, которые буквально боготворили его и баловали, как родного сына*» [3].

В усадьбе Глебово проживала также мать Анны (теща Бориса) баронесса Юлия Григорьевна Рено. Здесь же она и скончалась в 1901 году, запись об этом обнаружена в метрической книге приходской церкви села Филатово: «[умерла] *27 июля;* [погребена] *2 августа. Коллежская Регистраторша Иулия Григорьевна Рено, вдова;* [возраст] *69 лет, от паралича сердца;* [погребена] *в Воскресенском (Новый Иерусалим) монастыре*» [37]. Могильная плита с захоронения Ю.Г. Рено сохранилась и недавно была выставлена на территории Новоиерусалимского монастыря вблизи крепостной стены. На ней помимо даты смерти указан год рождения баронессы – 1838.

Пора теперь остановиться на наследниках рода Брусиловых. О детях Анны Николаевны и Бориса Алексеевича известно, что их в браке родилось четверо, причем трое дожили до взрослых лет. Первым ребенком в семье была Мария, которая родилась в 1888 году 14-го февраля и умерла в том же году 13 декабря, в «Поминальнике» она записана как «*Маруся младенец*» [2]. Затем у Брусиловых родились еще две дочери – Ольга и Елена. Если о Марии нет сведений, где она появилась на свет, то для других дочерей это удалось установить – Санкт-Петербург. В метрических книгах Казанского собора обнаружены сведения, согласно которым Ольга родилась 15 декабря 1890 года (крещена 5 февраля следующего) [31], а Елена – 21 января (2 марта) 1893 года [32]. Четвертым ребенком в семье Брусиловых был сын Алексей. Согласно записи, сделанной в метрической книге Христорождественской церкви с. Филатово, он появился на свет 17 мая 1904 года (крещен 29 июня) [36].

Далее надо сказать несколько слов о материальном положении владельцев подмосковной усадьбы. Недавно в архиве обнаружено «Дело по опекунству над имуществом Брусиловой Анны Николаевны» [34], которое говорит о том, что усадьба Глебово с прилегающими землями неоднократно закладывалась в финансовых учреждениях. Напомним, что первый раз это случилось в 1894 году в Дворянском Земельном банке [22]. Как удалось Брусиловым еще раз перезаложить свое имение в другом месте – не совсем понятно. Возможно, была погашена первоначальная ссуда. Так или иначе, документы дела по опекунству, датированные 1916 годом, говорят о том, что «*После смерти ея* [Анны Николаевны. – Авт.] *в числе другого имущества остались две закладныя крепости: одна закладная, совершенная у Николаевскаго Нотариуса Исаченко 4-го октября 1908 года* [...] *в сумме 159040 р., а за частичными уплатами ныне в сумме около 100000 рублей. И другая закладная, совершенная у того же Нота-*

риуса Исаченко 23 сентября 1909 г. [...] *в сумме около 100000 рублей за частичными уплатами»* [34].

Общая сумма денег, полученных по трем перечисленным закладным – более 300 тысяч рублей, была очень значительной в начале XX века. И все они были потрачены, коль скоро Б.А. Брусилов в последние годы своей жизни постоянно нуждался в финансах. Когда и на какие цели были израсходованы десятки тысяч рублей – об этом прямо нигде не говорится, сведений о покупке Брусиловыми какой-либо крупной недвижимости или новых земель не обнаружено. Да, часть полученных по ссудам денег могла уходить на погашение предыдущих долгов. Но все равно должны были оставаться довольно значительные суммы. Куда они делись? Думается, что ответ на этот вопрос очевиден. Выше уже говорилось о больших затратах на подготовку в 1912 году полярной экспедиции племянника Георгия Львовича Брусилова. Как отмечалось, по разным источникам подмосковными родственниками было израсходовано на эти цели от 90 до 200 тысяч рублей. И тогда становится понятным, каким тяжелым ударом во всех смыслах оказалась пропажа шхуны в северных морях в 1914 году. Вполне возможно, что Борис Алексеевич при финансировании экспедиции залез в новые долги, рассчитывая все с лихвой покрыть будущими доходами от организованного акционерного общества, от выгодной продажи добытой на севере пушнины. В итоге же вышло все наоборот. Можно сказать, что перед семьей Брусиловых стояла мрачная перспектива финансового краха, банкротства и продажа имения с торгов.

Судя по обнаруженным документам, особенно тяжелыми для владельцев усадьбы Глебово стали последние два года перед революцией. Подтверждения этому имеются в хранящейся в архиве переписке генерала А.А. Брусилова со своей второй женой Н.В. Брусиловой, урожд. Желиховской (исследованием этой переписки занимается Надежда Александровна Родионова, спасибо ей за предоставленные выдержки из писем). В нескольких посланиях говорится о том, что Борис Алексеевич периодически просит своего брата Алексея дать ему деньги взаймы, которых у того в нужном количестве нет [23]. Сложность положения подтверждает одно из писем генералу, в котором сказано: «*Теперь относительно Бориса.* [...] *недоимок за ними больше 12 т.* [12000 рублей. – Авт.], *и что, если бы в этом деле не было замешано имя брата генерала Брусилова, то имение еще в прошлом году с молотка бы пошло, было бы продано. Теперь необходимо между 15 сентября и 1 октября* [1916 г.] *внести 6 т.* [6000 руб.], *это минимально, со всевозможными скидками и послаблениями во имя тебя»* [8].

К сожалению, в жизни нередко бывает, что за одной бедой вскоре приходит другая. Осенью того же года умерла жена. Официальная запись о ее смерти обнаружена в метрической книге Христорождественской церкви села Филатово за 1916 год: «[умерла] *20 сентября*; [погребена] *23-го. Действительнаго Статскаго Советника Бориса Алексеевича Брусилова жена Анна Николаева;* [возраст] *50 лет; от рака в поджелудочных железах;* [Где погребена] *в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре*» [38].

Выше уже приводилась цитата из дела по опекунству над имуществом умершей жены, где говорилось о двух непогашенных закладных на имение. В том же архивном деле имеется еще одна бумага, в которой сказано: «*Срок этим закладным истек. Кроме того 1 декабря 1916 года земля, заложенная по одной из этих закладных, назначена в публичную продажу в Земельном Банке в Одессе*» [34]. Удалось ли избежать или отсрочить продажу имущества с торгов – информации в деле нет. Но это уже и не так важно. То, что должны были продать с торгов, но возможно не успели сделать, вскоре отобрала Советская власть. Как видно – в любом случае не суждено было Брусиловым оставаться владельцами подмосковного имения, в котором было прожито много счастливых лет.

Жизнь семьи Брусиловых в советские годы

На смерти Анны Николаевны черная полоса в семье Брусиловых не закончилась. Вскоре в России произошла сначала Февральская революция, а потом Октябрьский переворот. В 1918 году после покушения на Ленина и убийства Урицкого (председателя Петроградского ЧК), в стране начались массовые аресты, был развернут кровавый «Красный террор». Среди многих других «представителей правящего сословия» были взяты под стражу братья Брусиловы (арестованы порознь). Вот что позже об этих событиях написал генерал: «*Мне рассказывали, что брат мой был болен и за час до ареста послал телеграмму в Москву с просьбой о докторе, так как сильный припадок грудной жабы его напугал. Вместо доктора явились чекисты и повезли его ночью, под дождем, в тряской телеге на станцию железной дороги для доставления в Москву, в Бутырскую тюрьму.* [...] *Слишком грустно было, конечно, что умер он в пересыльной тюрьме, в грязи, рядом с уголовными преступниками, ворами и бандитами, этот изнеженный, балованный барич и кристальной честности человек.* [...] *Жена моя и другие родственницы хлопотали о том, чтобы его перевести в тюремную больницу. Но когда это наконец разрешили, его под руки по-*

вели мой сын и Сергей Роман, то на пороге коридора и больницы он скончался. Когда на одну минуту, думая, что он в обмороке, его опустили на пол и бросились за носилками и доктором, то вернувшись Алеша и Сергей Роман застали его уже без сапог и без очень дорогих перстней, бывших у него на пальцах» [3].

В «Поминальнике» приведена дата смерти Бориса Алексеевича Брусилова – 17 сентября 1918 года (по старому стилю – 4 сентября) [19]. Он не дожил всего несколько дней до своего 63-летия. «*Тело Б.А. Брусилова было выдано родственникам: (в том числе дочери и племяннице, тоже находившихся в тюрьме, но выпущенных на следующий день после смерти) и с помощью чекистов перевезено в Новый Иерусалим для погребения в подготовленной по завещанию покойного могиле в бывшем его имении Глебово*» [26].

Где именно был похоронен Борис Алексеевич Брусилов? Казалось бы, ответ очевиден – в приводимой выше цитате четко говорится о «*могиле в бывшем его имении Глебово*». Но эти слова написаны в 1994 году и противоречат материалам архивного дела, где в одном из писем Н.В. Брусиловой, датированном 21 сентября 1918 года, сказано следующее: «*Тело его* [Бориса. – Авт.] *выдали и из Чрезвычайной комиссии была оказана помощь в хлопотах о доставлении его по железной дороге в Новый Иерусалим, т. к. там он заранее приготовил себе место для могилы*» [4]. В деле нет подробностей о конкретном месте на монастырском кладбище. Но думается, и так в основном все понятно. Нет никаких сомнений, что Борис Алексеевич хотел быть погребенным рядом с умершей за два года до этого женой Анной Николаевной. По мнению известного исследователя некрополя Воскресенского Новоиерусалимского монастыря В.В. Мурзина-Гундорова, захоронение Б.А. Брусилова было последним, произведенным на территории этой обители. О памятнике на могиле Бориса Алексеевича никаких сведений нет. Думается, что его и не было, как и на могиле его жены. Скорее всего, родственники ограничились установкой обычного православного креста, который до нашего времени не сохранился.

О дальнейшей судьбе детей Бориса Алексеевича известно немногое. После того как они остались полными сиротами и без средств к существованию, жизнь их стала особенно тяжела. Скорее всего, их вскоре выселили из барского дома, где они прожили всю свою жизнь. Есть сведения, что они некоторое время еще обитали в Глебово. По крайней мере, дядя-генерал писал про это так: «*Дети умершего брата Бориса болели, голодали,*

продавали, что удалось спасти от расхищения, что уцелело, ютились где-то на задворках своего бывшего имения, иногда я их видел» [3].

Некоторые сведения о детях Бориса Брусилова сообщаются на сайте «Николаев литературный» (к сожалению, первоисточники информации не указывается). Про сына Алексея Борисовича сказано: «*В 1922 году жил в Москве у своей двоюродной сестры Ксении Львовны Брусиловой и ее мужа – Бориса Иосифовича Доливо-Добровольского, где готовился к поступлению в Московский университет. Скоропостижно скончался в Москве 6 июня 1924 года от скоротечной чахотки*» [29]. О дочери Елене Борисовне на том же ресурсе говорится следующее: «*была замужем за Сергеем Михайловичем Романом (?-?), который был сыном Михаила Альфонсовича Романа (1837?-1899) и Варвары Григорьевны Соколовой (1842–1900). Небезынтересно, что Сергей Михайлович через свои родственные связи приходился двоюродным дядей своей жене Елене Борисовне. Сведений о детях, родившихся в этой семье, не обнаружено*» [29]. Сестры Ольга и Елена жили в Москве, по крайней мере, в 1920-е и 1930-е годы. Известен даже адрес, где они проживали в столице: «*Садовая-Каретная ул., дом 9, квартира № 3, Брусилова Елена Борисовна, Упр. РККА*» [13].

В «Поминальнике», который уже многократно ранее цитировался, имеется такая запись: «*Алеша умер, одну из сестер я устроил машинисткой в ремонтировании армии, а другая целыми днями на рынке продает последний скарб*» [2]. В данном кратком тексте не приводятся имена сестер, и не уточняется, кто это написал (кто есть «я»). Но скорее всего это сказано от имени дяди Алексея Алексеевича, который одно время служил в командном составе РККА, и, пользуясь этим, устроил племянницу Елену на работу.

В письмах жены генерала Н.В. Брусиловой встречаются сведения о тяжелом материальном положении племянниц, которые неоднократно обращались к ней за помощью, и она по возможности помогала. Например, в письме Ольги Борисовны Брусиловой, написанном в 1934 году, говорится: «*Простите, что я Вас снова беспокою. Но опять сложились такие обстоятельства, что только Вы и можете помочь нам. Бедная Лина* [домашнее имя сестры Елены Брусиловой. – Авт.] *в тяжелые минуты заложила 2 золотых крестильных креста, свой и Танечкин, и свое обручальное кольцо, и еще какую-то вещицу за сто рублей с чем-то и теперь она в крайне тяжелом положении, а осталось только 20 с чем-то дней, если она их не выкупит в течение этого срока, вещи пропадут. Жалование ее только сто с чем-то рублей, если она все отдаст, ей нечем будет жить и кормить себя и ребенка.* [...] *Я бы с радостью помогла бы ей, но на пять-*

десят рублей ничего не сделаешь в этом случае. Мне тоже очень тяжело самой, так как один хлеб мне стоит каждый день около двух рублей» [7].

О дальнейшей судьбе сестер Брусиловых пока не удалось найти достоверных сведений. По сведениям сайта «Российский Родословный Фонд» Ольга Борисовна скончалась 6 марта 1943 г., а Елена Борисовна умерла 10 марта 1976 г. [11,12]. Так ли это – сказать трудно, т. к. первоисточники не указаны, и проверить приводимую информацию затруднительно. Где сестры похоронены – пока не определено. Если к этому добавить, что не установлено и место погребения сына Алексея, а могилы Бориса Алексеевича и Анны Николаевны считаются утраченными, то получается, что на данный момент нет ни одного известного места захоронения членов этой семьи, которая по современным меркам считалась бы многодетной. Грустная история.

Говоря о потомках рода Бориса Брусилова, следует отметить, что нет информации о том, что были дети у его наследников – сына Алексея и дочери Ольги. Про другую дочь – Елену – уже было сказано выше: «*Сведений о детях, родившихся в этой семье не обнаружено*» [29]. Но это, к счастью, оказалось не так. Судя по материалам переписки генерала с женой, у Елены Борисовны Брусиловой была дочь Таня [7]. Но эти сведения относятся к возрасту, когда та была еще девочкой (в одном из писем, датированном 1934 годом, сказано, что «*ей в феврале будет 6 лет*» [9]). Дожила ли Татьяна до взрослых лет, вышла ли замуж, были ли у нее дети – информации об этом не обнаружено. Но вот что можно сказать точно, так это то, что с момента назначения настоятелем Казанской церкви с. Глебово священника Александра Чепрасова (в 2003 году), к нему никто из потомков владельцев усадьбы не обращался.

В завершении хотелось бы остановиться на вопросе: осталась ли в народе память о последних владельцах усадьбы Глебово, сохранились ли какие-либо их личные вещи? Да, в бывшем имении уцелело много старых деревьев приусадебного парка, сохранились три перестроенных строения от бывшей усадьбы. А вот сельцо, прежде имеющее в своем названии фамилию владельцев, давно уже называется просто Глебово. Если говорить о каких-либо предметах, связанных с именем Брусилова, то несколько старых вещей – подарков помещика – сохранились у потомков новомученика Алексия Смирнова. А в музее при Христорождественском храме села Филатово выставлена богослужебная книга, на одной из страниц которой имеется надпись, сделанная рукой батюшки: «*сия книга подарена Борисом Алексеевичем Брусиловым 1909 года января 28 дня*». Следует добавить,

что в архивах сохранилось несколько бумаг, написанных рукой помещика, и имеется много документов, подписанных им в качестве церковного старосты. И это, пожалуй, все, что касается предметов и вещей, с которыми соприкасался Б.А. Брусилов.

Если же говорить о памяти народной, то некоторым краеведам, историкам, музейным работникам и местным старожилам конечно известно имя последнего владельца усадьбы Глебово. Но таких людей, увы, не так много. И видимо потому даже среди официальных лиц находятся такие представители, которые считают, что имение принадлежало генералу А.А. Брусилову. Что же тогда говорить про большинство людей, особенно молодежь? Да, Борис Алексеевич Брусилов не прославился в обществе настолько, как его брат военачальник Алексей Алексеевич. Но ведь он тоже защищал Родину, немало сделал полезного для общества, помогал многим людям, в том числе простым крестьянам. И, думается, заслужил установки памятной доски или бюста в бывшем имении, где провел последнюю треть своей жизни.

Краткая биография Б.А. Брусилова

Как уже говорились – биографией Бориса Алексеевича Брусилова никто прежде не занимался. И он сам в «Формулярном списке» описал в основном только свою военную карьеру. Из тех сведений, которые удалось собрать из разных источников, можно составить список основных событий в жизни Б.А. Брусилова, даты которых удалось установить:

1855, 15 сент. – г. Тифлис, у Алексея Николаевича и Марии-Луизы Антоновны родился сын Борис.

1869–1874 (примерно) – г. Санкт-Петербург, учеба в Пажеском корпусе.

1874, 28 февраля – зачислен в действующую армию «*в 13 Л.-Гв. Эриванский полк*».

1874–1876 – учеба в Ставропольском юнкерском училище, по окончании – «*портупей-юнкер*».

1876, 10 декабря – зачислен в «*прапорщики в 18 драгунский Переславский полк*».

1877, 30 августа – награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

1879–1881 (примерно) – серебряная медаль «В память русско-турецкой войны 1877–1878».

1880, 26 августа – награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

1881, 24 марта – произведен в поручики.

1881, 17 июня – награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами.

1881 (примерно) – серебряная медаль «За взятие штурмом Геок-Тепе».

1882, 8 июля – награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

1887, 26 февраль – произведен в штабс-ротмистра.

1887 или ранее – женитьба на баронессе Анне Николаевне Рено.

1888, 14 февраля, 13 декабря – рождение и смерть дочери Марии.

1888, 9 декабря – награжден орденом св. Анны 2 степени.

1889, 14 декабря – уволен из армии, присвоен чин Титулярного советника, переезд в Санкт-Петербург.

1890, 16 января – определен на службу в МВД в Главное тюремное управление.

1890, 11 марта – произведен в Коллежские асессоры.

1890, 15 декабря – г. Санкт-Петербург, рождение дочери Ольги.

1891, 29 ноября – назначен попечителем Свято-Троицкого Богадельного дома в Ораниенбауме.

1891, 24 декабря – отчислен от МВД «*за истечением срока*».

1892–1894 (примерно) – покупка имения в с. Глебово Московской губернии.

1893, 21 января – г. Санкт-Петербург, рождение дочери Елены.

1894, 11 марта – произведен в Надворные советники.

1894 – заложено имение Глебово, получена ссуда в 54000 руб.

1894 – открытие кирпичного завода в имении Глебово на 6 рабочих.

1895, 11 декабря – 1916 (1918?) – с. Глебово, церковный староста Казанской церкви.

1898, 11 марта – произведен в Коллежские советники.

1898 – избран попечителем земской школы в селе Бужарово.

1899, 8 декабря – награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

1902, 11 марта – произведен в Статские советники.

1903–1910 – действительный член Совета благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице.

1904, 17 мая – с. Глебово, рождение сына Алексея.

1905, 6 декабря – произведен в Действительные статские советники.

1906 – на средства Б.А. Брусилова на Филатовском кладбище построена новая часовня вместо ветхой деревянной.

1907 – пожертвование 300 рублей на расширение приходского Филатовского кладбища.

1908, 4 октября и 1909, 23 сентября – в банке г. Николаев дважды заложено имение Глебово.

1910 – пожертвовал книги (на 600 рублей) в организуемую в г. Воскресенске библиотеку-читальню имени А.П. Чехова.

1911–1912 – финансирование подготовки полярной экспедиции племянника Г.Л. Брусилова.

1912–1914 – гласный Звенигородской уездной земской управы.

1914 – председатель сельско-хозяйственного общества в г. Воскресенск.

1916, 20 сентября – с. Глебово, смерть жены Анны Николаевны.

1918, 4/17 сентября – г. Москва, смерть Бориса Алексеевича в Бутырской тюрьме.

Список источников и литературы:

1. Архив музейно-выставочного комплекса «Новый Иерусалим». Ф. 4. Оп. 1. Д. 68. Л. 14. Об.

2. Богданов, С. Поминальник Е.К. Брусиловой [Электронный ресурс] /С. Богданов, М. Катин-Ярцев, В. Лупанова, А. Шумков. – Режим доступа: http://www.vgd.ru/VESTNIK/4vest2.htm. – Заг. с экрана.

3. Брусилов, А.А. Мои воспоминания [Текст] /А.А. Брусилов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.

4. ГАРФ. Ф. А353 Оп. 2. Д. 468. Л. 14.

5. ГАРФ. Ф. А482 Оп. 13. Д. 357. Л. 1–11.

6. ГАРФ. Ф. А482 Оп. 18. Д. 63. А. Л. 3–4.

7. ГАРФ. Ф. 5972 Оп. 1 Д. 33. Л. 2–3.

8. ГАРФ. Ф. 5972 Оп. 3 Д. 60. Л. 75–78.

9. ГАРФ. Ф. 5972 Оп. 3 Д. 73. Л. 34–35.

10. «Два капитана». Капитан Татаринов и лейтенант Георгий Брусилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/2333629/post257315527. – Заг. с экрана.

11. Елена Борисовна Брусилова //Российский Родословный Фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rgfond.ru/rod/18842?open=/person/18840. – Заг. с экрана.

12. Ольга Борисовна Брусилова //Российский Родословный Фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rgfond.ru/rod/18842?open=/person/18841. – Заг. с экрана.

13. Жильцы Москвы 1926 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apartment.ru/Article/48799112.html. – Заг. с экрана.

14. Истринская земля [Текст]. – М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – С. 273.: ил. – (Энциклопедия сел и деревень Подмосковья).

15. Отчет Благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебницы Звенигородскаго уезда. Год 14-й [Текст]. – М., 1911. – С. 17, 27.

16. Отчет Звенигородскаго уезднаго училищнаго Совета за 1905–1906 учебный год. С приложением списка личнаго состава школ [Текст]. – М., 1907. – С. 32.

17. Памятная книжка Московской губернии на 1912 год [Текст]. – М, 1911. – С. 213.

18. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год [Текст]. – М, 1913. – С. 259, 267.

19. Парк усадьбы Глебово-Брусилово включен в государственный реестр объектов культурного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://истра.рф/news/view?id=1315 . – Заг. с экрана.

20. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 13505. Л. 6. Об. 12.

21. РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 482. Л. 1–8.

22. РГИА. Ф. 593. Оп. 12. Д. 1930. Д. 1–45.

23. Родионова, Н.А. Переписка генерала А.А. Брусилова с женой Н.В. Брусиловой, 1914–1917 гг. [Текст] /Н.А. Родионова //Исторический архив, 2016. – № 5. – С. 130–156.

24. Рунов, В.А. Генерал Брусилов. Лучший полководец Первой мировой войны [Текст] /В.А. Рунов – М., Эксмо, Яуза, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litmir.co/br/?b=219963 . – Заг. с экрана.

25. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Том 12. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»: в 3 кн. [Текст] /ред. Н. Никандров. Книга 1. М., 2005. – С. 119, 148; Книга 2. М., 2006. – С. 50, 90; Книга 3. М., 2007. – С. 29.

26. Соколов, Ю.В. Красная звезда [Текст] /Ю.В. Соколов – М.: Россия молодая, 1994. – С. 10, 109.

27. Троицкий, В. Подвиг штурмана Альбанова [Текст] /В. Троицкий. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ivki.ru/kapustin/journal/albanov01.htm . – Заг. с экрана.

28. Успенский, В.Д. Тайный советник вождя [Текст] /В.Д. Успенский. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С. 59. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://profilib.net/chtenie/42474/vladimir-uspenskiy-taynyy-sovetnik-vohdya-59.php . – Заг. с экрана.

29. Христенко, В.Н. Николаевские адмиралы [Электронный ресурс] /В.Н. Христенко, доцент, к.т.н. – Режим доступа: http://litnik.org/index.php/spetsialnye-vypuski-hurnala/nikolaevskie-admiraly-a-k . – Заг. с экрана.

30. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18 Д. 4 Л. 151.

31. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 127. Д. 78. Л. 12. Об.

32. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 127. Д. 267. Л. 23 Об.

33. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 3 . Д. 552. Л. 113. Об-114.

34. ЦИАМ. Ф. 49. Оп. 3. Д. 445. Л. 1.
35. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 604. Д. 6. Л. 10. Об.
36. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 3309. Л. 198. Об. 199.
37. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 2363. Л. 147. Об-148.
38. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 780. Д. 4743. Л. 273. Об.
39. ЦИАМ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 3559. Л. 1–29.
40. ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 84. Л. 137–145. Об.
41. Ясли в селе Никулине Воскресенскаго участка //Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии. – 1904. – № 1. – С. 65–68.

О.С. Андрюхина

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК ГОРОДА ДЕДОВСКА

Перед тем, как изложить основные вехи развития библиотечного обслуживания жителей нашего города, следует дать краткую характеристику его происхождения и особенностей местного сообщества, поскольку специфика жизни и деятельности населения, а также географических условий каждого региона во многом определяют направления информационной и культурно-просветительной работы.

Подмосковное поселение Дедовск возникло немногим более 100 лет назад – в 1913 году, когда была построена Дедовская прядильно-ткацкая фабрика – одна из самых крупных и современных мануфактур того времени (ныне ПО технических тканей). Соответственно успешному производству рос и развивался рабочий поселок, переименованный в 1940 году в город Дедовск. Его название происходит от сельца Дедово (Дедково), находившегося в восточной части нынешней улицы Набережная Речфлота.

Ныне Дедовск – город, являющийся административным центром в составе городского округа Истра Московской области России. Население – 29 558 человек (по данным 2017 г.). Он находится в 38 км к северо-западу от Москвы (от нулевого километра), в 18 км от МКАД, в 20 км от районного центра – Истры, на Волоколамском шоссе. На территории города находятся три остановки Рижского направления Московской железной дороги: платформа Малиновка, станция Дедовск и платформа Миитовская.

За несколько лет до преобразования в город посёлок Дедовск включал в себя следующие населенные пункты: посёлок рабочих кирпичного завода Аксеновка (р-н нынешней ул. 1-й Волоколамской), посёлки РЖСКТ (рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества), Виленино (вероятно, от В.И. Ленин), Красный Уголок, Кавказ, Пролетарский, Обручаевка, Дедово, хутор Рождествено, станцию Гучково. В итоге 7 октября 1940 года этот конгломерат был преобразован в город Дедовск, который долгое время называли Гучково (по одноимённой станции, переименованной в Дедовск лишь в 1965 году).

Вместе со всем Подмосковьем город развивался: строились дома, школа, ясли. Библиотека в Дедовске была организована с момента присвоения Дедовску статуса города. В первое время она размещалась в деревянном доме на улице Клубная дом 5. Лишь в 1962 году её переместили в кирпичный дом на улице Клубная дом 3. Библиотека занимала в подъезде жилого дома весь 1-й этаж. Но всё равно этой площади было недостаточно для успешной работы, так как там действовали уже две библиотеки: детская и взрослая. Первой заведующей с 1940 года по 1965 год была Галина Ефимовна Говорун. Она стала инициатором открытия библиотеки № 2 на общественных началах. В первые годы открытия Дедовской библиотеки в фонд поступала в основном антирелигиозная, политическая литература, немного художественной и литература по выращиванию овощных и плодовых культур. Записи в инвентарных книгах библиотеки № 1 ведутся с 1941 года.

В 1941–1945 годах фонд библиотеки составлял примерно 2000 книг, а мероприятия, проводимые тогда в ней, включали в себя книжные выставки-обзоры, обсуждения политических, революционных и партийных изданий.

Обеспечение необходимой политической литературой воинских частей, находившиеся в городе, в годы войны было новым, приоритетным направлением работы. После войны комплектование библиотеки улучшилось, стали поступать художественные книги, в том числе и детские. В основном, конечно, это была литература политического содержания. Как и весь Советский Союз библиотеки участвовали в выполнении планов пятилеток. Увеличить количество читателей, пропагандировать чтение, проводить совместные мероприятия с предприятиями города по обзору новых поступлений, агитации идти на выборы всей семьей.

С 1965 по 1981 год библиотеку возглавляла Тамара Георгиевна Ким. К этому времени фонд уже достиг более 40 тысяч экземпляров. Исполком Дедовского горсовета принял решение о строительстве нового здания библиотеки. В 1977 году библиотека переехала в новое помещение: первый этаж дома № 5 на улице Гагарина. Здесь смогли более свободно разместиться и детская библиотека, и городская библиотека № 1. Общая площадь библиотек около 800 кв. м. В библиотеке № 1 площадью 470 кв. м имеются два книгохранилища, большой читальный зал, абонемент, просторный холл. Тамара Георгиевна вела активную работу с читателями: проходили книжные выставки, литературные обзоры, беседы-обсуждения.

Стали устраиваться встречи с участниками ВОВ, ветеранами труда. Проводились библиографические уроки.

В 1981–1985 годах библиотекой заведовала Надежда Михайловна Антипова, а в 1986–1997 годах – Наталья Дмитриевна Лысенко. Работа в библиотеке в эти годы существенно не изменилась, особых нововведений не было, работа велась четко и слаженно, направлялась на увеличение количества читателей и книговыдачи.

С 1997 по 2015 год библиотеку возглавляла Тамара Васильевна Тимошенко. Фонд библиотеки составлял 44000 книг и 28 наименований журналов, газет – более 10 наименований (в то время 1/3 фонда составляла политика). Библиотека участвовала в областном конкурсе «Летописи городов и сел Подмосковья», была составлена «Летопись города Дедовска», занявшая 3-е место. Тамара Васильевна организовывала встречи с писателями, конкурсы чтецов и встречи с ветеранами ВОВ, большую работу проводили со школами – к юбилеям писателей и памятным датам.

На базе нашей библиотеки проводились областные семинары. Библиотека № 1 стала устраивать выездные мероприятия в центр «Милосердие», где для пожилых отдыхающих, которые ввиду проблем со здоровьем не могли посещать библиотеку самостоятельно, проводили поэтические и литературные вечера.

С июля 2017 года заведует библиотекой № 1 Ольга Сергеевна Андрюхина.

В городской библиотеке № 1 ведется активная работа со взрослым населением города. Действуют несколько клубов: литературно-музыкальный «Лира», клуб краеведов – «Дедовская сторонка», творческий – «Рукодельные чудеса». Наша библиотека старается соответствовать современным тенденциям, комплектоваться качественной актуальной литературой и проводить мероприятия, которые интересны нашим читателям и жителям города: творческие вечера, конкурсы чтецов, кинолектории, уроки мужества, литературно-музыкальные вечера, поэтические гостиные, встречи с писателями и многое другое.

Библиотека продолжает добрую традицию сотрудничества с центром «Милосердие». Участвуем в краеведческих конференциях, развиваем краеведение. Фонд библиотеки № 1 в конце 2017 года составил 30742 (29568 книг и 1167 подписных периодических изданий).

Записи в инвентарных книгах детской библиотеки ведутся с 1 января 1943 года. До переезда в новое здание в 1977 году детская библиотека занимала одну комнату, поэтому читального зала не было, для ребят города

мероприятия проводить было просто негде, но библиотекари старались сделать интересные книжные выставки и проводить беседы. Для будущих пионеров и октябрят готовили информационные встречи «Расти Ленинцем!», с подготовкой для них рекомендательных списков книг. Заведовала детской библиотекой с военного времени до 60-х годов Анна Ивановна Шмидт, ее вспоминают как очень добрую, горящую своим делом. В следующие годы библиотеку возглавляла Мария Яковлевна Прокина, а в 1970–1982 годы – Ковалёва Нина Петровна. Под её руководством и при активном участии в 1977 г. произошел переезд в новое здание.

В 1982–1994 годах заведующей детской библиотекой была Надежда Григорьевна Егорова. Велась колоссальная работа с детьми, литературные игры, викторины, встречи с писателями и различные мероприятия к памятным и юбилейным датам. С 1994 по 2008 год библиотеку возглавила – Наталья Владимировна Мартынова.

Детская библиотека активно ведет работу с воспитанниками детских садов и учениками школ города, проводит различные литературные игры и викторины, конкурсы, встречи с писателями. Действует клуб «Читайка». Юные читатели с удовольствием участвуют в творческой жизни библиотеки, находят в книгах и журналах ответы на многие вопросы.

Городская библиотека № 2 начала своё существование на общественных началах в частном доме на ул. Пушкинской. В 1978 году была «взята под крыло» городом. В 1980 году библиотека переехала в новое помещение по адресу: ул. Керамическая, д. 26. Это трёхкомнатная квартира на первом этаже жилого дома.

Первой заведующей стала Любовь Ивановна Плечко, при ней библиотека № 2 активно вела массовую работу, проходили литературные беседы, книжные обзоры, Любовь Ивановна ходила на предприятия. Организовала клуб «Любава», в котором регулярно проходили встречи и творческие вечера, на которые с удовольствием приходили читатели и жители микрорайона. Традиционно заканчивались встречи чаепитием.

В 2012 году Любовь Ивановну сменила Барабанова Инна Александровна. Она и сейчас продолжает трудиться, ведет активную работу со школьниками и взрослым населением: конкурсы чтецов, информационные часы, творческие конкурсы.

Популяризации чтения среди жителей нашего города способствует подписка МУК «Дедовская ЦБС» на электронную библиотеку ЛитРес, предоставляющую дистанционный доступ к большому количеству популярной литературы.

С 1 января 2008 года все три городские библиотеки объединили в Муниципальное учреждение культуры «Дедовская централизованная библиотечная система», которое возглавляет директор Наталья Владимировна Мартынова. Она ведет активную работу по привлечению читателей, организует и проводит литературные мероприятия и викторины в детской библиотеке, участвует в проведении концертов и творческих вечеров в библиотеке № 1.

Комплектование фонда новыми книгами и периодическими изданиями в сегодняшние дни довольно сложная проблема, ведь финансирование урезают, а противопоставить ресурсам интернета устаревающую литературу довольно тяжело, поэтому дирекция ЦБС старается распределять выделенные средства таким образом, чтобы все три библиотеки системы комплектовались равномерно и по возможности актуальными изданиями.

Кроме того, все структуры ЦБС сотрудничают с детскими садами, школами и советом ветеранов города Дедовска: проводим совместные мероприятия, устраиваем встречи, представляющие обоюдный интерес для нашего социального партнерства, стараемся соответствовать современным требованиям и перенимать успешный опыт коллег в проведении тех или иных мероприятий и организации внутренней работы.

О.В. Анискина

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ТРОПА В ВОСКРЕСЕНСК

Я представляю Истринскую центральную районную библиотеку им. А.П. Чехова, одну из старейших библиотек Подмосковья. В январе 2017 года нам исполнилось 106 лет.

Краеведение, которым мы активно занимаемся, является одним из важнейших направлений деятельности учреждения. Судьбе было угодно привести в наши места многих известных людей, в том числе и Михаила Лермонтова. О работе библиотеки, связанной с этим событием, я и хочу сегодня рассказать.

Истра – небольшой город на северо-западе Подмосковья, расположенный на берегах реки с таким же названием. До 1930 года он назывался Воскресенском. История его возникновения уходит вглубь веков и насчитывает более четырех столетий. В середине XVII века деревни, расположенные на берегах Истры, стали сливаться с ремесленными слободами, возникшими в наших местах в связи со строительством Святейшим Патриархом Никоном Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря. Окрестности по повелению Патриарха получили названия, соответствующие Палестинским первообразам. По замыслу Патриарха, который поддержал царь Алексей Михайлович, эти места и сам монастырь, явившиеся точной копией Святых мест в Палестине, должны были стать вещественным олицетворением государственной идеи – «Москва – Третий Рим». Ново-Иерусалимский монастырь стал одним из крупнейших центров паломничества.

Известно, что в 1830 году посетил Ново-Иерусалимский монастырь 15-летний Михаил Лермонтов. Летом 1830 года Михаил вместе с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, проводит летние вакации в подмосковное имение родственников Середниково. В середине лета семья получает трагическое известие о гибели брата бабушки Николая Алексеевича Столыпина. Елизавета Алексеевна решает предпринять паломниче-

ские поездки для поминовения усопших к трем ближайшим монастырям: Троице-Сергиевой лавре, Ново-Иерусалимскому и Саввино-Сторожескому монастырям.

Поездка в Новый Иерусалим пришлась на начало Успенского поста 14 августа 1830 года. На этот факт биографии поэта обратила внимание художник-график, член Союза художников СССР, исследователь художественного наследия Михаила Юрьевича Лермонтова Людмила Николаевна Шаталова.

Приехав в город в середине 50-х годов прошлого века, она влюбилась в наши места, много их рисовала. Поэзия Лермонтова – это другая ее любовь, родившаяся еще в юности. Но обратилась к исследованию рисуночного наследия любимого поэта она уже зрелым, состоявшимся художником и посвятила этой работе около тридцати лет. Именно поэтому в Истре невозможно говорить о поэте Лермонтове, не вспомнив Людмилу Николаевну – она открыла для нас Лермонтовскую тропу в Воскресенск. Материалы ее исследований публиковались в местной газете, а также в газетах и журналах Москвы и Подмосковья, вызывая неизменный интерес читателей.

Статья Людмилы Николаевны Шаталовой «Сия священная обитель» была включена истринским краеведом Валерием Николаевичем Жуковым в 3-х томник «Об Истре с любовью». Сведения о посещении Лермонтовым Ново-Иерусалимского монастыря можно найти также в книге Елены Николаевны Фадичевой «Художник Михаил Лермонтов».

Мы храним картотеку статей Людмилы Николаевны Шаталовой о ее исследованиях лермонтовских рисунков. В настоящее время завершена работа по составлению указателя статей Шаталовой. Мы получили согласие на помощь в этой работе Елены Николаевны Фадичевой – давнего друга Людмилы Николаевны, много лет сотрудничавшей с художницей в области исследований рисунков Лермонтова.

Поставлена также задача – собрать исследовательские материалы, статьи и рабочие таблицы Людмилы Николаевны Шаталовой о расшифровке рисунков Лермонтова. Думаем, что они представляют интерес как для исследователей творчества М.Ю. Лермонтова, так и для широкого круга читателей.

Работая с нашими архивами, мы выявили около 40 статей Людмилы Николаевны, опубликованных в местной газете. Эти публикации стали результатом серьезной работы художника-исследователя с привлечением большого количества исторических документов, воспоминаний, писем

современников. Рисунки, особенно расположенные на полях рукописей, рассматривались в тесной связи с текстом стихотворений, написанных в это же время.

Людмила Николаевна обратила внимание на запись на полях одного из черновиков 1830 года, где было указано «Написано на стенах жилища Никона. 1830 год». Жилище Никона – это скит или отходная Богоявленская пустынь. Взирая на это место, охваченный размышлениями о собственной жизни и жизни Патриарха Никона, полной испытаний и невзгод, поэт пишет здесь несколько стихотворений.

Наша библиотека бережно хранит память о Людмиле Николаевне Шаталовой. Она много работала у нас и подарила библиотеке портрет М.Ю. Лермонтова, а также совершенно уникальную вещь: фотографию двадцатикратно увеличенного «Вадимого листа»: листка бумаги, найденного под обложкой юношеского романа «Вадим», густо испещренного рисунками поэта. Многократно увеличенный «рабочий» вариант листа, с которым работала Людмила Николаевна, раскрыл ей множество тайн. Она определила в нем 20 сюжетов, отражавших и события личной жизни поэта, и ставших одновременно сюжетами его произведений. А лист с легкой руки Людмилы Николаевны стали называть «Вадимовым».

Эти дары положили начало нашей коллекции. Одновременно с большой исследовательской работой, связанной с расшифровкой рисунков Лермонтова, Людмила Николаевна создала целую галерею собственных портретов поэта, а также других картин на темы лермонтовского Воскресенска. На торжественном вечере, посвященном 100-летию Л.Н. Шаталовой в 2016 году, ее дочь Наталья Васильевна Полторацкая передала нам коллекцию работ художницы.

Таким образом, библиотека стала обладательницей «Галереи лермонтовских образов». Эта выставка по традиции занимает свое место в выставочном пространстве нашей библиотеки 14 августа – в день посещения Михаилом Лермонтовым нашего города, а также в день рождения Людмилы Николаевны Шаталовой.

Она щедро делилась с жителями района и своим художественным творчеством, и исследованиями рисуночного творчества Лермонтова: это были статьи в местной газете, выставки, выступления в школах и клубах. В гости в Истру приезжали и члены Лермонтовской ассоциации. За работу по популяризации творчества Лермонтова и значительный вклад в культурную жизнь района Людмила Николаевна была удостоена звания Почет-

ный гражданин города Истры. Её статьи и картины вызывали живейший интерес у всех поклонников творчества М.Ю. Лермонтова.

Взяв за основу материалы о посещении Лермонтовым Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря, я создала 2-часовую авторскую экскурсию. Она получила название «Паломник Лермонтов» и проходит по тем местам, по которым обычно двигались паломники к монастырю. Описание этого путешествия сохранилось в воспоминаниях Екатерины Сушковой, а дорогу подробно описал в своей книге «Путешествие по Святым местам в 1830 году» Андрей Николаевич Муравьев, который посетил Новый Иерусалим в 1830 году несколькими днями ранее поэта.

В дни памяти М.Ю. Лермонтова в июле 2017 года такая экскурсия была проведена для жителей города, одновременно в нашей библиотеке демонстрировался документальный фильм о М.Ю. Лермонтове.

Впечатления, полученные Михаилом Лермонтовым при посещении Ново-Иерусалимского монастыря, нашли отражение в нескольких стихотворениях. Людмила Николаевна убедительно доказала, что эти впечатления оказали влияние на целый ряд других произведений поэта: поэма «Мцыри», «Боярин Орша», 3-я редакция поэмы «Демон» и сохранялись в памяти поэта до конца жизни.

В 2017 году у Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова сложились интересные творческие связи с Московским Лермонтовским обществом. Мы приняли участие в работе «круглого стола» «Лермонтовское наследие в XXI веке: образовательный и просветительский аспекты», прошедшего 20–21 мая 2017 года. Его организаторы – директор библиотеки № 76 им. М.Ю. Лермонтова в г. Москва Галина Альбертовна Киреева и председатель Московского Лермонтовского общества Александр Александрович Сахаров. Затем мы стали представлять свою популяризаторскую работу по продвижению творческого наследия поэта на заседаниях общества. В декабре 2017 года был подписан договор о творческом сотрудничестве нашей библиотеки и Московского Лермонтовского общества. Это позволило проводить еще более интересные мероприятия: встречи с авторами книг о Лермонтове, исследователями его биографии.

В день рождения поэта в октябре 2017 года наша библиотека приняла участие в V Межрегиональной акции «День Лермонтовской поэзии в библиотеке».

Это мероприятие собрало большое количество молодых истринцев, которые читали стихи Лермонтова, приняли участие в большой литературной викторине. Победители конкурса чтецов и викторины были на-

граждены благодарственными письмами, а сама библиотека удостоена диплома участника Межрегиональной акции «День Лермонтовской поэзии в библиотеке».

В наших планах привлечение возможно большего количества молодых читателей и всех, кому близко творчество великого поэта. Мы рады провести вас по Лермонтовской тропе в Воскресенске.

В.В. Королевич

БИБЛИОТЕКИ С ИМЕНЕМ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РАЙОНА

Я представляю Истринский городской округ Московской области. Эта территория расположена на северо-западе Подмосковья, известна всем благодаря Ново-Иерусалимскому монастырю, который был основан патриархом Никоном в XVII веке. Туристический потенциал нашего края огромен, а я буду говорить о роли библиотек и их вкладе в культурную среду региона. В районе 32 библиотеки, а имена носят две библиотеки.

Истринская центральная районная библиотека им. А.П. Чехова и Покровско-Рубцовская библиотека им. С.Т. Морозова. Первой имя было присвоено со дня основания, и с этим именем она существует уже 105 лет. А имя Саввы Тимофеевича Морозова библиотеке было присвоено в 2003 году решением районного Совета депутатов. Этому предшествовала краеведческая и исследовательская работа, связанная со сбором материалов по усадьбе Покровское-Рубцово, жизни предпринимателя – революционера С.Т. Морозова и его семье. Люди, чьи имена носят библиотеки нашего района, Чехов и Морозов, были дружны на протяжении ряда лет. Ведь С.Т. Морозов был меценатом театра, где ставились пьесы А.П. Чехова. В усадьбе Покровское-Рубцово, которой владел С.Т. Морозов (точнее его жена), Чехов гостил с О.Л. Книппер.

Когда произошла первая встреча Антона Чехова и Саввы Морозова, достоверно не установлено, уже к середине 80-х годов XIX века они были знакомы. Знакомство состоялась через братьев наших героев – оба учились в Училище живописи, ваяния и зодчества и были знакомы с Исааком Левитаном. В молодой дружеской компании художников и их друзей бывал и Савва Морозов. Их мог разделять и неравный статус, имея в виду материальное положение, которое было весьма не одинаковым...

Новый виток отношений Чехова и Морозова пришелся на канун создания Московского Художественного театра. Разумеется, не все было гладко

в отношениях Чехова и Морозова, были и столкновение мнений. Савву Морозова раздражала проза Чехова, он считал ее вялой, по-интеллигентски хлипкой. Чехову же не по душе было, что Морозов слишком активно вторгается в творческую «кухню» работы театра над «Вишневым садом». В октябре 1903 года он пишет жене: «Морозов хороший человек, но не следует подпускать его близко к существу дела. Об игре, о пьесах, об актерах он может судить как публика, а не как хозяин или режиссер». Когда возникали недоразумения между Морозовым и Чеховым, сгладить их всегда старалась жена Морозова Зинаида Григорьевна. Именно благодаря ей мы знаем подробности посещения Чеховым усадьбы Покровское-Рубцово. С Книппер её связывала крепкая женская дружба.

13 мая 1905 года Савва Тимофеевич был найден мертвым в каннских апартаментах. А годом ранее, 15 июля 1904 года в немецком городе Баденвейлер ушёл из жизни Антон Павлович Чехов.

Такова краткая история отношений наших героев, имена которых носят библиотеки теперь уже городского округа.

Наша библиотека носит имя А.П. Чехова с момента её основания в 1911 году. Еще студентом Московского университета впервые появился Антон Чехов в Воскресенске (так назывался наш город до 1929 года). Он приехал к своему брату Ивану, который получил место учителя в церковно-приходском училище. С местом ему полагалась большая и просторная квартира, которая для семьи Чеховых, живущих в Москве скудно и тесно, была настоящей находкой. Здесь он проходил практику и работал врачом под руководством Павла Арсеньевича Архангельского. Именно он, Архангельский, на заседании Благотворительного общества в 1910 году предложил учредить в городе читальню и присвоить ей имя А.П. Чехова в честь его 50-летнего юбилея. Под руководством этого человека проходило становление Чехова как писателя и врача. Многие из рассказов этого периода жизни вошли в золотой фонд русской литературы. Ведь Чехов был один из первых членов этого общества и поддерживал связь с городом всю свою жизнь. Истра (Воскресенск) как «чеховское» место известна ученым-чеховедам по «бабкинскому» периоду (ныне утраченное имение, где Чехов провел три счастливых лета). Большинство читателей связывает имя Антона Павловича Чехова с такими городами как Таганрог, Москва, Ялта, а также Мелехово и, конечно, Сахалин, а ведь в Истре (Воскресенске) были написаны такие рассказы как «Хирургия», «Ведьма», «Дочь Альбиона», «Налим», «Верочка», «Хамелеон», «Детвора» и многие другие. (В течение семи лет А.П. Чехов приезжал на лето в Воскресенск).

Наша библиотека входит в сообщество библиотек, носящих имя А.П. Чехова, которое возглавляет библиотека города Таганрога. С марта 2013 года Истринская центральная районная библиотека им. А.П. Чехова состоит в Международном сообществе чеховских музеев и библиотек. Сотрудники библиотеки являются членами Международного Лермонтовского сообщества. Вся работа библиотеки направлена на формирование в её стенах культурно-просветительского центра чеховедения в нашем районе. В библиотеке создан Чеховский центр (2015 г.), который хранит, собирает и активно пропагандирует историю жизни и творчества писателя. На базе Чеховского центра работает Чеховская гостиная, которая продолжает традицию проведения литературно-музыкальных вечеров в имении Киселевых в Бабкино, где собирались музыканты, художники, поэты. Здесь проходят выставки, обзоры, беседы, чтения, конференции, концерты. Перед читателями и сотрудниками библиотек выступают чеховеды, такие как Алевтина Павловна Кузичева, биограф семьи Чеховых, автор книг об А.П. Чехове, сотрудник Дома-музея им. Чехова Эрнест Орлов проводит лекции для читателей, сразу после того как они прочитаны в музее.

Наша библиотека была открыта в честь 50-летия со дня рождения А.П. Чехова, поэтому чеховские юбилеи и юбилеи библиотеки – постоянная живая и интересная работа. Пять сотрудников библиотеки награждены медалями к 155-летию со дня рождения А.П. Чехова. «Чеховские чтения» стали ежегодным районным мероприятием, в котором участвуют все библиотеки, школы и другие учебные заведения района. В день рождения Чехова проходит очень интересное, как мы выяснили, для жителей нашего района мероприятие – День чтения вслух. Читаем Чехова, конечно, и не только рассказы, написанные на Истринской земле. В 2017 году 15-й областной фестиваль «Цветы Подмосковья» был посвящен творчеству А.П. Чехова. Его участники из 41 муниципалитета Подмосковья представили жюри свои ландшафтные композиции, посвящённые творчеству Чехова.

В нашем городском округе есть ещё одна библиотека, которой под силу мероприятия районного уровня – Покровско-Рубцовская библиотека им. С.Т. Морозова. Имя С.Т. Морозова в Истре вспоминается в связи с единственно сохранившейся на территории района усадьбой Покровское-Рубцово в поселке Пионерский. Старинная усадьба была приобретена С.Т. Морозовым с торгов у разорившегося помещика Голохвастова. Устройством усадьбы, её внутренними интерьерами занимался выдающийся архитектор того времени Ф.О. Шехтель. На рубеже XIX–XX вв. у Морозовых

в Покровском-Рубцове побывал весь цвет Москвы – известные художники И.И. Левитан, В.А. Серов, М.А. Врубель, А.М. Васнецов, профессора Московского университета – историк и друг Морозовых В.О. Ключевский, Г.Ф. Карпов, врачи А.А. Остроумов, В.Ф. Снегирев (его имя носит гинекологическая клиника в Москве, построенная на деньги Т.С. Морозова – сына Саввы Тимофеевича) и др. По делам Художественного театра сюда не единожды приезжали К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко. Сюда приезжал А.П. Чехов с О.Л. Книппер-Чеховой. Здесь любили отдыхать артисты МХАТа и актриса Малого театра Г.Н. Федотова. Пел здесь Ф.И. Шаляпин, постоянный гость Морозовых. В 1904 г. по просьбе актрисы М.Ф. Андреевой Савва Морозов устроил революционера Н.Э. Баумана в имении ветеринаром на конном дворе. После трагической гибели С.Т. Морозова вдова вышла замуж третий раз и приобрела имение Горки, которым суждено было стать Ленинскими. А имение передалось старшему сыну четы Морозовых Тимофею. До революции в имении был приют для сирот, ремесленная школа. После революции в усадьбе разместилась школа хорового пения для девушек, детская колония «Искра», колхоз «Искра», образовавшийся в 1919 году из бывших военнопленных как коммуна. Усадьба пережила оккупацию, после войны здесь был санаторий для легочных больных. С 1992 года усадьба переживает не лучшие времена. В Доме отдыха некоторое время размещались нелегальные мигранты из стран Азии и Африки. В 1999 году усадьба пережила сильнейший пожар.

Именно в такое время пришла на работу в библиотеку Ирина Анатольевна Старжинская (1996 год). С 1981 года библиотека в поселке Пионерский (название старинное село получило благодаря пионерским лагерям, которых в окрестностях было много). Вокруг Ирины Анатольевны образовалась группа энтузиастов-краеведов из числа местных жителей, представители сельских старинных династий (Гиляровы), неравнодушных к судьбе старинной усадьбы. В библиотеке проходили заседания краеведческого общества «Наследие», возглавляемого Е.В. Штейдле, общество «Русская Палестина», общество «Манускрипт». Библиотека собирала материалы, связанные с судьбой усадьбы, вела переписку, обращаясь к властям разных уровней. Ведь усадьба была продана по цене двухкомнатной квартиры в частные руки, а самое страшное – практически разрушена. Библиотека стала центром спасения усадьбы, объединив вокруг себя поколения людей, потомков владельцев усадьбы. Фонд библиотеки пополнялся дарами краеведов, библиотека вела подробную фотолетопись, связанную с историей восстановления усадьбы. Такую работу нельзя было не заметить властям

и сельчанам. Имя Саввы Тимофеевича Морозова Пионерской библиотеке было присвоено в ноябре 2003 года. Решением районного совета депутатов, по желанию сельчан в названии библиотеки было восстановлено старинное название села – Покровское-Рубцово. Мероприятия, связанные с именем С.Т. Морозова, проходили 2 раза в год – в день рождения 3 февраля и в дни памяти в июле. Мероприятия имели статус районных. В парковой зоне усадьбы проходили народные гуляния, театрализованные представления, выступали коллективы и оркестры. Библиотека собирает людей всех поколений, представителей организаций, потомков Морозовых, Нащокиных и Голохвастовых (бывших владельцев усадьбы). В 2006 году библиотеке было присвоено звание «Библиотека года» в номинации «Сельская библиотека». В библиотеке выходило свое печатное издание «Покровско-Рубцовский вестник», рассказывающий о работе библиотеки по популяризации имени мецената. В 2010 году к изданию подготовлен 2-й историко-краеведческий сборник «Покровское-Рубцово», общую редакцию осуществила заведующая библиотекой Ирина Анатольевна Старжинская. Позволю себе цитату из этого сборника Александра Анатольевича Ширвиндта: «В поселке есть библиотека. И они недавно устроили вечер памяти Журавлева. Меня позвали. Ну просто до слёз. Чистенько. Получают три копейки. Специальную экспозицию сделали. Угощали: огромный пирог с вареньем. Никаких виски и устриц» [1].

Исследовательские работы по краеведению касались не только имени Морозова, но и истории села. Когда офицером-подводником Юрием Федоровичем Никитиным были найдены документы о первом изобретателе «потаенного судна», а им оказался уроженец села, в 2007 году около библиотеки был открыт памятный знак создателю первой русской подводной лодки Ефиму Никонову, уроженцу села Покровское-Рубцово. В 2012 году рядом с библиотекой появился памятник Савве Тимофеевичу Морозову – в день его 150-летия, скульптора С. Казанцева. Этот памятник появился благодаря средствам, собранным жителями села и местными организациями-благотворителями, в том числе и от продажи сборника «Покровское-Рубцово», а также от продажи книги Вико Натальи «Дичь для товарищей по охоте», библиотеки района также помогали своей коллеге в сборе средств на памятник. В день открытия памятника в Покровском-Рубцове было показано театрализованное представление, сюжетом которого стал приезд в дом Морозовых на 15-летие старшей дочери замечательных гостей – А.П. Чехова с супругой Ольгой Книппер-Чеховой и В. Ключевского. Судьба усадьбы благодаря стараниям общественности разрешилась. Ныне

это собственность Газпроминвестбанка, в планах восстановить усадьбу. Что касается уникального парка, то общественность в очередной раз пытается предотвратить продажу земель новыми собственниками и сохранить уникальный ландшафт парка.

Сегодня о тех далеких временах напоминают библиотеки, носящие имена и ведущие мемориальную работу. Библиотеки смогли заложить культурные традиции празднования памятных литературных дат в районе, объединили вокруг себя читателей и общественные организации. При этом история и работа каждой библиотеки уникальна и интересна.

Список источников и литературы:

1. Ширвиндт, А.А. Вдоль по «НИЛу» //Покровское-Рубцово [Текст]: историко-краеведческая книга /авт. – сост. Е.Н. Гилярова, Е.Е. Мансурова, В.Ф. Мосалев; общ. ред. И.А. Старжинской. – М.: «Делмос», 2010. – С. 253.

Е.Н. Золотарева

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСКУРСИОННОГО МАРШРУТА «ПАВЛОВСКАЯ СЛОБОДА: ПУТЕШЕСТВИЕ СКВОЗЬ ВЕКА

Данный проект является результатом многолетней краеведческой работы Павло-Слободской сельской библиотеки. На первом этапе она включала в себя сбор материала по истории родного села Павловская Слобода Истринского района Московской области. Пятисотлетняя история нашего села уникальна, очень интересна и многогранна.

В окрестностях Павловской Слободы сохранились археологические памятники времён славянской колонизации края – древние селища и курганные могильники XI–XIII вв. Здесь проходила граница расселения племён вятичей и кривичей по реке Истра.

За свою многовековую историю село не раз меняло название: Павловское, Павловское казённое, Павловская Слобода. Его посещали царь Алексей Михайлович, царевна Софья, царь Пётр I, царь Александр II и другие представители рода Романовых. Летом 1884 г. в Павловской Слободе жил на даче композитор А.П. Бородин.

Первое письменное упоминание села – 1504 г. в разъезжей грамоте царя Ивана III. Уже тогда оно принадлежало древнему знатному роду Морозовых. Самым известным представителем этого рода был боярин Борис Иванович Морозов, владевший нашим селом в XVII в. Он был воспитателем и сподвижником царя Алексея Михайловича, реформатором и фактическим руководителем русского правительства. При нём в селе Павловское было организовано образцовое хозяйство, построен храм Благовещения – жемчужина архитектуры XVII в., а также заложены одни из старейших в России железоделательные заводы.

В XVIII в. нашим селом владел граф Павел Иванович Ягужинский – фаворит Петра I, генерал-прокурор Сената. Им была основана Павловская суконная фабрика, впоследствии перешедшая в казну и ставшая в XIX в. одной из крупнейших в России. В середине XIX в. каждый четырнадцатый

солдат русской армии был одет в мундир из павловского сукна. После закрытия фабрики во второй половине XIX в. в её корпусах была размещена Третья артиллерийская гренадерская бригада, участвовавшая в русско-турецкой войне под командованием генерала М.Д. Скобелева. В одном из корпусов бригады располагалось офицерское собрание, где проходили балы. На одном из балов произошло судьбоносное знакомство И.П. Чехова, брата писателя, с владельцем усадьбы Бабкино С. Киселёвым.

В 1921 г. на территорию бывшей фабрики из Кремля переводят Московский артиллерийский склад, позднее ставший воинской частью № 67714. Осенью 1941 г. она стала важным стратегическим объектом на одном из последних рубежей битвы за Москву.

В 2014 г. воинская часть была ликвидирована и территория приобрела «неопределённый» статус, что привело к бесхозяйственности и череде поджогов исторических зданий. В этих условиях наша задача – привлечение внимание к гибнущему памятнику архитектуры, признанному выявленным объектом культурного наследия регионального значения.

Посещение ансамбля зданий бывшей суконной фабрики, построенных в стиле ампир, является важнейшей частью экскурсионного маршрута «Павловская Слобода: путешествие сквозь века». Экскурсия начинается у храма Благовещения, где рассказывается история села до конца XVII в., продолжается на территории бывшей воинской части, ранее закрытой для посещения, и заканчивается у Мемориала героям Великой Отечественной войны.

Целью экскурсии является патриотическое воспитание, изучение истории родного края и развитие туризма в Истринском районе Московской области.

Список источников и литературы:

1. Васильева, Л. Боярин Морозов и его Павловская вотчина [Текст] /Л. Васильева //Ленинский путь. – 17 марта, 1990.

2. Васильева, Л. Бунт в Павловской вотчине [Текст] /Л. Васильева //Ленинский путь. – 5 апр., 1990.

3. Васильева, Л. Железные Павловские заводы [Текст] /Л. Васильева //Ленинский путь. – 31 марта, 1990.

4. Историческая справка по войсковой части 67714 ордена Красной Звезды 6892 база артиллерийского вооружения [Текст] //Военно-исторический архив. Ф. 503. Оп. 1387. Д. 3. (Департамент артиллерии); Ф.504. Оп. 1405. Д. 15 (12 Отделение ГАУ). – Б.м., [2001]. – 24 с. (Об истории воинской части с 1701 г.).

5. Истринская земля [Текст]. – М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 848 с.: ил. – (Энциклопедия сел и деревень Подмосковья).

6. Либсон, В.Я. По берегам Истры и её притокам [Текст] /В.Я. Либсон – М.: Искусство, 1974. – 144 с.

7. Мамаев, С. Павловская Слобода. Век перемен [Текст] /С. Мамаев. – М.: Генезис, 2014. – 144 с.

8. Маслова, В. Страницы родной истории [Текст]: рассказы об истории села Павловская Слобода для семейного чтения /В. Маслова. – М.: Генезис, 2014. – 104 с.

9. Павловская Слобода: 500 лет в истории России [Текст] /М.А. Крючкова, Л.Г. Невзорова, М.И. Соколова и др. – М.: Лана, 2004. – 176 с.

10. Письма А.П. Бородина с примечаниями С.А. Дианина. [Текст]: Вып. 4.: 1883–1887. – М.; Л.: Государственное музыкальное издательство, 1950.

11. Пэнэжко, О. (протоиерей). Храмы Истринского района [Текст]: [в 2 ч.] / Протоиерей Олег Пэнэжко. – Владимир, 2009. – ч. 2. – 368 с.

12. Чехов, М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. [Текст] / М.П. Чехов. – М.: Московский рабочий, 1980. – 255 с.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Модераторы:

Вартанова Татьяна Владимировна, директор МУК «Истринская ЦБС» (Муниципальное учреждение культуры «Истринская централизованная библиотечная система» городского округа Истра Московской области)

Козлов Владимир Фотиевич, кандидат исторических наук, профессор, председатель СКР и МКО, РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва)

Участники:

Акимова Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Музей Зеленограда» (г. Москва)

Андрюхина Ольга Сергеевна, заведующая Дедовской городской библиотекой №1 (Московская область, г. Дедовск)

Анискина Ольга Васильевна, заведующая организационно-массовым отделом Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова (Московская область, г. Истра)

Боголюбова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, член Союза писателей Москвы, член Международного художественного фонда, главный редактор альманаха «Фавор. Литературно-историческая Истра» (Московская область, г. Истра)

Воронцова Евгения Александровна, кандидат исторических наук, заведующая сектором издательских проектов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (г. Москва)

Гомина Ирина Ивановна, руководитель краеведческого клуба «Дедовская сторонка» Дедовской городской библиотеки №1 (Московская область, г. Дедовск)

Дудоладова Ольга Ивановна, заведующая отделом краеведения и мемориальной работы Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова (Московская область, г. Истра)

Завьялов Сергей Михайлович, ученый секретарь ГБУК МО «Музей «Новый Иерусалим» (Московская область, г. Истра)

Золотарева Екатерина Николаевна, ведущий библиотекарь Павло-Слободской сельской библиотеки МУК «Павло-Слободский КДК» (Московская область, с. Павловская Слобода)

Королевич Вера Васильевна, заведующая методико-библиографическим отделом Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова (Московская область, г. Истра)

Мамаев Сергей Юрьевич, преподаватель НОУ «Православная школа «Рождество», руководитель музея «Усадьба Рождествено» (Московская область, г. Дедовск)

Менчинская Наталья Юльевна, член Союза краеведов России, РОПИК, Союза архитекторов РФ (г. Москва)

Носиков Сергей Павлович, кандидат технических наук, краевед (Московская область, г. Истра)

Орлов Эрнест Дмитриевич, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля, руководитель отдела «Дом-музей А.П. Чехова» (г. Москва)

Смирнова Александра Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, первый заместитель председателя СКР и МКО, главный редактор сайта «Российский краевед» (г. Москва)

Центральная библиотека имени А.П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)
143500, Московская область, г. Истра,
ул. 9 Гвардейской дивизии, д. 49
Телефон: 8(498 31)51981.
E-mail: IstraBiblioteka@yandex.ru

ПЕРВЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ
«КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИСТРИНСКОЙ ЗЕМЛИ»

Сборник материалов
научно-практической конференции
13 декабря 2017 года

Художественный редактор
Владимир Зайцев

Корректор
Таисия Романосова

Верстка
Любовь Дерр

НОВОСИБИРСКИЙ
издательский дом

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
Телефон: (383) 299-29-80. E-mail: knigosibirsk@yandex.ru
Подписано в печать 12.10.2018. Формат 60x90/16. Печ. л. 9,5
Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 41-5-1.